

МОЙ НАПОЛЕОН

ЕВГЕНИЙ БРЕЙДО

ЕВГЕНИЙ БРЕЙДО

МОЙ НАПОЛЕОН

Евгений Брейдо

МОЙ НАПОЛЕОН

Моим родителям

Київ

Дружарський двір Олега Федорова
2024

УДК 821.161.1'06(73)-32

Б87

Брейдо, Евгений

Б87 Мой Наполеон / Е. Брейдо. — К. : Друкарський двір Олега Федорова, 2024. — 132 с.

ISBN 978-617-7955-71-8

В новой книге Евгения Брейдо собраны рассказы, повести и статьи о наполеоновской эпохе. Место действия: Франция, Россия и поля некоторых европейских сражений. Автор пристально вглядывается в личность великого корсиканца, не обходит вниманием его приверженцев и врагов, размышляет о нем самом и причудливых зигзагах Истории. У каждой эпохи не только свой Шекспир, но и свой Наполеон. Император французов предстает иным, чем в романах Толстого и Достоевского, биографиях Тарле или Тюлара. Стендаль писал: «Правил тиран, но произвола было мало». Хотя споры о том, кто он, чего в нем больше — зла или добра, вряд ли когда нибудь утихнут. Книга будет интересна всем, кто любит историю и литературу.

УДК 821.161.1'06(73)-32

ISBN 978-617-7955-71-8

© Брейдо Е., текст, 2024

© Ефроїмсон В., фото автора, 2024

© Федоров О. М., издавець, 2024

ПРОЗА

ТЕАТР АУСТЕРЛИЦА*

П О В Е С Т Ъ

Глубоко в чернораморной устрице
Аустерлица забыт огонек.
О. Мандельштам

О, как шагает этот юный Бонапарт!
Он герой, он чудо-богатырь, он колдун!
А. В. Суворов

Ловушка

Чего он никогда не умел, так это заключать надежных мирных договоров. К чему идти на компромисс, если можно выиграть еще одно сражение?! А проиграть с такой армией он не может. Амьенский мир был хорош для французов, но хватило его всего на год. Слишком мало оказалось согласия и сильна взаимная злоба. Англичане не были разгромлены, как австрийцы, не хотели ничего уступать. Войне нужна была свежая кровь и они сумели впутать русских, а надеялись еще и пруссаков.

Одним махом перепрыгнуть Ла-Манш не удалось — адмиралы ни на что не годны, и война погнала армию в другую сторону — к Рейну. Его ворчуну дошли туда за три недели, а еще через две он поймал

* После сражения при Аустерлице, данном 2-го декабря 1805-го года, Священная Римская империя, основанная в 962-м году германским королём Оттоном I, перестала существовать.

в хитрую паутину своих корпусов жирную муху — 85-титысячную армию Мака. Самоуверенный доктринер до самого конца не верил, что со всех сторон окружен — он проводил стратегические маневры, в его заполненной пустыми схемами голове неприятель был отрезан от линии коммуникаций и уничтожен. Зато генерального сражения удалось избежать, запертая в Ульме армия сдалась и крови пролилось меньше, чем обычно. Но война на этом не кончилась, одной победы оказалось мало.

Теперь русские соединились с австрийцами возле крепости Ольмюц, у них прекрасная позиция и больше войск, чем у него. Атаковать глупо, а выжидать опасно — время работает на них. Нужно как-то выманить их оттуда.

Его мозг, созданный для военных головоломок, жадно набросился на новую задачу. Перед глазами возникла местность с прямоугольниками войск союзников, потом праценское плато и окружающие долины, занятые собственной армией. Войска пришли в движение: поскакала кавалерия, ровные пехотные линии затрещали залпами, синие каре двинулись вперед, голова содрогнулась от грохота пушек и в ней внезапно стали появляться неясные еще картинки будущего сражения. Одни он тут же отвергал, на других останавливался подробнее и они становились яснее, но потом тоже уходили, наконец, несколько последних завладели его сознанием, перекручивались в воображении так и эдак и он стал уже проборматывать имена командиров, номера корпусов и дивизий. Мысль стремительно летела вперед и была точна, кажется, он поймал за хвост эту жар-птицу. В такие моменты, а он знал их хорошо, все суетное отступало, мелкое тщеславие и безбрежное честолюбие его больше не имели значения, так же не было смысла ни в победе, ни в поражении: маленький смиренный Наполеон просто следовал за мыслью как послушный ученик. Важна была только она одна, решение уже существовало объективно как данность, как предмет — стена или стол, и больше никак от него не зависело.

Выходило очень просто. Для обхода и атаки, как ни крути, недостаточно войск — так пусть союзники сами атакуют. Молодой царь грезит военной славой. Ну что ж, придется пока побыть пугливым Дарием, чтобы он почувствовал себя всамделишным Александром перед Гавгамелами. Недолго, всего один вечер, утром поменяемся местами.

Они, скорее всего, захотят отрезать его от Вены, т.е. окружить правый фланг, но при этом неминуемо оголят центр, по которому он как раз

и нанесет главный удар: прорвет его, выйдет им в тыл, сомнёт, раздавит левый фланг врага и превратит их манёвр в свою победу. Ему нужна сокрушительная победа, чтобы одним ударом закончить войну.

А если они поймут, что это ловушка? Останутся в Ольмюце, будут ждать подкреплений? Его одолевали сомнения. Сколько еще может подойти русских — 100 тысяч? Больше? Если поспеют из Италии эрцгерцоги Иоанн и Карл с 80-ю тысячами? Тогда ему останется только считать мертвецов, и незачем было хвастаться в письме Жозефине: «Займусь теперь русскими — им конец».

Нет, царю нужно сражение — как иначе раздобыть славы?! Говорят, юноша ангельски красив и воспитан не хуже прежних французских королей. Жаль, если с ним что-нибудь случится в бою. Лазутчики доносят, что всю армию на походе заставил идти строевым шагом. Печатать шаг, не сгибая ног, по моравским дорогам — ох, вряд ли солдаты будут ему благодарны. Похоже, что военное искусство — не его стихия.

Там два императора и ни одного командующего. Дивная комбинация, но они могут ждать и станут от этого только сильнее — к ним подходят подкрепления. А у него их почти нет. Зато есть удача и доблестная армия, которая верит в своего императора почти как набожные крестьяне в Господа. Да, через шесть дней годовщина коронации. Хорошо бы к этому времени выиграть битву. Империя оказалась отменным рецептом от террора. Бурбоны убедились, что нет никакого смысла в адских машинах — его смерть ничего им не даст. Французы хотят монархию, только совсем другую. Справедливые законы, дворянство несомненных заслуг и орден Почетного легиона для самых достойных — вот что нужно французам. Люди готовы умирать за этот маленький кусочек серебра с позолотой. А ведь никто не верил. Нарушает принцип всеобщего равенства. Ну и что?

Разговор с Карно

Либерализм или республика?

Вот кого жаль было отпускать в отставку. Вряд ли у него еще будет такой военный министр. Великий человек с лицом фабричного рабочего: водянистые глаза, большой нос, всклокоченные волосы.

К тому же оспины на лбу и по щекам. У любого капрала в гвардии вид поавантажней. Ни военного опыта, ни образования, однако лучшего организатора для армии не найти. Видит сразу и лес и каждое дерево. У Карно не бывает мелочей: все важно. Убедился в этом не раз и не два, пока готовили Итальянский поход. К тому же знаменитый математик. Когда по делу о взрыве адской машины Фуше внес Карно в список заговорщиков, тут же его вычеркнул :«Карно не заговорщик, а вы сумасшедший, Фуше». Непреклонный республиканец, но ему можно простить.

Карно сидел у него в кабинете в огромном покойном кресле, обитом красным бархатом с золотыми пчёлами, как раз под часами, а он вскакивал и вышагивал перед ним, заодно посматривая на эти часы — вот-вот должно было начаться заседание Госсвета. Каждый говорил о своем — друг друга они не слышали. Карно будто остался в прошлой эпохе и все еще беседовал оттуда с революционным генералом Бонапартом.

— Вы опираетесь на восторг черни и любовь солдат.

Только чернь капризна, ее восторги переменчивы.

— Но эта чернь и есть французский народ. Несколько сот депутатов, адвокатов и журналистов не в счет. И вы не хуже меня знаете, что сделано за три с половиной года. Революцию нужно было очистить от воровства и грязи, отмыть от крови. Из громких лозунгов получился Гражданский кодекс, из неглупых и честных людей — отличные чиновники. Страной уже четвертый год управляют префекты — первые консулы в миниатюре.

Родись он в другое время, ни за что бы не стал воевать. Бесстрашие — не одна только храбрость в бою, но и отчаянная смелость мысли, не знающей преград, и решимость додумывать всё до конца.

— О, поверьте, я отдаю вам должное. Во Франции никогда не было такого реформатора. Но вы живете ради славы и власти, ваше честолюбие не знает границ, поэтому все висит на волоске. А французский народ по большей части — крестьяне, мелкие буржуа. Солдаты-то ваши в основном из деревни.

Как бы объяснить ему, что у всякой страны, как у человека, своя судьба. Здесь не Северо-Американские штаты. И некому уступить власть, потому что больше нет никого, так же идеально созданного для власти, умеющего ей так же отлично пользоваться, и в чьих руках от нее будет меньше всего вреда.

— Я честолюбив, верно, но мне ничего не нужно для себя. Моя единственная цель — сделать французов счастливыми, а Францию первой державой в мире. Буржуазия богатеет, крестьяне тоже за меня — теперь они владеют землёй по закону. Что до солдата, то после пары сражений он уже просто солдат и больше ничего. Неважно, кем он был вчера. И кстати, солдатская пре данность надежнее всего на свете.

— Чтоб платить за эту преданность, вы и создали Орден Почетного Легиона по образцу рыцарских орденов. Блестящая, конечно, штука, но в основе ее неравенство. Возникает как бы новое дворянство, люди же по природе равны.

— Люди равны только перед законом. Искусственное равенство так же несправедливо, как феодальная иерархия. Необходимо честное соревнование. Орден Почетного Легиона — волшебная палочка, которая из обычных людей делает героев. Попробуйте придумать другую. Если не уважать заслуг, не будет ни свободы, ни достоинства.

Как удивительно, что он не понимает таких простых вещей — при его-то уме?! Что это — ограниченность, сила революционной догмы?

Карно верил в равенство. Не в то, что все люди одинаковы, тут он точно знал, что никто не разбирается, скажем, в геометрии так, как он, даже этот военный гений, который удивил его когда-то решением старой задачи о треугольниках. Но пусть это останется внутренним, личным делом каждого, не нужно напоказ награждать, возвышать, а то одни снова захватят власть над другими, восславят ее подлыми красивыми словами и будут передавать потомкам из рода в род.

— Поэтому вы возвращаете изгнанных из Франции аристократов?

— Я возвращаю только тех, кто не воевал против нас. Сейчас, когда феодализма больше нет, аристократия безобидна. Но она необходима. Это сословие воспитано в понятиях чести, им не нужно объяснять, что такое величие, слава или милость к побежденным. Иначе нам останется узнавать про благородство разве из трагедий Корнеля или поэм Оссиана. Хотя вы правы, между нами нет сходства. Мои ворчуны, возможно, даже лучший пример для подражания. Они доблестны. А для чести французской нации нет ничего важнее че сти французской пехоты.

Да, больше всего империя нужна его ворчунам — все-таки он солдатский император.

— А конституция? Что вы с ней сделали?

— Поменял на конституцию X-го года. Разве что-то случилось? Слышали, как теперь шутят в Париже:

«Что дает конституция X-го года? Бонапарта.» Смешно. Кодекс Наполеона — вот что важно, форма правления не имеет значения. Что вам нужнее — либеральные принципы или демократия?

— Мне нужно то и другое. Десятилетнее консульство, теперь пожизненное. Пожалуй, еще не поздно стать Вашингтоном, но если все же станете Кромвелем, когда-нибудь жестоко за это поплатитесь.

— То и другое вместе пока невозможно. На нас все время нападают. Теперь понятно, что война с Англией продлится долго и втянет в себя много стран и народов. Кроме меня, вести ее некому. Я не боюсь войны, хотя не начну ее сам. Чтобы жить в мире и согласии с соседями, мы с ними должны быть похожи, значит, Гражданский кодекс должен завоевать, по крайней мере, Европу. Хотя думаю, что даже испанские колонии в Америке скоро последуют примеру Франции. Тут нужно военное счастье и твердая рука, а у меня еще и легкая — все, к чему прикасаюсь, удаётся.

— Единая Европа — утопия. Удача может в любой момент отвернуться, и тогда вы упадете в прикрытую цветами пропасть.

Итальянская кампания

В действиях свободен как воздух,
которым дышит. Он движет
полки свои, бьется и побеждает
по воле своей!

А. В. Суворов

Тот портной в Венеции верно подсказал про серый плащ к треуголке. Или двууголке? Черт знает, как называется эта дурацкая шляпа. Их все разнашивает Кон стан — может, он знает? У камердинера огромная голова. Серый цвет хорош — броскость вульгарна. Ему нравится серый. Или темно-синий — цвет их шинелей. В темно-синем был при Маренго. Тогда появились чёлка и скучные волосы в скобку — вместо длинноволосого романтика времен Арколя. Интересно, каким его запомнят? Как сейчас — в сером плаще с треуголкой и звездой Почетного легиона на мундире? Запомнят ли? Пожалуй, да. Для победителя при Лоди, Кастильоне, Пирамидах, Ульме должно найтись место в Истории. Он угадал свое предназначение

и пожертвует ему всем — и счастьем и любовью. Всем, что для любого человека и есть единственный смысл жизни. Только не для него. Впервые понял это в Италии. Ту кампанию не превзойти, не повторить. Он был влюблен, свободен как ветер, служил Родине и себе самому. Из отчаянных оборванцев, кажется, одним рывком воли создал грозное войско, перемалывал с ним бесконечные пьемонтские, австрийские армии, а в голове царил Жозефина. И все было впереди. Ах, как ему тогда везло! Судьбе никогда и нигде не устоять перед его волей, но с той кампанией ничто не сравнится. Всегда в меньшем числе, нападал и разбивал неприятеля наголову повсюду, где только мог найти. Там, при Кастильоне, родилась его стратегия, там он впервые заворожил солдат своим военным счастьем. Самая большая честь — быть первым в атаке, самое большое несчастье — разочарованный взгляд генерала. Когда честь превыше всего, сила натиска неодолима.

Нет ничего невозможного, слово «невозможно» нужно выбросить из французских словарей. Оно развращает. И нет ничего важнее дерзости замысла, конечно, если можешь этот замысел воплотить.

Теперь время легенды. Нужно создать добротную, чтоб хватило надолго. Его империи не нужен живой Наполеон, ей нужен герой, миф. У Наполеона могут болеть ноги или живот, у императора никогда ничего не болит, он никогда не устает и почти не спит. Наполеон изредка делает ошибки, император непогрешим и знает все наперед. Например, план этой кампании он, конечно, составил еще в Булони, когда собирался переправиться в Англию, и уже там точно указал место, где разобьет врага. После битвы пусть об этом напишут во всех газетах.

В Италии ничего похожего не приходило в голову, тогда он просто любил Жозефину и мечтал о счастье. Но и честолюбие не отступало. До сих пор помнит наизусть свои письма 96-го года: «И дня не прожил без любви к тебе. И ночи не провел, не сжимая тебя в объятиях. Чашки чая не выпил, не проклиная честолюбие и славу, которые держат меня вдали от тебя.» Сколько их было! «Природа дала мне сильную решительную душу, тебя же соткала из кружев и газа.» Днем побеждал, по ночам писал ей. Без этой страсти не было бы Итальянской кампании. Родился мечтателем, чувствовал, что будет его черед, но тогда впервые догадался, на что способен. Оттуда же пошла легенда — первая ступенька к трону. В Италии стал героем, а теперь вырос в императора.

Его рисует Давид, этот все понимает как надо: на Сен-Бернарском перевале прямо под облаками в пурпурной тоге на белом вздыбленном коне с рукой, указывающей невесть куда. Если бы не в Альпах, а хоть в манеже

он поднял на дыбы самую смирную лошадь, та бы сбросила его в ту же секунду. И была бы права — ему легче управиться с вражеской армией, чем с лошадью. Но для империи именно так и нужно. Постепенно человек в нем до того слился с императором, что не разобрать, где кто.

Савари́

Каково работать адъютантом
императора французов

Придется разыграть спектакль — убедить врага, что слаб и станет легкой добычей. Это должно быть несложно — корпуса разбросаны на расстоянии суточного перехода и перед союзниками стоит сорокатысячная армия против их почти девяностотысячной. Он придумал и опробовал этот способ в Итальянскую кампанию — ловить противника сетью наступающих корпусов. Как только неприятель обнаружен — сеть затягивается, корпуса подходят один за другим: дальше только ломать горло врагу. Пусть союзники пока думают, что у французов в два раза меньше войск, тем более что их и правда немного меньше. К чему пугать раньше времени? В этом представлении у него будут благодарные зрители и верные помощники — люди охотно верят тому, во что хотят верить. А он постарается быть убедительным — например, уйдет с Праценских высот. Но должны помочь и задорные теоретики войны из австрийского Гофкригсрата: после двух кампаний их планы читаются как с листа, а теперь придется еще и научиться направлять мысли в нужную сторону.

Император позвонил, вошел дежурный адъютант.

— Савари, вы сейчас поедете к императору Александру. Пишите: «Сир, я посылаю своего адъютанта генерала Савари, чтобы поздравить Ваше Величество с прибытием к армии. Поручаю ему выразить Вам мое глубочайшее уважение и заверить Вас, что больше всего на свете мне хочется снискать Вашу дружбу».

Наполеон нетерпеливо махнул рукой: «Допишите сами — что я восхищен его добротой, хочу быть приятным, что-нибудь в таком духе. Еще пару этикетных фраз. Поезжайте немедленно. Передайте на словах, что я не хочу войны, у нас нет никакой причины воевать. Если будет задавать вопросы, вы знаете, что отвечать. Возвращайтесь и доложите, как он вас принял».

Савари вышел. Он служил адъютантом Наполеона с предыдущей австрийской кампании — почти пять лет. Вряд ли в то время где-нибудь существовала должность более хлопотная. Адъютант императора был обязан не только доставить приказ, но действовать по ситуации, например, при необходимости возглавить любой отряд, вплоть до армейского корпуса. Полномочий и боевого опыта хватало, все они были генералами. Адъютантам приходилось бывать послами, министрами, квартирмейстерами и бог знает кем еще. А в случае надобности уметь наколоть дров и приготовить курицу. Задачей Савари было, конечно, не только вручить письмо, но разобраться, кто задает тон в окружении молодого царя и что думают его приближенные о предстоящем сражении. Статный кавалерист с бездонными синими глазами и большим, изящно очерченным, чувственным ртом казался созданным для любви или, на худой конец, сцены, а не для замысловатых императорских поручений. Но за внешностью оперного певца скрывались врожденная интуиция и проницательность сыщика. Он раскрыл заговор Кадудаля — самый опасный за время правления первого консула. Правда, он же арестовал несчастного герцога Энгиенского, который был виноват лишь в том, что родился Бурбоном, и устроил над ним скорый и неправый суд, но тут сказалась другая черта Савари — нерассуждающая исполнительность.

Александр

Ура, наш царь!
А. С. Пушкин

В русской главной квартире царили самонадеянность и эйфория, как будто не только сражение было выиграно, но Наполеон и его империя больше не существовали. Заводилой придворной молодежи был князь Петр Долгоруков, энергичный белокурый красавец, отважный, но заносчивый, и больше дерзкий, чем разумный. Службу он начал сразу с капитанского чина и в 21 год стал генералом, ни разу не побывав в бою. Другие генерал-адъютанты: Волконский, Ливен, Винценгероде, тоже отличались храбростью и лихим напором, но не военными талантами. В Петербурге вельможная молодежь успешно задвинула сановников прежних двух цар-

ствования, теперь военная молодежь отодвинула екатерининских генералов. Диспозицию сражения поручено было составить генералу Вейротеру, теоретику той же школы, что и ульмский герой*. Это был высокий пятидесятилетний человек с внешностью строгого школьного учителя. Больше всего ему недоставало палки или длинной линейки. Провалов в его карьере было много, победы ни одной, однако высокая заумь речей и запальчивая самоуверенность производили магическое действие на неискушенных в военном деле фрунтовиков-венценосцев.

Савари прибыл на аванпосты перед городком Вишау и был отправлен в штаб Багратиона. На следующий день в 8 утра его привезли в городок Ольмюц и проводили в дом, где стоял главнокомандующий. Это был просторный купеческий особняк, выкрашенный в ярко-желтый цвет: в первом этаже располагался штаб, во втором были апартаменты Кутузова, а третий остался хозяевам. Командующий предложил оставить депешу ему, но адъютант сказал, что в таком случае должен будет воротиться назад. Михаил Илларионович не стал настаивать и предложил дожидаться. Вся главная квартира была в движении: по поведению и словам офицеров ясно было, что армия вот-вот выступает в поход. Савари смотрел и слушал. Ждать ему пришлось недолго. Не прошло и четверти часа, как внезапно возникли суматоха и общее замешательство: опытный придворный, он сделал вывод, что прибыл царь. Так и оказалось. Савари видел, как искалочно согнулся генерал Кутузов, из командующего армией на глазах превращаясь в раболепного придворного. Через секунду вокруг были только согнутые спины.

Александр был высок ростом, голубоглаз, с правильными, как у античной статуи, чертами лица, но несколько женствен. Глаза, мягкий округлый подбородок и склонность к полноте достались ему от бабушки Екатерины. Адъютант императора представился, передал пакет. Царь жестом велел всем удалиться. Потом сам вышел с пакетом из комнаты и вскоре вернулся назад, почему-то держа конверт адресом вниз. Савари перевернул его и с удивлением прочел вместо «Наполеону, императору французов» неожиданное обращение: «Главе французского правительства».

— О, я не придаю значения этим мелочам, — пояснил Александр с очаровательной улыбкой. По-французски он говорил без всякого ак-

* Генерал Карл Мак.

цента безупречными академическими фразами. «Я не призываю вас верить мне», — читалось в этой улыбке. «Мы оба все понимаем — просто играем в одну и ту же увлекательную игру.» И добавил словами, как бы с сожалением пожимая плечами: «Всего лишь правила этикета».

— Уверен, что император именно так и поймет, — ответил Савари. Он не оценил искусной игры русского царя, поскольку предпочитал формулировки простые и ясные. — В Итальянскую кампанию у генерала Бонапарта в подчинении было немало королей, но дорожит он только доверием французского народа, избравшего его императором.

Александр ответил утонченной улыбкой, как бы поддержав ее коротким наклоном головы. Это могло означать согласие или что угодно. В манерах молодого императора преобладали изысканность и аристократическая сдержанность.

Миссия была выполнена, Савари тотчас откланялся. Александр остался один.

Почти никто не понимал, почему он ввязался в эту войну. Даже приближенные, которые стояли за борьбу с Наполеоном, — из собственных ли видов как князь Адам Чарторыйский, из выгоды быть заодно с государем или просто из неколебимой преданности, вряд ли смогли бы сказать, что им движет. Знает только учитель, Лагарп. Хотя и в письмах у них это не прямо — между строк. Быть Наполеоном и стать императором — какое чудовищное падение! Как он смешон в желании быть обычным монархом. К тому же ничего не смыслит в монархизме. Но не в том дело — почему ему удастся одерживать все эти победы, совершать перевороты, менять политический строй, принимать кодексы законов?! Он мал ростом, вульгарен, и говорят, бывает по-солдатски груб. Однако все им восторгаются как античным героем, у него все выходит, ему все разрешено, и даже теща Амалия, баденская маркграфиня, приводит его в пример зятю. Да что теща, половина двора — бонапартисты. А он, Александр, не совершил пока ничего. Проклятый корсиканец забрал его подвиги, его славу и успел уже сделать все то, о чем он только мечтает. Стать благодетелем человечества, устройтелем счастья народов, любимцем Европы и всего света — всё это невозможно, пока есть Он. Только Лагарп понимает. И мечтает о дивной и высокой судьбе для своего ученика. «Россия Вас десять веков ждала», — когда-то написал ему учитель. И он не забыл.

В Европе нет места для них обоих. Один должен уйти. Кто? Провидение разберется. Но у него, Александра, есть миссия. Это то, к чему

он предназначен, — уничтожить выскочку. И кажется, сейчас для этого самый удобный момент.

Вишау

Совсем маленькое сражение
с большими последствиями

Пока Савари беседовал с Александром, русская армия шла вперед. У Вишау на ее пути стояла небольшая гусарская часть генерала Трейяра. Бригадой она была только по названию, поскольку насчитывала едва ли треть состава. Завидев тысячи всадников и пехотные колонны, гусары вскочили на коней и бросились вон из городка. Долгоруков во главе 12-ти батальонов пехоты первым вошел в Вишау и пленил эскадрон, застигнутый в пешем строю. Казаки и павлоградские гусары изрядно побили конных егерей, прикрывавших отход Трейяра, — тем дело и кончилось. Успех был небольшой, скорее перестрелка, чем сражение, но произвел необычайное впечатление на окружение Александра и самого императора. Долгоруков, герой дня, говорил, что сейчас дело не в том, как побить французов, а как их потом ловить. Теперь он больше всего опасался, что Буонапарте уйдет. Государь объехал поле боя, посмотрел в лорнет на убитых и раненых: его мутило от вида крови. Не стал ужинать и весь следующий день был болен.

Приманка

Если рядом бесплатный сыр,
оглядись вокруг, не в мышеловке ли ты

Наполеон остался доволен докладом Савари. Повертел в руках бумагу, усмехнулся: «Главе правительства». Ндаа.

— Савари, раз уж вы свели знакомство с русским императором, стоит его продолжить.

Он был в хорошем настроении.

— Поезжайте к нему снова и скажите, что завтра я хочу с ним встретиться. Мир можно заключить сейчас же и на самых умеренных условиях. А пока договоримся о перемирии на 24 часа. Отправляйтесь немедленно.

Перемирие было нужно, чтобы успели подойти корпуса, стоявшие на расстоянии одного перехода.

Теперь Савари приняли в русском лагере хуже. Александр был сух и встречаться отказался, но предложил вместо себя Долгорукова. Это была дерзость, однако император, не задумываясь, согласился: русский царь, сам того не понимая, ему подыгрывал. Пусть его считают слабее, значит, больше надежды, что будут атаковать. И он незаметно подскажет, где именно.

Чем тверже Наполеон казался окружающим, а за 20 лет походов никто ни разу не застал его растерянным или хоть чуть неуверенным в себе, тем больше сомнений и страхов точили его изнутри. Да, он выманил союзников из Ольмюцкой крепости. Только что дальше? Будут ли они и впредь следовать его плану? А если вот прямо сейчас безо всякого перемирия всей силищей ломанутся вперед, когда в каждой части еще полно отставших, которые подтянутся только к самому сражению, и не подошли ни Бернадотт, ни Даву с Фрианом, ни остальные. Хищным военным разумом он сразу видел опасность. И в подтверждение тут же чувствовал ее телом: мышцы ног пронзала нестерпимая боль, словно сквозь них пропускали сильный электрический ток. Внезапный разряд выкручивал каждую, они переплетались как веревки в клубке, ноги подкашивались, становились тряпичными и тело готово уже было мягко осесть будто пустой мешок, но в следующее мгновение боль проходила, оставляя мерзкий привкус трусости и малодушия. Лицо ухитрялся держать непроницаемой маской, чтобы не выдал ни один мускул, только пальцы сжимались за спиной в кулаки. Баталий не выигрывают без риска, а боль, даже такая, отнюдь не смерть.

Маршалы думают, что Працен — ключ ко всему сражению. Ну и хорошо, значит, австрийцы и русские думают так же. Из этого ключа получится отличная приманка — кому достанется, сразу почувствует себя победителем. Правда, нужно еще победить. Послезавтра будет кровавый день, а пока он устроит балаган с переговорами и отступлением. Если все получится как задумано, победа должна быть полной, и еще можно спасти несколько тысяч жизней. Тысячи молодых мужчин, мужей, любовников, детей, отцов, которых привели сюда долг, желание славы или страсть к наживе, привыч-

ка драться или покорность судьбе, отважных, осторожных или даже трусливых, вояк, крещенных огнем, и юнцов, не нюхавших пороха. Он представлял их себе очень легко как четырехугольники каре в синих мундирах, да зачем их как-то представлять, они же тут рядом, перед глазами. Только нужно знать, как вставить этот ключ, там замок с секретом, никто этого не понимает, ни противник, ни его маршалы, а он знает как. Они пришли раньше и, естественно, заняли высоты, тактически безукоризненно, теперь он отступил в страхе перед неодолимой мощью врага и освободил их — картинно, напоказ. Русским ничего не остается, кроме как принять этот дар. Сейчас у союзников есть возможность маневра, а ему нужно, чтоб они заняли Працен и спустились оттуда, пытаясь окружить его правый фланг, тогда он сможет рассечь их центр и ударить с тыла.

Есть такая шахматная задача — чтобы победить, нужно пожертвовать ферзя. Здесь что-то подобное. Ему обязательно должно повезти. Они сделали уже столько глупостей, что сделают и еще одну ошибку.

Он дал им разбить Трейяра — а что было делать? Раз уж так слабо, для правдоподобия русские должны одержать хоть крошечную победу. Авангардным частям приказано отступать без боя при наступлении неприятеля. Пусть Александр порадуется.

Мюрат в развевающемся золотом плаще со свисающими, как на театральном занавесе, кистями и в расшитом золотом камзоле примчался к нему вчера, пылая праведным гневом — бригада Трейяра была из его резервной кавалерии:

— Сир, прикажите атаковать! С десятью эскадронами я буду гнать эту сволочь до самой Сибири!

Он остановил принца движением руки.

— Пока не нужно ввязываться в сражение. Еще не время.

Иногда полезно слегка поднять боевой дух врага, особенно когда понимаешь, чем все кончится. Русский император должен быть уверен, что Буонапарте — так, кажется, они его называют между собой на итальянский лад, боится союзников и делает глупости — отступает при первом движении противника, уходит с ключевых высот, не рискует ответить ударом на удар. Иной боевой генерал задумался бы, а теоретики вроде Вейротера и лощеные адъютанты примут за чистую монету. Он сыграет не хуже, чем в Комеді Франсез— зря, что ли, они его считают итальянцем, любой итальянец прирожденный лицедей. Завтра приедет на переговоры любимец царя принц Долгорá — кто может выговорить

эти русские фамилии. Посмотрим, с чем. Он готов заключить мир на разумных условиях — с русскими нужен союз, а не война, австрийцы же побеждены и будут сговорчивы: в конце концов, его войска стоят в Вене. Но это вряд ли. Резвая молодежь хочет его разгромить.

Что ж, пусть попробуют. Он дарует им право первой атаки. Они же не знают пока, что она будет единственной. А если русские не уйдут с Працена, поставят там пушки и будут расстреливать сверху его войска — так бы поступил он сам, так и поступит сразу, как только снова будет наверху? Тогда не будет ни поражения, ни победы — он не станет их штурмовать. Нет, они уйдут — им нужна слава, царь с придворными уже уверены, что послезавтра вдребезги разобьют старого глупого Наполеона. Конечно, он стар — ему уже 36, а тому 28. Завтра увидим, так ли все это, как кажется. Долгорá должен не просто поверить, а прочувствовать до конца и убедить своего господина. Дело того стоит — он постарается. Працен — ключ ко всему, хотя даже Ланн, самый талантливый из маршалов, ничего тут не понимает.

Если будет сражение, оно покончит со Священной Римской империей. Германские государи пойдут за победителем.

Переговоры

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.
А. С. Пушкин

Около полудня Савари вернулся в штаб Наполеона, располагавшийся на небольшом постоялом дворе по дороге в Брюнн:

— Сир, принц Долгорá ждет на первом посту.

Не успел он договорить, как император уже мчался туда с такой скоростью, что взвод охраны едва поспевал следом. Он всегда передвигался стремительно, нетерпение гнало вперед, а тут еще подстегивала сумасшедшая мысль: «Вдруг царь, наконец, понял, что для войны нет причин, и удастся заключить достойный мир?»»

Высокому, белому, лощеному Долгорукому, воспитанному в пышной и медленной церемонности русского двора, был неприятен сам вид этого смуглого, слишком быстрого человека с резкими порывистыми движениями. Не только в нем не было византийской царственности, надмирного величия василевсов, но он даже не был аристократом, т.е. равным. Его сюртук и треуголка тогда еще были внове в Европе, она оценит их чуть позже под гром пушек завтрашнего Аустерлица, Йены-Ауэрштедта и Фридланда, сегодня же этот странный наряд и залепленные грязью сапоги совсем не понравились русскому князю. То ли дело золотые, генерал-адъютантские, с императорским вензелем эполеты, и сапоги, в которых послушно отражается грязное небо этой никому никому не известной деревушки.

Наполеон был естествен и любезен, а в Долгоруком не к месту прозвучала древняя спесь удельных государей:

— Франция должна вернуться к своим естественным границам. Вы должны оставить Италию, Бельгию и левый берег Рейна.

Сама его поза — гордо откинута голова, выпяченная грудь, отставленная правая нога, куда больше подходила трагическому актеру, чем переговорщику. Наполеон слушал с возрастающим изумлением. Эта речь, произносимая менторским, не терпящим возражений тоном, была скорее упражнением в декламации, чем реальными мирными предложениями.

— Как, и Брюссель я тоже должен отдать? — спросил он тихо.

Долгоруков подтвердил.

— Но мы с вами беседуем в Моравии, милостивый государь, а чтобы требовать Брюссель, ваша армия должна стоять на высотах Монмартра.

Князь никак не отреагировал на это замечание и продолжил заготовленный монолог. При этом он старательно избегал какого-либо обращения к французскому императору.

— Также должны быть возвращены все наследственные владения австрийской монархии и в первую очередь Вена. Тогда французская армия сможет беспрепятственно уйти восвояси.

На этом терпение Наполеона закончилось:

— Уходите, сударь, и скажите вашему господину, что я не намерен сносить оскорблений. Уходите немедленно!

Этому Долгору́ все же удалось испортить ему настроение.

— Италия! Бельгия! — бормотал он. — Они хотят Италию! А что бы они сделали с Францией, если бы я был разбит?! При каждом слове в ярости разбивал кавалерийским стеком ком земли под ногами.

Тут он заметил на часах старого солдата Антуана — помнил его еще по египетскому походу.

— Они считают, что нас осталось только слопать, — сказал обиженно, обращаясь к часовому. Для этих он был не императором, а маленьким капралом, стригунком — прозвали так за то, что был коротко стрижен. Антуан взглянул на него, спокойно набивая трубку, и невозмутимо ответил:

— Да ну! Мы встанем им поперек глотки!

Наполеон улыбнулся — к нему вернулась утренняя веселость.

Царь решил пошалить — послал этого юного хлыща, чтобы тот его отчитывал как боярина, которого хотят сослать в Сибирь. Ох, шалунишки, ничего, через пару дней вы узнаете цену своих милых проделок, но это будет кровавый урок и запомнится он надолго. Потянулся дернуть Антуана за ухо — делал так всегда, когда человек ему нравился, и отдернул руку: мочки не было.

— Где ты ее потерял?

— При Маренго, — ответил старый солдат с прежней невозмутимостью. — Я был в авангарде Дезе, в девятой бригаде.

— От нее почти никого не осталось, — помрачнел император. — Это была славная атака. Кто не видел, как дрался Дезе под Маренго, тот вообще ничего не видел. Я уже проиграл битву и выиграл ее, когда он пришел на грохот канонады, и как вихрь, ворвался в бой. Жаль Луи — сейчас был бы лучшим из маршалов.

— Еще как жаль — генерал всегда был лучшим.

Он погиб в 31, а мне уже 37 и я все еще жив.

— Без Дезе мы бы проиграли. Помнишь, его похоронили на самой высокой альпийской вершине, чтобы горы стали подножием могилы. Если бы только мог обменять ту победу на его жизнь, не задумался бы ни на секунду.

— Да, помню, как ты плакал.

— Все, что мне было нужно — обнять его после битвы. Но сейчас другая война.

И неожиданно закончил:

— Через 48 часов их армия будет разбита, я тебе обещаю.

— Теперь попробуй только не сдержат слово, — отозвался Антуан.

Роковая ошибка

Он слеп, упрям, нетерпелив,
И легкомыслен и кичлив,
Бог весть какому счастью верит...

А. С. Пушкин

Долгоруков доложил царю, что больше всего на свете Буонапарте боится сражения и достаточно одного нашего авангарда, чтобы его разгромить. После этого атака на французов была окончательно решена. Кутузов робко пытался возражать, но его никто не слушал.

Князь Петр с детства знал, что русская армия непобедима. О чем тут еще рассуждать?! Вежливость корсиканца была для него признаком слабости, стычка у Вишау казалась настоящим сражением. А главное, он очень хотел, чтобы Буонапарте боялся, а он, Долгоруков, был бы признан стратегом и заработал бы новую славу, чины, ордена и еще большую царскую признательность, хотя куда уж больше. На место Буонапарте он ставил, естественно, себя самого, только этот Долгоруков-Буонапарте был глупее, трусливее и во всех отношениях хуже, чем он сам, и поэтому, сражаясь с собой худшим, лучший Долгоруков все время у себя выигрывал. Молодой князь был этим чрезвычайно доволен.

Весь день 30 ноября и следующий русская армия продвигалась вперед, перепутываясь колоннами, меняя на ходу командиров, чтобы занять позиции, предписанные по плану Вейротера. В день проходили от силы километров по десять, зато строевым шагом. Устали и вымотались смертельно. Генералы рыскали в поисках своих частей.

Вечером 1-го декабря в штабе у командующего был военный совет. Долго ждали Багратиона, уже за полночь от него прискакал адъютант сказать, что князя не будет. Кутузов приказал начинать. Вейротер скучным профессорским голосом объяснял диспозицию. На лице у него блуждала презрительная улыбка мученика, который должен учить дикарей исчислению бесконечно малых. Крепко сбитый белокурый Буксгевден слушал стоя, оттопырив к Вейротеру ухо и сложив ладонь рупором. Маленький Дохтуров смотрел на карту, записывал и каждую минуту просил ему что-нибудь повторить. Сообразительный Ланжерон искал и находил в диспозиции слабые места. Кутузов вначале сладко дремал,

а под конец по-настоящему заснул, подперев голову небольшой пухлой ладонью. Остальные просто молчали. Часам к трем разошлись и каждый в темноте поехал к своим.

Иллюминация: «Виват император!»

На императорском биваке пили вино и спорили о стихах. Жюно — буря, успевший как раз к сражению примчаться из Лиссабона в надежде на удачу и маршалский жезл, декламировал из «Федры»:

*Как он явился в мир, чтоб заменить Геракла,
Напомнить, что средь нас геройство не иссякло;
Как истреблял он зло*.*

Наполеон, хорошо понимая, кому адресована эта лесть, возразил:

— Ну, отец трагедии все же Корнель. И он по-настоящему государственный человек! Хотя «Сиду» и не хватает политической идеи. Но время трагедий отнюдь не прошло.

Савари поддержал его:

— Они вечный источник сильных эмоций.

Как будто им не хватало эмоций в жизни.

— А сюжетов теперь не меньше, чем раньше, — добавил Коленкур. Потомок королей-крестоносцев, прямой и пылкий, он сам был под стать героям классической трагедии.

— Расин — ученик и преемник Корнеля, — согласился Жюно. В «Сиде» же сильна идея монархическая, что может, даже важнее.

Его прозвали в армии бурей за бесстрашие и неотразимый напор. А Наполеон обожал храбрецов. Буря стал адъютантом генерала еще в Тулоне.

— Сир, а может быть, Вы что-нибудь прочтете? Например, из Оссиана, — просьба была неожиданна, Жюно и сам удивился собственным словам. Оссиан — это было из той, первой Итальянской кампании, когда все начиналось. Сражение при Лонато, где он получил шесть сабельных

* Ж. Расин «Федра», 1977. Перевод М. А. Донского.

ударов в голову, Арколь, поездка в Париж с захваченными австрийскими знаменами, путешествие с Жозефиной из Парижа в Милан, стремительный роман с госпожой К. Генерал читал тогда Скальда ему и другому адъютанту, Мюирону. Воинственные романтические песни кельтского барда были написаны будто про самого Наполеона. Просто тот опоздал родиться на полторы тысячи лет. И они с Жаном-Батистом влюбились в обоих. Под Арколем Мюирон заслонил генерала своим телом.

Савари, Коленкур и остальные присоединились к Жюно: «Сир! Пожалуйста, Сир! Просим!»

Крохотная иголка кольнула Наполеона в сердце. Просьба Жюно тоже всколыхнула в нем память об Итальянской кампании, неистовой любви к Жозефине и письмах, которыми были полны его карманы. Самые страстные так и остались неотправленными — он их стеснялся. Потом, уже в Египте, именно Жюно, вернувшись из Парижа, рассказал, что у Жозефины есть любовник. Может, и не вошел бы в чумной барак, если бы не узнал. Хотя нет, все равно бы вошел: нужно было поддержать солдат. Но почему он не погиб тогда, в битве у Пирамид или под Акрой? Провидение хранило его для другого. Однако рвался в Париж не только за властью. Тогда не смог ее отпустить, но постепенно разлюбил. Иголка выскочила так же внезапно, как и вошла.

— От Оссиана был без ума один молодой генерал, господа. Одно время мы с ним дружили, теперь это в прошлом. Но я прочту.

На секунду задумался. Ну конечно, «Картона»:

*Друзья! мы будем жить великими делами!
 Так! имя храброго наполнит целый свет;
 Покажет поле битв следы моих побед,
 И буду я внимать в надоблачных селеньях
 О подвигах своих в бессмертных песнопеньях.
 Утешьтесь, о друзья, героя торжеством,
 Да чаша пириества обходит нас кругом;
 Да радость чистая вождей воспламеняет!
 О други! Звук побед в веках не умолкает*...*

Генералы отчаянно, изо всех сил заплодировали. Однако дело было не только в исполнителе.

* Джеймс Макферсон, «Картон», 1818, перевод А. А. Никитина.

Чтобы годами заниматься войной, т. е. разрушением, уничтожением, не зная никакой другой работы, выучиться не щадить ни своей, ни чужой жизни, постоянно сражаться и всё равно ненасытно мечтать о новых подвигах, принося в жертву этой мечте сложившийся обустроенный быт, любовные и семейные отношения, воспитание детей, т. е. обычно самое ценное, что есть у человека, не любить понастоящему ничего и никого, кроме славы, нужно было чувство принадлежности к чему-то великому, героический миф, могущественный, зажигательный и заодно отпускающий все грехи разом. Потому они так любили рассказы Оссиана. Перед завтрашним сражением, где любой из них мог быть убит или ранен, еще раз услышать их необходимо было каждому.

Русские и австрийские офицеры на своих биваках тоже читали сейчас про Картона и Фингала, гадая о том, что будет с ними завтра. Может быть, никогда и не бывало настолько похожих друг на друга врагов.

Внезапно император поднялся:

— Пойдемте-ка посмотрим гвардию.

Чуть отдалившись от свиты, он боком, незаметно подошел к биваку гвардейских grenадер и осторожно извлек из тлеющих углей печеную картофелину. Пока перекидывал с ладони на ладонь и дул на нее, остужая, услышал недовольный голос: «Сейчас вот возьму хворостину и покажу тебе, как картошку воровать».

Голос, впрочем, был несколько фальшивый: служивый узнал «маленького капрала».

— Господь велел делиться, — весело ответил Наполеон.

— Вот пусть сам и делится, — сказал grenадер мрачно. — А картофелину на место положь.

— С Маренго со мной? — спросил император, не сомневаясь в том, что его узнали.

— С Итальянской, не помнишь, как я тебя знатно послал у моста возле Арколя, когда ты нас поднимал в атаку? — солдат чуть вышел из тени, чтобы быть различимым в свете факелов. Огонь осветил растянувшийся в ухмылке рот и седые волосы.

— Марсеель, — протянул Наполеон. — Да тебя не узнать, старый вояка! Был черный как сапог. Но почему ты еще капрал? Я же тебя произвел в сержанты после перехода через Сен-Бернар в 1800-м.

— Поседел. Меня тогда ранило, попал в госпиталь, а нашивки на мне были старые, капральские. Когда вернулся, от нашей роты почти

никого не осталось. Так что некому было сказать, что я сержант, так и остался в капралах. Да и не все ли равно, в каком чине драться?

— Ладно. — Император обернулся.

Жюно уже вытащил откуда-то перо, лист бумаги и лихо, по-писарски, выводил своим знаменитым каллиграфическим почерком приказ.

— Грамотный?

— Кюре в нашей деревне научил читать и писать, а считать я сам выучился.

— Отличишься завтра — эполеты твои. Я перед тобой в долгу.

— Да сегодня же годовщина коронации, — вспомнил гренадер. — Год назад, когда снимали трехцветные кокарды с шапок и прикрепляли новые, с орлом, я сказал Ксавье из 96-го: «По правде сказать, никто больше нашего Le Tondeu не заслужил императорских почестей.» И он согласился со мной, а Ксавье головастый парень.

Наполеон в ответ улыбнулся благодарно и весело. Всем что-то от него нужно, только солдаты любят просто так. Подергал Марсея за ухо, тот зарделся и задохнулся от счастья: не только чин или орден, а десять лет жизни отдал бы за этот миг.

Вдруг вспомнил, что пару дней назад получил из дому письмо-похоронку. Изабель умерла. Еще в сентябре. Значит, пока писали, пока оно скакало за ним на почтовых по всей Европе — прошло три месяца. Свадьбу они сыграли аккуратно на день Доблести в 97-м, это по-революционному какой же месяц? И не поймешь. Хорошо все-таки, что император вернул прежние названия. С Итальянской-то пришел в марте — жерминале, героем, в капральских нашивках. Рассказывал о сражениях, о Генерале, привирал, конечно. Изабель была тоненькая, большеглазая — похожа на итальянку, с которой крутили любовь в Венеции. В конце сентября женился. Но дома не сиделось, через год снова пошел воевать. Получается, сколько они прожили вместе? Лет восемь. Да что толку, возвращался только в отпуска по ранению — то на три месяца, то на пять, потом снова в полк. Жена его жалела, лечила. А сама... От чего хоть умерла? Надо бы перечесть письмо. Посмотрел вслед уходящему Наполеону. Сколько же раз говорил со стри гунком? Пожалуй, раз пять, а может, и семь. Эх, знать бы, что будет завтра. Только бы ногу не оторвало или руку. Тогда лучше уж сразу туда, к Изабель.

Он сказал — эполеты. В новеньком офицерском мундире показаться дружанам — самый смак. Ну и что, что седой. Тридцать пять — не старый, может и до капитана дослужиться. Говорят, вроде, Ему ровесник.

Еще бы звездочку Почетного легиона и баронство какое-нибудь. А что? Мишель вот из шестой роты получил. Про письмо Марсель снова забыл.

Император быстро пошел дальше, но тут же споткнулся о какую-то корягу. Коленкур едва успел поддержать. Гренадеры, слушавшие разговор, вскочили и стали скручивать факелы из соломы, на которой лежали. Это их действие словно сигнал мгновенно передалось по всей линии — как от вспыхнувшей вдруг искры вокруг запылалли огни. Кто-то воскликнул: «Виват император!» Крик тут же повторили несколько сот луженых глоток и одинокий восторженный вопль мгновенно стал победным боевым кличем.

Они шли по огромному лагерю, растянувшемуся на десяток километров от Кобельница до Сантона, останавливаясь у каждого бивака. Всё кругом было освещено зажженными пучками соломы, надетыми на солдатские пики. Эта самодельная иллюминация выглядела дико, нелепо и в то же время величественно. Снующие во все стороны языки пламени подсвечивали задубелые суровые лица, непривычные к выражению чувств, зато искренность их была неподдельной. Все эти Антуаны, Марсели, Мишели, Ксавье и Жаки обожали его как идола, непобедимого бога войны, и в то же время любили как своего стригунка, с которым можно поболтать, переброситься нехитрой шуткой. Что для него ничего нет невозможного и ему нигде не поставлено предела, они-то знали лучше всех, только понимали не умом, а ногами, руками, задницами, не вылезаящими из приключений. Дерзость и отвага его замыслов оплачивалась их кровью. И всего-то хотели в награду, чтобы маленький капрал всегда был с ними, как сейчас. Ведь кем бы он ни стал, все равно был одним из них — у них не было другой жизни, кроме войны, и у него тоже. Вокруг грохотало: «Вперед, врукопашную! Ударим в штыки! Веди нас прямо сейчас к славе!» Они повторяли друг другу как мантру: «Смотри, как он счастлив!» А он правда был счастлив и не скрывал этого.

Вспомнил о лагере Фридриха под Лигницей, где тот провел огнями Дауна и Лаудона, и подумал, что сейчас должно твориться в лагере врага. Или они решат, что мы уходим, или что прямо сейчас пойдем на приступ, или что армия взбунтовалась. И ни за что не догадаются, что происходит. Довольно рассмеялся — пусть волнуются, противника нужно держать в напряжении.

Хоть и кричал: «Успокойтесь! Думайте о том, как заточить на завтра штыки!», смешно притворяясь строгим, счастье переполняло его. Шли дальше, и везде повторялось то же: «Битва будет в семь, победа в пол-

день!», «Веди нас к славе!», «Виват Наполеон!». Солдатская любовь бескорыстна: золотые эполеты, именья, маршальские жезлы достаются другим. Они просто умирают за него, ничего не ожидая и не требуя взамен.

А сам он на это способен? Погибнуть в бою — конечно, если нужно, рискнет жизнью не раз и не два, поведет их в любую атаку, но уйти безмолвно, неизвестным, неузнанным, стать просто лишней писарской единичкой в списке потерь? Он совсем не уверен, что сумеет. И оттого восхищался их верностью и доблестью еще сильнее, понимая, что ничем не может им отплатить за любовь.

Жак из 5-го уланского спросил: «В твоём сегодняшнем приказе прямо сказано, что ты будешь завтра делать, как атаковать. А если об этом узнают враги?»

— Они все равно не поверят, — ответил беззаботно. — А вы должны знать. От вас у меня нет секретов.

Он лукавил. Точно и сам не знал, перебирал в уме сценарии завтрашней битвы. И как всегда, боялся, до предательской боли в ногах — а если русские все-таки не уйдут с Працена? Придется на ходу придумывать другой план. Все зависит от направления их атаки.

Было уже половина третьего, когда император вернулся в палатку. На единственной кровати, безмятежно похрапывая, во всю длину растянулся Констан. Наполеон пристроился на стуле рядом — и едва успел сказать себе, проваливаясь в сон: «Может, у меня будет еще десяток хороших лет, но вряд ли будет лучший вечер».

Проснулся от легкого прикосновения — над ним стоял Савари: «Сир, противник передвинул большой корпус в район Ауэзда. Я решил разбудить Вас.»

Наполеон мгновенно открыл глаза: «Спасибо, Савари. Велите седлать коней. Сколько времени?»

— Четыре часа, Сир.

Он с минуту подумал, продиктовал адъютанту новый приказ и вышел из палатки. Ночь была холодной и безлунной. Объехал левый фланг, собирая рапорты передовых постов, и прискакал на правый, к Сульту, — ему придется труднее всех в сегодняшнем бою. Повсюду лежал легкий рассветный туман. В начале восьмого он начал рассеиваться, в долинах еще оставались влажные облака, но стали отчетливо видны вершины праценского плато и покидающие их войска. Они маршировали вправо по направлению к Кобельницу.

Ему стало легко. С любым даром предвидения нужно еще, чтобы просто везло. Военный гений процентов на восемьдесят состоит из удачи. Груз этих дней вдруг свалился с плеч и будущее сражение сложилось в голове совершенно ясно в мелких и точных деталях, словно только закончилось. Сомнений больше не было. Все так и выйдет, как задумал. Он даст им спуститься вниз и взять в кольцо то, что они считают его правым флангом — на самом деле войска Сульта сдвинуты влево от направления движения колонн, они ударят по пустому месту, потом как ножницами, взрежет их центр, разгромит, выйдет в тыл, перенесет фронт на левый фланг, окружит его, прижмет к озёрам и уничтожит. Судьба правого зависит от русских командиров — у него не хватит войск для одновременной атаки, если успеют вовремя отступить, могут спастись. Но главные силы врага на левом.

— Султ, сколько вам нужно времени, чтобы захватить эти вершины?

— Двадцать минут, Сир, — ответил тот, не задумываясь.

— Что ж подождем еще четверть часа, пусть противник закончит маневр, не нужно ему мешать.

Небо было в сероватых разводах медленных тяжелых облаков. Как вдруг один, потом другой острый веселый луч пробился сквозь мрачную серьезность зимнего утра. Он озорно улыбнулся этому неожиданному раннему солнцу. Кажется, все было готово. Осталась сушая безделица — выиграть битву.

ОТРЕЧЕНИЕ

П О В Е С Т Ъ

Свет опальный — луч наполеоновый
Треугольным летит журавлем.
О. Мандельштам

Был огромный человек,
Расточитель славы.
Д. Давыдов

Разгром

Голос английского парламентаря был отвратительно вежлив:

— Его светлость герцог Веллингтон предлагает вам сдаться.

Лет пятнадцать, поди, репетировал.

— Отсосёте! — услышал он рёв Комбронна. — Пошли на хуй! Вместе с Великом*!

Голос командира егерей в гвардии знали: громче звучала только гаубица.

— Сир, Вы должны уйти. Вас могут убить. Сир!

Да какая разница, убьют его сейчас или нет. Хорошо бы убили. Только не плен. Только не попасть к пруссакам. Убивают солдат, которые смерти не ищут, а он всё жив. Зачем? Вот и Комбронн упал. Они умирают за него.

* Достоверно известно, что доблестный генерал Комбронн сказал «мерд» — дерьмо, что на французском начала XIX-го века соответствовало приведенному мной речению. Гораздо более знаменитой фразы «Гвардия умирает, но не сдается», по воспоминаниям героя, он не говорил, хотя именно она вошла в Историю. Что ж, французские салоны родились куда раньше Империи и успешно ее пережили. Переживут и нас с вами, дорогой читатель.

Вроде он делает то же, что и всегда, а выходит навыворот. Случай, с которым всегда были заодно, сегодня за этого сипайского герцога*.

В двух шагах от него граната с мерзким шипеньем и свистом врезалась в мягкую болотную жижу. Только и успел подумать: «Неужели сейчас? Как вовремя». Но вместо шрапнели с ног до головы обдало грязью. Дальше думал уже с раздражением: «И так весь день. Ядра не взрываются в этом жидком месиве. Что толку от моих пушек». Лабедуайер** оказался рядом, вместе принялись отлеплять от мундира комья сырой вязкой глины.

— Поставьте здесь батарею! Перекройте брюссельскую дорогу!

Трубите в горны! Бейте в барабаны! Что вы стоите словно брошенные дети!

Голос как будто его, но слова произносит другой. Которым всегда восхищался. Тот привык побеждать и творить чудеса. Почти всю Европу заставил признать свой закон. Потом все рухнуло. Но какой теперь смысл в его словах?! Ведь никого не собрать и не остановить врага. Не помогут ни энергия, ни воля. Все вокруг бросают оружие и драпают. Спотыкаются о трупы людей, лошадей, брошенные повозки, пушки и несутся дальше — пешие, конные, офицеры, солдаты, в бегстве все равны. Возчики обрубают построики, а сами верхом дают дёру. Всюду валяются перевернутые фургоны. Полчаса назад эта улепётывающая со всех ног толпа была Великой армией, а он ее императором. Сейчас его не узнают. Вместо «Виват император!» вокруг как порох, взрывается крик: «Измена! Спасайся, кто может!».

Ней в разодранном мундире с одним эполетом и со шпагой, обломанной по самую рукоять, ведет в атаку два гвардейских батальона из бригады Брю. Просто так — герой ищет смерти. Под ним убило пятую лошадь. Дикая отчаянный вопль несется над равниной Мон-Сен-Жан: «Смотрите, как умирает маршал Франции!» Но у смерти свои резоны***.

* Веллингтон был известен подавлением восстания сипаев в Индии. Поэтому Наполеон звал его «сипайским генералом» или «сипайским герцогом».

** Шарль Анжелик Юшэ Лабедуайёр — адъютант Наполеона в кампании 1815-го года. 2 августа 1815 года генерал был арестован, предан военному суду и, несмотря на защиту Бенджамена Констана, осуждён и расстрелян. Во время суда и казни держался с исключительным мужеством.

*** Ней расстреляли Бурбоны, причем он сам своим расстрелом и командовал. По популярности в армии этого храбреца превосходил один император, поэтому найти взвод, который бы согласился стрелять в маршала, оказалось почти невозможно. Только команда, произнесенная его собственным голосом, смогла заставить солдат выстрелить. Наполеон на Св.Елене так высказался о казни: «Ней был храбрым человеком. Не думаю, чтобы кто-нибудь из тех, кто его осудил, рискнул посмотреть ему в глаза». Позднее Э.Л. Войнич использовала эту поразившую современников историю в знаменитом романе «Овод»: революционер Овод там командует собственным расстрелом.

Какая у него отвратительно ясная голова, а сейчас бы впору немного тумана — поднять солдат в последнюю безумную атаку или хоть просто ничего не видеть. Однако проклятая голова трезва.

Та та-та-та-та, он слышит ритм «Гренадерки». Та та-та-та-та. Это горнисты и барабанщики созывают отставших. И разворачивается гвардейская батарея. Значит, в приказах все же есть какой-то смысл. Каре егерей прорвать невозможно — только снести картечью. Рядом еще два батальона гренадеров, сапёры и моряки — а больше у него ничего не осталось.

Одна за другой накатывают волны черных всадников. Похоже, Блюхер послал всю кавалерию преследовать бегущих. Разве могут быть у лошадей такие жуткие оскаленные морды? Ему всегда нравились лошади — только не эти! Грозно, угрюмо стоят его ворчуны: когда кто-то падает, молча смыкают ряды.

Кажется, всё, что осталось от Великой армии, — в этом каре. Ней, невредимый после очередной атаки, Сульт, Друо, Бертран, Д'Эрлон, Лефевр-Денуэтт, офицеры и солдаты из других частей.

«Двадцать лет побеждали, вся Европа была у ног. Но когда-то же приходится умирать. Так почему не здесь?! Не на постели, не на нищей паперти, а как жили — в бою! Всякой смертью испытаны. Разве кто-то из наших захочет лучшей?» — так думал Антуан, старый аустерлицкий солдат. Конечно, он тоже был тут. Куда же без него!

В кромешной тьме, в непролазной грязи на холмах возле Бель-Альянса стоят последние каре Старой Гвардии. Первый ряд, опустившись на колено, второй и третий над ним в полный рост, метров с 30-ти все одновременно по команде палят из ружей. Пруссаки пленных не берут — так и нет пленных. Есть только смерть, одна на всех*.

Какой-то глухой стук раздался от него в двух шагах. Ксавье, итальянский еще ветеран, вдруг выронил ружье и стал заваливаться на левый бок, стараясь с каждым вздохом захватить больше воздуха — вроде как про запас. Наклонившись к нему, еле услышал сквозь шумное свистящее дыхание: «Отвоевался я, стригунок. Видно, кончилось наше время». Старый воин старался улыбнуться, но вышла только искаженная болью полугримаса.

Ответить не успел — голова Ксавье странно дернулась и выцветшие глаза уже смотрели куда-то мимо. Да и что ответишь. За двадцать лет

* Немногих попавших в плен гренадеров англичане расстреливали и забирали их шапки. Точно такие высокие медвежьи шапки до сих пор служат головным убором британским гвардейцам.

войны так и не привык к смерти — плечи беззвучно тряслись и слёзы лились сами собой.

Четыре батальона средней гвардии не выдержали контрудара английских эскадронов, полки Дюрютта приняли их за Старую гвардию, невозможные слова безумной эстафетой полетели от полка к полку: «Старая гвардия бежит! Старая гвардия разбита!», а тут еще этот прусский черт* — мгновение, и армия побежала по всему фронту, всё сметая на пути и всех увлекая за собой. Восемь часов свирепой бойни, орудийного ада, отчаянного геройства — и разгром, когда осталось последнее усилие до победы. Начинать нужно было с утра, но ливень со вчерашнего дня размолот дороги в сплошное месиво, пушки утопали в грязи — пришлось ждать до полудня. А еще бы лучше вчера, сразу после Линьи**, когда пруссаки откатились к Вавру. И не отсылать Груши. Но вчера он лежал с резью в животе и не мог приподняться, не то что сесть на лошадь. Неужели и правда кончилось их время? Вот здесь, сегодня? Сколько же случайностей должно было нарушить его планы, чтобы свершился сегодняшний разгром?! Или это вовсе не случайности, а просто Он, его десница?

Стало совсем темно. Атаки выдохлись, конница умчалась рубить и гнать бегущих. Каре начали медленно отступать.

В пятом часу утра Наполеон с небольшой свитой остановился в придорожном трактире у Шарлеруа. Хоть пару часов поспать. Ему снился Ксавье, потом Антуан, Ренье, Мишель. Их было много, старых вояк, крещенных огнем. Таких же, как и он сам. Кто погиб под Маренго, кто под Аустерлицем, кто под Москвой, а кто сегодня — на Мон-Сен-Жан. Каждый что-то говорил, но губы почему-то шевелились беззвучно. Хотя и так знал, что они хотят сказать. Ни у кого и никогда не будет такой армии. И они не смогут без империи.

Спасти империю

«Карета подана, сир!» Пора ехать в Париж, нужно успеть прежде известия о разгроме. Конечно, лучше бы остаться возле деревушки

* Старым или прусским чертом Наполеон называл 72-хлетнего Блюхера.

** В сражении при Линьи Блюхер был разбит и отступил к городу Вавр.

Мон-Сен-Жан, где погибли его гвардия и его слава. Но там можно было только умереть, а он вчера оказался не нужен смерти. Зато она забрала его победы — все было напрасно, теперь это трофей старой карги. Взамен щедро отсыпала мертвецов на проклятых холмах Угумона и Бель-Альянса, уложила их штабелями на ферме Ла-Э-Сент.

Ехали разбуженными улочками сонного Шарлеруа, забитыми повозками, колясками, дырявыми винными бочками, вспоротыми мешками с едой. Всюду толпы обезумевших от бега солдат, отталкивающих, калечащих друг друга под грохот вражеских барабанов и неистовый вопль: «Пруссаки!» Вчера были героями, сегодня — дезертиры. Пожалуй, не остановятся до самой французской границы. Захочешь — не забудешь. Его казна, карета, бумаги, вещи вплоть до старого мундира и подозрительной трубы достались англичанам и пруссакам. Ну и черт с ними. Нужно спасти то, что еще можно спасти.

Им-пе им-пе
 рию-рию
 тво-ю
 ди-ви зи-ю
 им-пе
 рию

— вверх-вниз, вверх-вниз, вверх покачивается карета, и под убаюкивающий ритм он впадает в легкую дрему.

Он русский царь. Не гордый победитель, а жалкий Аустерлицкий беглец. Двадцативосьмилетний сердцеед, либерал и властелин необъятной самоедской империи.

Александр скакал, не разбирая дороги, просто чтобы оказаться как можно дальше от крови, вывернутых кишок, стонов умирающих, пушечных и ружейных залпов, жалобного ржання раненых лошадей, воплей обезумевших людей. Он был один. Свита разбежалась — каждый пытается спастись в одиночку. И он тоже. Главное, чтобы не затоптали и не попасть в плен. На это мчанье у него еще хватало мужества. Только один вопрос бился в мозгу в такт скачке: «Зачем? Зачем он привел сюда свои армии? Ради чего сегодняшняя бойня? И как его провел этот лгун, плут и мерзавец Бонапарт! Большие никогда он не будет командовать даже взводом».*

* Правда, через несколько дней он забыл эти трезвые и здравые мысли. И следующая война пошла своим чередом.

Потом Александр сидел рядом, уже другой, любитель эффектных поз и великий лицедей, северный Тальма, каким помнил его в Эрфурте и в Тильзите. Наконец, можно было спросить о том, что сам давно понял, но все равно хотелось услышать.

— Ваше величество, почему вы так стремитесь меня уничтожить? Ведь у меня было столько возможностей уничтожить каждого из вас, но я сохранил ваши троны и алтари. И ваши жизни. А сейчас я хочу просто мира, мы все устали от войны.

— Здесь все очень просто, — ответил Александр с обычной своей тонкой и любезной улыбкой. Ваше величество не понимает саму суть монархизма. Это закрытый клуб. В него нельзя вступить. Монархом можно только родиться. За вами нет священного права, поэтому вам нельзя позволить царствовать. Вас короновала революция, следовательно, вы нелегитимны.

— И вы боретесь со мной, потому что я — сын революции?

— Ну да. Мы никогда не признаем вашей империи. Но главное даже не это — главное страх. Мы столько натерпелись, пока думали, что вы непобедимы. Вы нас не уничтожили, когда могли, поэтому теперь все вместе мы уничтожим вас.

Карету качнуло — от толчка внезапно проснулся, и мысль как ни в чем ни бывало продолжилась с того места, где остановилась.

Теперь он конституционный монарх. Понять бы еще, что это значит на деле. Ну да, парламент присягал ему, а он парламенту. Нужно держаться заодно. А так бывает? Во всяком случае, никакой паники и раскола в палатах. Министры все должны узнать от него, депутаты от министров. Завтра утром, сразу как приедет, собрать кабинет. Сейчас он напишет Жозефу. И пусть Коленкур его ждет. У Даву и Карно будет много работы. Объявить мобилизацию. Организовать победу, как в 93-м. Только теперь не 93-й.

С начала кампании за спиной шепот:

— Посмотрите на его одутлое лицо.

— Он располнел.

— Он засыпает на ходу.

Новое поколение. Сражаться — дело молодых, а он устал. Двадцать лет в непрерывном походе. Никогда не боялся войны, но если б можно было больше не воевать. Скольких нет из тех, с кем начинал: Мюиرون, Дезе, Ланн, Бессьер, Дюрок, Жюно, нескончаемый кровавый список. Вчера им вслед ушли Дево, Комбронн. Правда, есть и те, кто ушел еще

дальше: Мормон, Мюрат, Ожеро — этих забыть, вон из сердца, из памяти. Забыть предателей. А с кем воевать? Зачем он оставил Даву в Париже? Почему не произвел Вандамма в маршалы вместо Груши? Тот бы пришел — ему плевать на приказы. Потому и не произвел. И сколько еще ошибок он сделал в этой кампании? Замысел был отличный, чего не скажешь об исполнении. Нет, об этом ни слова. Император непогрешим. Империи нельзя без мифа, ей жить дальше — после него.

Любой вояка должен быть готов к поражению и к смерти. Ведь уже Асперн был поражением, хотя потом грянул Ваграм. Но он никогда не проигрывал так. Даже Лейпциг не был полным разгромом. Его звезда сияла слишком долго, вот только всему приходит конец. Понимал, что нельзя столько воевать, просто казалось — еще немного, совсем чуть-чуть, и цель достигнута. Иллюзия, конечно, но попробуй остановиться, когда везет. Тот, кому знакомо упоительное чувство победы, его поймет. К тому же нападали всегда на него.

А Веллингтон был почти разбит. Какая ирония судьбы. При Маренго он проиграл в 5 и выиграл в 7, потому что пришел Дезе. А здесь все повторилось, только наоборот. Когда-то это должно было случиться. Веллингтон проиграл в 8 и выиграл в 9, потому что пришли 50 тысяч пруссаков. А 30 тысяч французов не пришли. Но он сам отдал треть своей армии этому посредственному начальнику конницы. Удача слепа, победа может разминуться с поражением на полчаса. Случай правит миром. Это была его последняя армия. Десятая. Он их все истратил, израсходовал. Что ж, его время кончилось? Но разве можно в это поверить?!

Если они хотят, чтоб он остался, останется, если нет — уйдет. Ни секунды не будет цепляться за власть.

Совет министров

Велел ехать к Елисейскому дворцу — в официальном Тюильри сейчас было бы совсем невыносимо. Там уже встречал Коленкур. С недоумением посмотрел на почтовый экипаж, как бы пытаясь признать в нем императорскую дорожную карету, растерянно перевел взгляд на его лицо. Угрюмое, небритое, опухшее после двух бессонных ночей. Как сказал тот проводник? «Циферблат, на который не посмеешь взглянуть,

чтоб узнать, сколько времени)? Образно, хотя он все же был трусливый малый.

Боль и отчаяние — единственное, что кажется, можно прочесть у него на лице, — как в зеркале отразились в лице Коленкура. Проведя всю жизнь при дворе, этот аристократ так и не стал царедворцем. В нем осталось сострадание. Правда, его двор не похож на старый Версаль. В бароны, бывало, жаловал из капралов.

Сбивчиво, невнятно стал рассказывать: «Армия дралась не хуже спартанцев под Фермопилами, все были герои. Затем их охватила паника. И все пропало. Ней вел себя как сумасшедший — заставил меня перерезать всю кавалерию».

Распаляясь, упрекал Нея, хотя отлично понимал, что виноват не отчаянный рыжий рубака, не Груши, не погода, и даже не столько он сам — сколько тот, с кем всегда был заодно и кто теперь против него. Тогда зачем этот настоящий правитель мира помог ему за три недели войти в Париж, не пролив ни одной капли крови? Чтобы сразу низвергнуть? Почему?

Нет больше сил. Раз ему пока зачем-то нужно жить, пусть приготовят ванну.

Полежав двадцать минут в горячей воде, начал думать, что может, еще не все потеряно. Из ванной прошел в кабинет, где успокаивающе смотрели на него привычные вещи: старые кресла, письменный стол с массивными амбирными лапами, часы, подаренные когда-то Жозефиной. Открыл Корнея, потом Оссиана. Походная библиотека теперь у Блюхера, все 800 томов. Вот чего жаль. Умеет ли старый черт читать? Или все пойдет солдатам на раскурку?

Неслышно вошел Коленкур и сразу задал вопрос, видимо, не дававший ему покоя: «Сир, почему вы не остались с армией?»

Не было ничего естественнее его ответа, но сознание настолько отказывалось этот ответ принимать, что хотя каждое слово само по себе звучало осмысленно, сложенные вместе они казались лишенными всякого смысла: «У меня нет больше армии».

Помолчал и продолжил новым, уверенным голосом: «Парламент должен дать мне полномочия военного диктатора. Враг во Франции». Ответ герцога Виченцкого был настолько же неутешительным, насколько честным: «Вашему величеству не стоит рассчитывать на поддержку парламента».

— Думаю, вы их недооцениваете, Коленкур. В основном, они добрые французы. Ну, Ла Файет и еще несколько человек против меня.

— И Фуше, — добавил Коленкур.

В апреле жандармы задержали агента герцога Отрантского, посланного в Вену, к Меттерниху. Разговор шел здесь же, в этом кабинете:

— Вы предатель, Фуше, вас следует повесить.

— Не разделяю этого мнения вашего величества, — ответил свежензначенный министр полиции, изгибаясь в подобострастном поклоне как повидавшая виды змея. Повесить, конечно, следовало, но дипломатов честнейшего Коленкура не принимали нигде — Европа не хотела мира, в то время как агенты прохвоста Фуше оказывались всюду. Сети этого короля интриганов раскинулись от Вандеи до Лондона и Вены. Да и он не из тех, кто вешает. Одно дело — угрожать, и совсем другое — привести угрозу в исполнение. Фуше отлично это знает. Пять лет назад начал переговоры с Англией. Кажется полным безумием, если не знать герцога Отрантского. Какой заговор он тогда лелеял, какой переворот планировал? Одному Богу известно — дело пресекли в самом начале, а Фуше клялся, что ловил каких-то мифических английских шпионов на хитроумную наживку. Но даже Луи, его брат, был уверен, что переговоры ведет император. Такого человека можно использовать, только нельзя спускать с него глаз.

Кланясь, вошел Даву. Высокий, холодный, педантичный, весь твердость и спокойствие. Положиться на него можно, не задумываясь, но сочувствия скорее дожدهшься от гранитной колонны.

— Ну полно, полно, Даву.

Соблюдение правил этикета почему-то казалось сейчас излишним и даже неуместным. Сколько пользы этот решительный, быстро мыслящий человек мог бы принести в бою. А кому было доверить Париж? Впрочем, все это теперь не имеет значения. Стал пересказывать то, что уже говорил Коленкуру. По мере рассказа уверенность, обретенная было от горячей воды и стихов Оссиана, исчезала как льдинка в руках.

— Я полагаю, что Ваше Величество желает ознакомить меня с положением армии и дать необходимые приказы по ее объединению?

Вяло отмахнулся: «Нет, нет. Сулыт соберет остатки армии. Корпус Груши неизвестно где».

Даву убеждал, что ничего еще не потеряно, но действовать нужно быстро. Слова добирались до него еле-еле, как сквозь вату, и не производили ровно никакого действия. Их неприятная, будто запах нашатыря,

резкость, раздражала и отталкивала, он изо всех сил старался улизнуть в убаюкивающий мир апатии.

Вдруг поймал какую-то мысль: «А что говорят в Париже?»

— Ничего, Сир. Час назад я еще ничего не знал. Просто следует поспешить. Нужно немедленно распустить обе палаты, пока депутаты не начали свару. Вашему величеству придется объявить временную диктатуру, мы все сплотимся вокруг вас и благодаря вашему гению родину еще можно будет спасти. Совет собрался, министры ждут ваше величество.

Да, уже десять, все должны быть здесь. Как будто Даву вдруг стал Наполеоном, а того, кто раньше был Наполеоном, больше нет. Ему предлагают начать все сначала, а он не может заставить себя выйти из комнаты. Видно, два раза не начинают.

К 18-му брюмера он победил при Монтенотте, Лоди, Арколе, Шенбрейсе, Абукире и еще в двух десятках сражений, знал, что судьбе перед ним не устоять, вокруг отчаянные сорвиголовы, готовые за него умереть, ему всегда везет и главная слава впереди. Теперь она позади. Ему перестало везти, вокруг трупы тех самых сорвиголов, а впереди ничего.

Неожиданно увидел себя в зеркале: потухший взгляд, всклокоченные волосы, застывшее, как посмертная маска, лицо. Говорил умирающему Дюроку, что человек должен жить до конца, даже когда от жизни ничего не осталось, кроме боли. Поучать легко. Правда, все равно не смог бы дать другу вождельного морфия. А теперь его очередь. Рывком встал и снова стал императором. Прошел в золотую гостиную с панелями, расписанными восточными орнаментами и диковинными зверями. Там уже с полчаса ждали министры. Теперь от него исходили обычная уверенность и сила. Тщательно выговаривая слова, объяснил им, что произошло на плато Мон-Сен-Жан.

— За два месяца я призвал в Национальную гвардию 180 тысяч человек, неужто не смогу найти еще 100 тысяч? Призывники закроют собой брешь в наших рядах и несколько месяцев такой борьбы подорвут решимость коалиции... Чтобы спасти страну, мне нужна диктаторская власть. Конечно, только на то время, пока враг во Франции. Я и так могу ее взять, однако правильной, если палаты предложат сами.

Министры, в других вопросах мало склонные к единомыслию, дружно соглашались с Коленкуром.

«Сир, они только и мечтают воткнуть вам нож в спину», — с горечью воскликнул Реньо Д'Анжели, его обычный докладчик в Сенате. «Депу-

таты не поддержат ни срочной мобилизации, ни новых налогов, ни, тем более, диктатуры» — вторил ему адмирал Декрэ, морской министр. Но все, что умеет Реньо, — писать складные речи, Декрэ не может и этого. Они по-своему преданны, а что толку. И никто не предлагает решительных мер.

Кажется, он снова был собой. Таким его всегда знали.

Да нет, к чему лукавить. Генерал Бонапарт ни с кем бы сейчас не совещался, но гонцы давно бы скакали во все стороны, а генералы и министры выполняли его приказы.

Фуше говорил что-то о том, что император должен доверять парламенту, тогда и парламент будет доверять императору — только вот он совсем не доверял Фуше. Герцог Отрантский пришел сюда исключительно высматривать и вынюхивать. Карно предложил вспомнить якобинский лозунг 93-го года «Отечество в опасности» и объявить военную диктатуру. Конечно, он так и остался революционером, но важны люди, а не взгляды. Когда была учреждена Империя, Карно вышел в отставку, в 14-м, когда Империя рушилась, вернулся на службу. Защищал Антверпен не хуже, чем Даву Гамбург — союзники город взять не смогли. И сейчас пришел к нему одним из первых.

Предложения Даву и Карно хороши, только не хочется действовать силой. Что естественно для молодого генерала, не подходит императору французов. Не то чтобы в наспех выбранном собрании бывших якобинцев, роялистов и теперешних либералов он видел какую-нибудь ценность или пользу для страны. Никогда не мыслил в духе парламентской борьбы, его борьба была на поле боя, поэтому никакой опоры среди этих людей у него и не было. Но, может быть, впервые в жизни не чувствовал решимости.

Французский парламентаризм в 1815-м

Фуше уже 3 часа назад знал о разгроме. Правда, без подробностей, знал только, что Наполеон побежден. Нужно было обязательно увидеть императора, чтобы понять, на кого ставить. Ошибка могла стоить головы, поэтому нельзя было ошибиться. А столь ценимая им голова росла прямо из тоненькой шеи, к тому же всегда замотанной шарфом — ее владлец часто болел. Длинное блеклое лицо с жиденькими, прилипшими

к черепу, волосами и бесцветными глазами настолько было невыразительно, что казалось наспех или просто неумело нарисованным. Во всяком случае, такое лицо совсем не пристало человеку публичному. Да еще высокий писклявый голос. Но судьба решила иначе.

Герцог Отрантский, конечно, опередил свое время. В начале XIX-го века предательства все же чурались — использовали, как и во все времена, но искренне презирали и хотя бы старались не якшаться с предателем. Когда родовую аристократию вытеснили революционные вожжи, шпионская романтика в сознании многих заменила воинскую доблесть. Предательство вошло в моду. Так что в XX-м веке Фуше вполне мог бы выйти в большие диктаторы, поскольку подлостью, презрением к любым убеждениям и хваткостью к власти ничем от них не отличался, а дарованиями многих превосходил. Чего такой человек сможет достичь в XXI-м, трудно даже предположить: возможности открываются одна упоительнее другой. Зато появись он на свет на поколение раньше, служил бы школьным учителем или сельским священником — родом не вышел, а нужды в людях с такими бурными способностями тогда не было. Но он родился в конце века Просвещения и сделал в своем роде уникальную карьеру выдающегося предателя.

Фуше предавал всех, с кем имел дело и кто, с его точки зрения, этого стоил. Сначала друзей по Нантскому клубу революционеро-романтиков, потом жирондистов, Робеспьера, Бабёфа, Барраса и т.д., пока дело не дошло до Наполеона. Надо сказать, что первое время служил честно, но зато и предавал императора потом не раз. Что касается обмана и предательств доверившихся ему людей по месту службы, на посту министра полиции, который он занимал при всех режимах, то они неисчислимы и учету не поддаются.

Единственный раз случилось ему отклониться от привычного пути и ступить на путь чистого злодейства. Посланный в 1793-м году комиссаром Конвента в Лион, Фуше расстрелял несколько тысяч горожан и снес самые красивые городские здания. Ему удалось внести изрядный вклад и в само палаческое дело — видимо, впервые заключенных расстреливали из пушек. Делалось ли это из экономии денежных средств, для устрашения или по другой причине, осталось неизвестным. А разрушенные здания восстановил только Наполеон в начале консульства.

После заседания совета министров Фуше понял, что пришло его время. В Бельгии случилась настоящая катастрофа и ставить теперь нужно на Бурбонов. С Наполеоном можно больше не считаться. Интрига — вот

его оружие, те несчастные, кого удастся обмануть и одурачить — его армия. Тут ему нет равных, здесь он сам — Наполеон. Теперь главное не потерять ни секунды. Сегодня его Аустерлиц! Мчится в Пале-Бурбон, где заседает палата, сообщает Ла Файету и президенту Ланжюине, что Наполеон хочет распустить парламент, действовать нужно немедленно — завтра будет поздно, вовлекает Жея, Манюэля, Лакоста, еще десяток депутатов. Одним льстит, других убеждает, третьим грозит — у Фуше всегда есть на всякий случай кое-какие бумаги для шантажа. На следующий день палата объявляет себя нераспускаемой. Лафайет громыхает с трибуны как во времена старого Конвента:

— Депутаты! Впервые за много лет вы слышите голос, который ещё узнают старые друзья свободы. Я хочу рассказать вам об опасностях, которые угрожают стране. Зловещие слухи, ходившие по Парижу в последние два дня, к сожалению, подтвердились. Сейчас самое время сплотиться вокруг старого трёхцветного знамени 1789 года — знамени свободы, равенства и общественного порядка. Только вы можете теперь защитить страну от внешнего врага и внутренних раздоров. Только вы можете спасти честь Франции.

И дальше главное:

— Палата представителей заявляет, что независимость страны под угрозой. Палата представителей объявляет себя нераспускаемой. Любую попытку распустить её считать государственной изменой. Кто бы ни предпринял такую попытку, он будет объявлен предателем родины.

Всего через две недели прозревший Ла Файет спросит Фуше:

— Куда мне теперь идти, предатель?

— Иди куда хочешь, дурак, — равнодушно ответит тот.

Но пока действие развивается стремительно. К депутатам присоединяется палата пэров. Ней, только вернувшийся из Бельгии, требует возвращения Бурбонов. Герой честно несет голову на плаху. Правда, коллеги-пэры относятся к пылкому маршалу настороженно: слишком уж похоже на измену, к тому же бесполезную. Ему такого не простят, он не Фуше.

Так или иначе, пути назад больше не было. Интрига сработала. Теперь ни Люсьен Бонапарт, ни Карно, ни Даву не могли ничего изменить. Слово «отречение» витало в воздухе.

«...приношу себя в жертву...»

Какую мерзость они сотворили — нераспускаемая палата! Парламентский переворот. Он даже не объявил перерыв в заседании палат, хотя имел право их распустить, а депутаты — законодатели, не задумываясь, растоптали конституцию ради иллюзии собственной власти. И удержится эта власть от силы неделю, пока не придет настоящий хозяин. Ла Файет под триколором и припевочкой о свободе — равенстве сдаёт Францию Бурбонам. А хор бывших якобинцев и жирондистов ему подпеваёт. Дивная картина! Еще отвечают Люсьену, что они отдали ему, его брату, полмиллиона жизней. Какая низость! А сколько унес их террор?! Только вместо славы — тюрьма и позор, а в награду за службу — публичная казнь. И за всем этим на заднем плане извивается тень Фуше. Произносить речи не его дело, для этого есть марионетки, а он кукловод, его дело — дергать за ниточки. Что ж, интрига удалась.

Весь день и половину следующего делегации министров и депутатов сновали из Елисейского дворца в Бурбонский* и обратно. В середине дня добавился еще Люксембургский, где заседали пэры. Якобы что-то обсуждали, согласовывали, но ясно было, что всё впустую.

Зато предместья, те самые, которые управляли Парижем и Францией в 93-м, требуют дать отпор врагу. Им нужен император. Один знак или слово — и они, пожалуй, перевернут палату.

Но как он может своими руками разрушить то, что построил?! Его Кодекс, департаменты, Почетный Легион. Он и нужен был, чтобы объединить нацию после кровавой смуты. Теперь затеять ее самому? Стать королем улицы, императором Жакерии? Воевать с французами? 18 брюмера было бескровным, на пути от бухты Жуан до Парижа в каждом городе его встречали ликующие толпы. Начать гражданскую войну, да еще когда враг идет на Париж?! О таком и подумать страшно — ни власть его, ни жизнь того не стоят. Союзники воюют с ним, а не с Францией? С призраком революции в его лице? Он единственное препятствие к миру? Ни секунды в это не верит, но если Франции нужна жертва, придется ее принести. Его время прошло, однако и дело свое он сделал.

В 4 часа зовет Люсьена, диктует, то расхаживая по кабинету шумными сердитыми шагами, то вдруг застывая как оловянный солдатик:

* В Бурбонском дворце заседает нижняя палата французского парламента. Тогда она называлась палатой депутатов.

Французы!

Начав войну за независимость страны, я рассчитывал на объединение всех усилий, всех желаний и на содействие всех авторитетов нации.

Обстоятельства изменились. Я приношу себя в жертву ненависти врагов Франции. Моя политическая жизнь закончилась. Провозглашаю императором французов своего сына, Наполеона II.

Предлагаю Парламенту без промедления учредить регентство.

Объединитесь же все для общественного спасения!

Наполеон

Никаких условий для себя не оговаривает.

Подписав, спускается в сад. Париж не укреплен, ничего не сделано для защиты. Теперь Блюхер и Веллингтон войдут в город, оккупации не избежать. Слова ничего не значат, когда нет силы. В обозе они привезут толстого Людовика. Ему нечего оставить сыну. Но его сын еще будет царствовать — таково свойство славы.

Зато теперь у него есть время. Впервые в жизни может беззаботно гулять в саду, просто идти куда глаза глядят. И правда, ни единой мысли в голове. Интересно, куда ведет эта дорожка? Как называются эти деревья, вон те кусты? Жозефина знала. Он ничего не понимает в ботанике. Никто не ждет и больше нет никаких дел. Как нет дел? Он может, наконец, выспаться? А может, все это и происходит во сне? Сейчас проснется, вокруг будет безмятежное майское утро и никакой катастрофы впереди? Да нет, похоже, что наяву. Он отрекся. Теперь он экс-император. Чуть. Его короновала Франция. Миллионы людей, военных, гражданских, мужчин, женщин, отцов семейств, глубоких старцев и безусых юнцов считают его императором. Он император французов. Вернуться? Но еще никуда не ушел. Всего-то подписал листок бумаги.

Люди, люди, сколько их! Прилипают к ограде, просто чтобы на него посмотреть. Приподнимает двуугольную шляпу, заставляет себя улыбнуться. И на следующий день снова выходит в сад. Что может быть проще? Он теперь обычный горожанин. Парижане штурмуют ограду. Виват император! В последний раз слышал это на равнине Мон-Сен-Жан утром восемнадцатого июня. Император! Нет, страница перевернута. Он тоже отвоёвался как Антуан, Ксавье, Мишель. Пусть Фуше с Ла Файетом спасают страну.

Князь Экмюльский, Даву спешит по дорожке. Долговязую фигуру маршала видно издалека. Неловко расшаркиваясь, краснея, непрерывно

кланяясь, говорит, что временное правительство просит его величество уехать. Ну да, Фуше боится бунта. Полно, полно, Даву. Он все понимает. «Мне это стоит не больше, чем остаться.» И уезжает в Мальмезон.

Еще несколько дней парижане надеются, что император вернется.

На пути в изгнание

Разве он мог не приехать сюда? Если перед кем в долгу, так перед Жозефиной. Она уже на том, а он пока на этом свете — опять разминувшись, но вряд ли надолго. До скорой встречи!

В первые счастливые годы это был общий дом. Потом только ее — английский парк с широкими аллеями и посаженными ей тысячами роз, старый замок, где она угасала. В спальне все осталось, как было, — та же кровать с высоким красным балдахином, бюро, кушетка, пол и потолок, расписанные сценками из Оссиана. Здесь можно плакать. Никто не узнает. Слезы вначале осторожно закапали по щекам, а потом хлынули горячим проливным дождем. Откуда столько? Плакал о себе, о сыне, которого вряд ли увидит, о несбывшихся замыслах, рухнувшей Империи, об их прошедшей любви, погибших друзьях и доблестных своих солдатах, polegших в пустыне, в горах, на равнинах, под палящим солнцем и в ледяной вьюге, обо всех и обо всем, что любил. Не сдерживал слез. Так легче. Зачем развелся с ней? Безумное, всепожирающее его честолюбие, не знающее границ. Потому что он весь и есть — честолюбие, вот только чуть-чуть не хватило удачи. Или столько удачи просто не бывает?

— От чего она умерла? — спрашивал Гортензию*.

— От горя, — отвечала нынешняя хозяйка Мальмезона.

Жозефина бы никогда его не предала. Вспомнил свое старое письмо: «Мне бог дал мужественную душу, а твоя соткана из кружев и газа». Ни для какого дела не годилась, зато была добра. Может, это важнее? Господи, как же выдержать? Но не в чем раскаиваться. Просто делал, что должно. То, чего требовала честь. Чья? Он виноват в ее смерти, в десятках тысяч других смертей? Кто смеет его упрекать? Мечтал о всемирной империи, жертвовал этой ненасытной химере самых лю-

* Гогензия Богарне — падчерица Наполеона, королева Нидерландов (1806–1810).

бимых людей и солдат, солдат, солдат, теперь она сожрала и его самого. Вот она, империя — ему, которому Франция обязана больше, чем любому другому, нужно бежать. Враги требуют его голову. Величие замысла оправдывает все. Неужели? Только если можешь исполнить замысел. Для всех было бы лучше, если бы у него получилось. А Мюирон, Дезе, Ланн, Бессьер, Дюрок, тысячи павших со словами «Виват император!»? А Жозефина? Он не хочет слышать этот голос. Пусть замолчит. С него хватит. Да, она умерла от горя. Жертвы забудутся, останется слава. Какая глупость. Почувствовал, что слезы вылились, высохли, и стало легче.

Вдруг, как всегда у него бывало, сверкнула мысль. Перед глазами возникла карта, расположение войск Блюхера и Веллингтона знал отлично, хоть, кажется, и перестал следить за войной. Пруссаки слишком оторвались от баз. Всего один маневр, и они останутся здесь навсегда, вернее, их кости — судьба дает прекрасный шанс.

Фуше приставил к нему генерала Беккера с солдатами: то ли охрана, то ли стража. Впрочем, под Аустерлицем этот парень дрался неплохо. Сейчас для него найдется дело. Объяснил, что пруссаков можно обойти и разрезать линию их коммуникаций — уж очень растянулась. Если дать сражение, они точно будут разбиты под Парижем. А после битвы он продолжит свой путь в изгнание. Беккер галопом помчался в столицу.

Впервые за эти проклятые дни ему стало весело: пусть нет империи, но хоть поквитаемся, старый черт. Он отомстит за Мон-Сен-Жан. И условия мира тогда будут совсем другими.

Ответ Фуше был холоден: «Правительство не нуждается в его услугах». И правда, не затем же провернул лучшую в жизни интригу, чтоб теперь рисковать. Пока Председатель Временного правительства, но если удастся договориться с Бурбонами, возглавит и постоянное*. Рекомендовал немедленно покинуть Мальмезон, потому что пруссаки близко, а Блюхер мечтает его расстрелять. Что ж, пожалуй, не стоит доставлять старому дураку такого удовольствия. Значит, в Рошфор — на рейде ждут

* Договориться с Бурбонами не удалось. Фуше в очередной раз был назначен министром полиции, потом посланником в Дрездене, а потом как царевубийце (т.е. головававшему в Конвенте за казнь короля) ему и вовсе был запрещен въезд во Францию. Единственным утешением на старости лет осталось состояние в 14 млн франков, скопленное правдами и неправдами на службе императора. Впрочем, Талейран был богаче.

два фрегата. Ему точно больше нечего делать в Европе. В Новый Свет, в Соединенные штаты. Он еще не стар. В 45 вполне можно начать все сначала. Стать инженером или архитектором — там будет видно. Кстати, а какое взять имя? Не может же американский инженер называться Наполеоном. Не успел даже задуматься — оно возникло сразу, видимо, было рядом все эти годы. Жерар Дюрок. Имя последнего друга. У него были подданные, остались соратники, но друзей больше нет. Решено, он будет Дюроком.

Однако, пройти удалось только до острова Экс — путь в Атлантику закрывала английская эскадра. Моряки с «Медузы» предлагают напасть на англичан, тогда у быстроходного «Заале» будет пара часов, чтобы уйти в океан. Прорваться ценой их жизнью? Конечно, они доблестны и готовы погибнуть за него. Император мог бы отдать такой приказ, но теперь он частное лицо и его жизнь стоит столько же, сколько любая другая. Вернуться и возглавить армию, как советует Жозеф? Слишком поздно.

Люди каждый день собираются у постоянного двора, где он остановился, отовсюду несется «Виват император». Солдаты местного гарнизона просят устроить им смотр. А король, должно быть, сейчас въезжает в Париж. Нет-нет, его роль сыграна. Гурго отправляется в Лондон с письмом к принцу-регенту:

«Ваше Высочество,

Я пал жертвой борьбы партий в моей стране и враждебности великих европейских держав. Моя политическая карьера закончена. И я иду как Фемистокл присесть у очага британского народа. Вступаю под защиту его законов и обращаюсь с просьбой о гостеприимстве к Вашему Высочеству — самому могучему, самому постоянному и самому великодушному из моих врагов.

Наполеон».

Осталось только подняться на борт «Беллерофона». В рваном тумане французский берег — в последний раз.

Но он пришел как гость — почему же стал пленником? Это и есть британское право? По праву сильного? Да нет, слабого! Они его боятся как и раньше. При звуке его имени их сковывает страх. Куда его везут? В тюрьму, на крошечный, забытый в океане остров. О, этот остров будет теперь невероятно знаменит. Он все превращает в бессмертную бесполезную славу.

Послесловие о последствиях

Комментарий независимого (поскольку от него ничего не зависит) наблюдателя

Оставим в стороне вопрос, был ли Наполеон хорошим или плохим человеком. На него невозможно ответить. Сам он советовал держаться середины между добром и злом. Правда, то и дело оказывался на стороне добра.

Невероятная пронизательность, трезвость мысли и глубина суждений сочетались в нём с идеализмом по отношению к человечеству. Он рассчитывал на беспристрастный суд истории. Впрочем, для позднего вольтерьянца это могло быть своего рода верой.

Беспристрастного суда, увы, не вышло, но судачат о нем до сих пор. Прошло уже почти 200 лет как Наполеон умер, а яснее не становится, хотя и равнодушным эта история по-прежнему мало кого оставляет. Поразительно, до какой степени этот человек, видимо, умевший обращаться с властью лучше любого другого в Новейшей, а может быть, и во всей Истории, за нее не держался. Она никогда не была ему нужна сама по себе. Это всего лишь инструмент, который годен только до тех пор, пока с его помощью можно делать что-то полезное. Он отдает власть немедленно, при первой угрозе гражданской войны (с момента его приезда в Париж после Ватерлоо до отречения прошло полтора дня), но отдает в никуда*. Парламент никак не может ей распорядиться, потому что союзники требуют возвращения Бурбонов. Причем тут все было понятно с самого начала. Гражданская доблесть Лафайета — политическая наивность пополам с ненавистью к Наполеону. На самом деле, весь героический парламентаризм этих нескольких дней — просто интрига Фуше. А получилось неважно. Террор, развязанный Бурбонами после второй

* Наполеона часто называют диктатором. Технически, кроме «100 дней», так и есть. Но есть ли среди диктаторов XX-го и теперь уже XXI-го веков хоть один, который не утопил бы страну в крови своих собственных граждан?! Есть ли кто-нибудь, кто хотя бы ушел бескровно?! Думаю, что к диктаторам в смысле XX-го века первого консула и впоследствии императора никак нельзя отнести. Вряд ли к нему применимо это слово и в изначальном римском значении. Наполеоновское правление заслуживает выделения в отдельную категорию.

реставрации, унес жизни минимум 10 тыс. человек, причем эти люди по большей части были цветом нации, как Ней или Лабедауайер. Наполеон повел себя разумно и благородно, чего не скажешь о Парламенте. С Наполеоном во главе они могли бы успешно сопротивляться нашествию, и даже если бы ему в конце концов пришлось отречься, условия мира были бы иными. Сражаться и достойней и практичней, чем сдаваться на милость победителя. 700 миллионов контрибуции и пара отобранных провинций отлично это доказывают.

Грубые ошибки и просчеты Наполеона: континентальная блокада, война в Испании, русский поход, которые привели к падению Империи, остались в его времени, а вот последствия наполеоновских действий оказались благотворны. Перечислим только основные:

- 1) Он создал современное французское государство.
- 2) Он принес в Европу Гражданский кодекс и другие французские законы (в то время самые либеральные), после чего полный возврат к феодальному праву уже был невозможен.
- 3) Под ударами его войск рухнула Священная Римская Империя Германской нации, простоявшая 1000 лет. Это было необходимым условием объединения Германии.
- 4) Он положил начало объединению Италии.
- 5) Пока Наполеон воевал с континентальной Испанией, ее американские колонии были предоставлены сами себе, они привыкли к самоуправлению, — что и привело к серии революций 1820-х годов и в результате к созданию современных государств Центральной и Латинской Америки. То же относится и к Португалии, хотя ее путь оказался более экзотическим.
- 6) Благодаря началу объединительных процессов в Италии и в Германии, созданию конфедерации государств во главе с Францией и особенно распространению Гражданского кодекса были заложены основы современной Европы. Нынешний Евросоюз с некоторыми оговорками можно считать продолжением наполеоновского проекта.

ЖАТТО

Жатто в составе авангарда Мюрата доехал почти до Кремля. От Дорогомиловской заставы они никого не встретили, город был пуст.

Всем, кроме, может быть, безмятежного Неаполитанского короля, было немного не по себе. Странной была эта победа.

Только Мюрат, в невероятном испанском костюме с золотыми бренденбурами, больше похожий на оперного певца, чем на короля или маршала, ни на что не обращал внимания. Он подозвал Жатто.

— Поезжайте к императору и доложите о том, что видели.

— Слушаю, Ваше Величество.

Жатто козырнул и, прищпорив лошадь, поскакал назад.

Он чувствовал, что опасность исходила от каждого дома, каждой подворотни, за любым поворотом улицы ему чудилась засада. Это не была привычная опасность боя, когда, разрывая рот в яростном вопле «Vive L'Empereur», с саблей в руке он мчался мериться силами с таким же отважным врагом. Нет, это был вдруг вспыхнувший забытый уже детский страх мальчика Йоськи из местечка Берковичи под Уманью, когда он убегал от панских холопов, травивших «жиденка» собаками, как зайца.

Усмехнулся про себя: «Дивное чувство для победителя в покоренной столице!» — и усилием воли отогнал химеру страха. Если бы он знал, насколько верным, пророческим был этот страх.

Как же они дрались неделю назад под Москвой! Но не одолели русских. И русские тоже не одолели. Все разговоры о победе — пустое.

Храбрость, отчаянное молодечество было его природой. Не то, что бы этим можно было кого-то удивить — в кавалерии Мюрата других не бывало, его друзья-гусары Монбрен, Лассаль, де Марбо с кем угодно могли помериться отвагой, но атакой его эскадрона под Прёйсиш-Эйлау был впечатлен сам император. Крест Почетного легиона из высочайших рук прямо на поле боя. В 27 лет бригадный генерал. Хотя кто тогда не был генералом. Но для мальчика из польского еврейского местечка, может быть, не так уж плохо.

Правда, гусар в небесно-голубом мундире с ментиком, небрежно свисавшим с левого плеча, и расшитых золотыми шнурами чакчирах, заправленных в мягкие черные сапожки, с волочащейся саблей, нисколько не походил на того мальчика. Наверное, только быстрый прямой взгляд насмешливых карих глаз, природная гибкость и порывистость в движениях да мгновенная реакция, не раз спасавшая Жатто жизнь, и выдавали в нем дерзкого юношу из далекой северной страны, приехавшего в Париж в конце 1799 года вскоре после переворота 18 брюмера в надежде на удачу и славу.

Попав из Польши в свободную Францию, он сократил длинную фамилию Дзятковский до двусложной Жатто, заменив попутно дребезжащий польский «дз» на легкий французский «ж», и поступил волонтером в армию. К Маренго не успел, поскольку службу пришлось начать с гарнизонной лямки, но исправно участвовал во всех войнах Империи. Аустерлиц, Йена, Прёйсиш-Эйлау, Фридланд, Ваграм. Теперь Бородино. Четвертая кампания.

Он нашел императора на большом холме у въезда в город. На карте это место называлось Поклонной горой. Наполеон стоял со свитой и штабом и ждал депутацию каких-то мифических бояр с ключами от города. Жатто прикусил губу: «У великого человека и ошибки должны быть великими».

Он подъехал и остановился, как требовал этикет, в нескольких шагах от императора. Наполеон взглянул на него.

— Ваше Величество, с донесением от Неаполитанского короля.

— Что доносит Мюрат?

— Сир, город пуст.

И снова, как предупреждающий сигнал, это внезапное чувство опасности в покинутом жителями городе.

Наполеон смотрел на него в полном изумлении. Потом медленно стянул перчатку с одной руки, потрогал себя за нос, вытащил из кармана носовой платок и переложил в другой карман. Он застыл в каком-то оцепенении и никто не знал, сколько прошло времени, прежде чем он произнес обычным повелительным тоном: «Нечего медлить».

Прогремел пушечный залп — сигнал к вступлению в город.

Войска тронулись.

Император ехал на маленькой арабской лошади в сопровождении двух эскадронов конной гвардии.

Негодование было написано на его лице. Он ехал по широким мощеным улицам, мимо дворцов с причудливой архитектурой и сияющих золотом нарядных церквей и не встречал никого на пути. Трехсот тысяч жителей как не бывало. Лучше, чем кто-либо на свете, он знал, как выигрывают сражения и входят в покоренные столицы, что такое победа и слава.

Но не бывает победы без побежденных.

Боже, каким адом была Московская битва! Они сражались с шести утра до шести вечера, он потерял в этих атаках 30 тысяч человек, 49 генералов. Поле боя осталось за ними, но русские стояли в конце дня так же незыблемо, как и утром.

Ничего, теперь они будут просить мира.

И подъехав к Кремлю, он сказал с усмешкой, для истории: «Вот эти гордые стены».

В ту же ночь начался пожар.

Полыхнуло сначала где-то за Китай-городом, потом ближе, огонь перекинулся на Варварку и Дмитровку, быстро приближаясь к Кремлю. Порывистый ветер разносил его по улицам. Отовсюду тянуло гарью и стало светло почти как днем.

Теперь Жатто казалось, что он весь день предчувствовал это. Он хорошо помнил рассказы немногих уцелевших о том, как солдаты Суворова громили варшавскую Прагу, никого не щадя и пьянея от крови. Глубоко запрятанный детский ужас перед беспощадной русской силой, не разбирающей правых и виноватых, солдат и горожан, мужчин и женщин, взметнулся в душе, угрожая захлестнуть разум и вырваться наружу. Он тяжело вздохнул, взявшись за меховые отвороты голубого гусарского мундира, провел рукой по золотому шитью, нащупав эфес сабли, и успокоился. Давно уже не был он мальчиком из еврейского местечка. Годы походов с императором закалили в нем воина, вселив безграничную веру в удачу и гений этого поразительного человека. Под Аустерлицем все говорили, что надо отступить, по слухам, даже неустрашимый Ланн пытался убедить в этом императора. А кончилось все полным разгромом русских. И командовал ими тот же Кутузов. Жатто в берсеркском упоении рубил тогда со своим эскадром русских grenадер. И тоже никого не щадил. Под Эйлау уже командовал полком в бригаде Лассалея. Как они обрушились тогда на кирасир! Сразу двумя дивизиями! То была лучшая атака в его жизни! Это был день Мюрата и немножко его, Жатто!

Конечно, не могли русские просто так отдать свою древнюю столицу. У них вместо стратегии хитрость. Но мы выпутаемся. В конце концов, здесь император.

Под Фридландом русские снова были разгромлены. А он стал бригадным генералом. И они вошли в Польшу. Ему, правда, нужно было в ту часть, которая отошла к России, в Правобережную Украину, но после Тильзита это было легко. Он обратился к Мюрату, тот попросил кого-то из русских свитских генералов и получил разрешение их императора в течение двух часов. Для французов в Европе больше не было границ.

Он бежал оттуда шесть лет назад, когда пан Анджей, шляхтич, узнав о неслыханном позоре — романе своей единственной дочери с жиденком, — поклялся убить его. Он убежал из замка Потоцких в Тульчине, где пан Анджей служил управляющим, обмотав тряпками копыта лошади, боясь нечаянного звука, скрипа, который бы выдал его. Если бы его тогда схватили, то просто забили бы плетью без всякого суда.

Его родители погибли в Умани, когда гайдамаки ненадолго захватили город. Казаки поставили тогда пушку напротив дверей синагоги и разнесли половину здания, а тех, кто не погиб сразу, добивали пиками и штыками. Женщин и девочек насиловали перед смертью.

Йозеф уцелел только потому, что отец успел отправить его со старшей сестрой к родным в Тульчин.

Сироту взял на воспитание граф Потоцкий, владелец тех мест, сестра вернулась в Умань. Он рос во дворце, иногда бывал с семьей магната в Петербурге. Ездить верхом и рубиться на саблях его учил тот же старый шляхтич, что и молодого графа Николая, тем более, что тому нужен был партнер в рубке, а немецкому и французскому он выучился сам, пока им учили детей графа, языки давались маленькому Йозефу легко. Еще легче было с танцами. Среднего роста, гибкий и подвижный как ртуть, он танцевал мазурку так, что все молодые шляхтичи в округе только зубами скрипели от зависти. Он почти забыл уже детские унижения и совсем не чувствовал себя парией, пока не влюбился в Агнешку.

Чуть только начинало темнеть, она сбегала к нему по ступенькам через боковую калитку дворца, отстукивая каблучками свое «цок, цок, цок», вскакивала сзади на его коня, и они мчались по окрестностям, потом он пускал коня шагом, сажал ее перед собой и они долго самозабвенно целовались, находили укромные полянки в лесной чаще, спешива-

лись и любили друг друга целомудренно и неистово, как бывает только, когда вам не больше, чем тридцать четыре на двоих.

Они так любили это мчанье и прогулки в аллеях тульчинского парка. Губы почти не разъединялись и объятия не разжимались всю ночь напролет. Оба были безмятежно счастливы все лето.

Отец застал их случайно как-то вечером, Йозефу удалось ускользнуть, но бежать нужно было той же ночью, пока пан управляющий не успел поднять на ноги всю округу. Вот только куда?

После того, как граф Станислав женился на гречанке Софии, Тульчин опустел, молодые жили в Умани. Бежать в Умань искать защиты Йозеф не мог, там в охране служат казаки, может, те самые. Он убил бы любого в свитке и казацких шароварах. Да и неизвестно, как посмотрит граф, а покорности он в себе не ощущал вовсе. На Украине его бы схватили везде, в России еврею, воспитанному как польский шляхтич, и вовсе нечего было делать. Оставался долгий путь через Австрийскую империю во Францию. О Франции говорили много, а еще больше о молодом генерале Бонапарте, который за несколько месяцев завоевал почти всю Италию. Йозеф понимал только, что французы перерезали свою шляхту и простой человек может там многого добиться, если он умный и храбрый. И никто не спросит тебя, в какого бога ты веришь. Впрочем, о боге Йозеф думал мало, его больше занимали земные дела. Денег не было совсем, по дороге подворовывал или подрабатывал чем придется.

Только через шесть лет он вернулся! И смог, наконец, снова увидеть ее! Ничего не изменилось. Он любил ее так же и хотел так же, как тогда. Жатто стал думать об Агнешке, рыжей красавице Агнешке, зеленоглазой и стремительной, тонкой, как соломинка, маленькой паненке. Он был женат уже пятый год и все не мог поверить своему счастью. Он никогда бы не стал тем, что он есть, если бы не было Агнешки. Он сделал сам себя, чтобы нравиться ей, чтобы завоевать ее. Но все равно и думать бы не мог увезти с собой, если бы не тот поход. Он вернулся не жалким изгоем, а грозным французским генералом, победителем, тенью своего императора, перед которым все трепетало и все замирали в восхищении и страхе.

Взрыв невероятной силы ошеломил его. Быстрым разумом военного человека Жатто сообразил, что это мог быть только склад боеприпасов или пороховой погреб. Завернул про себя крепкое польское словцо.

Его внезапно позвали к императору.

Наполеон смотрел из окна на горящий город. На лице его изумление и гнев сменяли друг друга. Завоевание, стоившее стольких жертв, исчезало в дыму и пламени.

— Это они сами поджигают. Какие люди, скифы! Зачем? Вы поляк, генерал, и, говорят, знаете русский. Объясните.

— Я польский еврей, — поклонился Жатто. — Думаю, это их месть за Московскую битву, Ваше Величество.

— Но это подло, подло. Как они смеют уничтожать мой город?! — произнес император надменно. И тут же добавил, противореча себе: «Они жгут восемь веков своей истории. Какая решимость!»

Он повернулся к группе маршалов, спрашивая их мнение о происходящем.

Принц Евгений, Бессьер и Лефевр хором стали уговаривать его медленно уехать.

— Ваше величество, здесь слишком опасно.

— Вашему величеству нужно покинуть Кремль.

— Сир, Вы не должны подвергать себя риску.

Наполеон смотрел на них отрешенно, словно не слышал. Он впервые подумал, что попал в ловушку. Дар, который он обещал армии и себе самому, превращался в троянского коня. Победа и мир ускользали от него.

Положение спас Бертье:

— Если бы неприятель вдруг напал сейчас на части армии, расположенные вне Москвы, как Ваше величество могли бы с ними связаться?

— Вы правы, — поморщился Наполеон. — Распорядитесь. Вы пойдете с нами, Жатто, — кивнул он генералу. — Мне может понадобится переводчик.

Они долго не могли выйти из Кремля, потому что огонь подступил к самым стенам. В конце концов натолкнулись на проход к реке и почти сразу потерялись в неразберихе разбегавшихся улиц. Города не знал никто — небольшой отряд просто старался уйти от огня, а он окружал со всех сторон. Пламя поднималось над крышами, небо стало сплошным заревом, они шли среди пылающих домов, падающих горящих бревен, раскаленных листов кровельного железа. С грохотом рушились своды. Одна узкая улица показалась скорее входом, чем выходом из ада. Император, не колеблясь, пошел по ней. В распахнутой шинели, молча, он шел наугад, в огненном плену, окруженный гвардейцами. Они блуждали до рассвета, пока не встретили случайно мародеров из корпуса Нея. Те указали путь к Дорогомиловскому мосту, оттуда удалось дойти до Петровского замка.

Едва войдя во дворец, Наполеон подозвал Жатто. Оказалось, он не забыл его ответ. Император спросил, считает ли он Польшу своим отечеством. Жатто сказал, ни секунды не колеблясь, что единственное существо, которое ему дорого, свою невесту, он увез из Польши, а более ничем с ней не связан. Шпагу свою и жизнь он отдал императору и никому другому служить никогда не будет.

— Я помню Ваши услуги под Прёйсиш-Эйлау, под Фридландом и под Москвой, — сказал Наполеон с неожиданно сердечной и мягкой улыбкой. Потом спросил, не хочет ли Жатто тем не менее служить в его польских частях. Жатто просто ответил, что в войсках князя Понятовского он всегда будет «жидом», а у Мюрата он французский генерал, равный среди равных. Наполеон задумался: «Мы много говорили с Вашими единоверцами в Египте. Помните, конечно, этот библейский стих из Писания Павла — «несть ни иудея, ни эллина, ни господина, ни раба...». Для меня существует только сам человек с его верностью, талантами и счастьем. Я предлагал им создать свое государство*, но они попросту испугались. В них не было доблести. Вы — не то. Ваша дорога — дорога чести».

* Наполеон, действительно, предлагал это сделать. Первым в Новое время мысль о возвращении евреев в Палестину высказал кн. Потёмкин-Таврический. С большой вероятностью идею подсказал ему Иешуа Цейтлин. Потёмкин даже создал Израильский полк для обороны еврейского государства. Но понадобилось полтора года, невероятной мощи сионистское движение и трагедия Холокоста, чтобы всё осуществилось.

АРМИЯ ОБРЕЧЕННЫХ

Впереди было отступление, морозы, казаки, яростная злоба русских крестьян и больше ничего — ни чести, ни славы.

— Это, видимо, и есть вкус поражения, — думал Жатто, оглядывая своих гусар — едва ли треть бригады сидела в седлах. Половина полегла у Бородина, а сейчас, после ухода из Москвы, каждый день приносил потери — лошади падали от голода, гусары спешивались, отставали, попадали в плен к партизанам или казакам. Оставшиеся угрюмые вояки в шубах и меховых накидках поверх мундиров, перепоясанные то ли шарфами, то ли шальями, в причудливых, но никак не форменных головных уборах ничуть не походили на грозные колонны победителей, месяц назад входивших в Москву.

Жатто не возражал против этой пестрой цыганщины: в мундирах холодно, теплой одежды все равно нет, пусть заботятся о себе, как умеют. Только с тоской думал о том, что будет, когда ударят первые морозы. Один из немногих в армии, он представлял это очень ясно, хотя ему и в страшном сне не привиделось бы, что ждало их в действительности. Сам бригадный генерал был затянут в голубой доломан с ментиком, как на параде, предпочитая согреваться польской сливовицей из фляжки, притороченной к седлу.

Они выиграли все сражения, однако проигрывали войну. Жатто все чаще вспоминал старшего друга Луи Монбрена, великого кавалериста, — тот был убит наповал пушечным ядром, когда вел свой корпус в атаку на Семеновские флеши*. Славная смерть — и ему не пришлось видеть это. Великая армия в первый раз уходила не солоно хлебавши, без победы и мира. Даже гений императора оказался бессилён. Жатто вспоминал Аустерлиц — свою первую кампанию и первую настоящую атаку. Их вел Мюрат, и только одна мысль неотступно стучала в голове:

* Так назывались укрепления на левом фланге русской армии во время Бородинского сражения. Их защищал Багратион.

император смотрит на них. Вряд ли это было так, но сама мысль окрыляла, заставляла лететь вперед.

К тому времени Жатто видел Наполеона, может быть, пару раз, и то мельком, но любовь армии к своему герою захватила его полностью, восторг и обожание переполняли юного лейтенанта. Рассказы ветеранов об Итальянском походе, Египте, Маренго заставляли душу трепетать от сладкого предчувствия. Наконец он был среди своих.

С детства Йозеф слышал хвастливые шляхетские речи о славных и дерзких походах, битвах с москалями, турками, австрийцами, шведами. Чем больше горилки заливалось в глотки, тем круче поднимался гонор — сабли грозно стучали, байки становились красочней и затейливей, уходили все дальше в глубь веков. Никто, включая рассказчиков, не смог бы отделить там правду от вымысла, да и кому это важно. Важно было то, что разговоры эти как бы не имели к нему отношения. Йозеф и на минуту не мог забыть настолько, чтобы почувствовать себя не только польским воеводой, но даже самым захудалым шляхтичем. Чужая история проходила перед глазами. А здесь задавленные с детства мечты расправлялись, мгновение — и они могли стать явью. Рядом были люди, которым это уже удалось. Он служил с ними, они были его друзьями и командирами. Он был частью армии, которая не снилась никогда Польше, а во главе ее стоял полководец, не рождавшийся, может быть, со времен Александра. Еще чуть-чуть, и придет его время.

А пока впереди была рыжая лошадь Андре из соседнего взвода и уже хорошо различимые каре русских гренадер в черных высоких шапках. Он мчался вперед с саблей, занесенной для удара, и немислимый крик, рвавшийся из глотки, сливался с такими же безумными криками скакавших рядом гусар. Пьянящее чувство свободы и дикой скачки ударило в голову, он отдавался ему, упивался им, не задумываясь, что произойдет в следующее мгновение. Только бы император увидел это!

Еще семь лет после аустерлицкой славы они пронеслись по Европе от победы к победе. Он вдел ногу в стремя, его время пришло. Неужели их остановят на этих унылых дорогах бородатые казаки и дикие русские мужики?! Разве что-то может остановить императора?! За армией тянулась бесконечная вереница карет, экипажей, колясок, повозок, фургонов, всевозможных транспортов, доверху нагруженных разным добром. Шли пленники — до пуза заросшие волосней мужики, навьюченные трофеями, другие гнали стада коров и овец. На возах и в каретах, повозках, экипажах ехали тысячи женщин, больных, раненых, слуг, денщиков

и всякого сброда, бежавшего вместе с армией из Москвы. Каждый — от солдата до маршала — старался унести из Москвы как можно больше. Все чувствовали, что это единственная награда за кампанию. Зрелище напоминало татарскую орду после удачного набега, а не регулярную европейскую армию просвещенного века. Такого не было никогда прежде, ни в одном походе. Но там были победы.

Жатто как генералу полагалась карета — он отдал ее под раненых, которых в Москве оставалось несколько тысяч. Всех увезти было невозможно, но каждое транспортное средство увеличивало чьи-то шансы на жизнь. Всю его добычу составляли два полушубка, несколько теплых вещей, пара ящиков вина и коллекция холодного оружия — выросший на сабельных поединках гусар не мог отказать себе в такой безделице. Это не было альтруизмом или каким-то особым сочувствием к врагу — нет, здесь он был как все. Просто его честолюбие было совсем иного рода, мародерство претило натуре Жатто, хотя он, наверное, не стал бы оспаривать древнего права на военную добычу. Но в данном случае было очевидно, что награбленного сохранить не удастся, казаки всё отобьют, и очень быстро.

Глядя на орду кочевников, в которую стремительно превращалась Великая армия, Жатто с тоскливой прозорливостью понимал, что это армия обреченных. И старался наперекор всему верить в чудо.

Войска уныло тянулись на Можайск одной нескончаемой колонной. Никогда не было такого отступления. Они вообще были нечасты, но сейчас армия из охотницы сама стала добычей. Стервятники — партизаны и казачьи партии нападали на маленькие отряды, убивали или пленили отставших, а главные силы русских наступали по параллельной дороге, как бы угрожая отрезать путь отхода. На самом деле старый лис Кутузов опасался сражения, да и нужды в нем не было, поскольку французы все равно уходили из страны. Другое дело, если вдруг страшный раненый зверь упадет сам, тогда уж нужно не упустить случая — добить, с последней яростью вгрызться в полумертвую глотку*.

За Можайском, сразу как перешли речку Кольчу, по обе стороны дороги шел поваленный, убитый лес, деревья лежали друг на друге как люди, изуродованные холмы с вывороченными наизнанку земляными внутренностями казались то ли погибшими чудовищами, то ли потухшими кратерами отстрелявшихся навсегда вулканов, а сама земля была

* Это случилось у Березины.

голая, крепко утрамбованная тысячами сапог. Повсюду валялись пробитые пулями кирасы с пятнами крови, сломанные ружья, порванные барабаны и прочая негодная военная утварь. И куда ни кинешь взгляд — человеческие и конские кости, уже дочиста обглоданные зверями или с кусками мяса, — где целые скелеты, а где отдельно черепа, руки, ноги. Тысячи и тысячи непогребенных, погибших просто так, за здорово живешь. Это было, конечно, бородинское поле. Несмотря на то, что прошло полтора месяца, в воздухе чувствовалось еще зловоние. Император быстро проехал мимо. Никто не хотел туда смотреть, но и взгляд отвести было непросто. Слишком у многих там кто-то остался. К тому же теперь, после Москвы, даже самые недогадливые поняли, чем обернулась та мифическая победа.

Монбрен погиб ранним утром. Его разорвало одним из первых ядер в первой атаке на флешу. Бог сохранил неистового черноусого Баярда в семи походах, а в восьмом его ангел-хранитель сплоховал*. Несмотря на разницу в чинах, на то, что был на десять лет старше, он был своим в доску и таким же однолюбом, как Жатто. В тот миг разве можно было вообразить, насколько будет не хватать Луи?! Дальше второй резервный корпус повел Себастиани. Жатто со своей бригадой как раз ворвался на южную флешу, когда увидел Мюрата, окруженного огромными русскими кирасирами. Те явно намеревались взять короля в плен. Горстка гусар с Жатто во главе обошла кирасир и бросилась на них сразу с обоих флангов — изумленные дерзостью лёгкой конницы, видя опасность со всех сторон, они на миг выпустили добычу. Маршал укрылся в колонне вюртембержцев. Гусары же как налетели, так и рассеялись — тяжеловооруженные всадники на неповоротливых конях не могли их преследовать. Через полчаса встретившись с Жатто в битве, великолепный Неаполитанский король сказал только: «Я перед вами в долгу, генерал». Это было часов в 10 утра. А потом целый день удерживали флешу, но пробиться дальше уже не могли. Ней с королём требовали гвардию, император так и не дал. Захватили центр и левый фланг, а что толку. Может, с гвардейцами они бы разбили русских, хотя вряд ли: те даже пощады не просили, предпочитали смерть. Удивительно, после боя почти не было пленных. Но если бы и разбили, так что? Сейчас бы тут лежало не 20, а 30 тысяч

* Из наполеоновских кавалерийских генералов только Пажоль умер в мирное время — упал с лестницы на королевском приеме в Тюильри в возрасте 72-х лет.

трупов, и они бы так же шли назад по смоленской дороге*. А Кутузов собрал бы свежие части, рекрутов со всей страны и его новая армия наступала бы им на пятки, как нынче. Вся русская кампания — ловушка. Да и вообще зачем нужна была эта война?

Вскоре после начала отступления, между Малоярославцем и Вязьмой у него был еще один разговор с императором.

Жатто сообщили, что за спасение Неаполитанского короля в битве при Москве-реке он стал бароном Империи. При встрече маршал просто сказал ему: «Хотел ответить тем же, но когда еще представится случай. А пока титул вам не помешает». Мюрат не любил долго оставаться в долгу. По этому поводу и была дана высочайшая аудиенция. Жатто приготовился к долгим изъявлениям благодарности, но после первых фраз речь пошла о другом, тем более, что самого короля не было — он командовал конницей в очередном бою с казаками**.

Наполеон остановился в крестьянской избе, тесной, маленькой, с нависающим, только что на голову не падающим потолком. Золото и блеск мундиров, военная выправка, громкие властные голоса генералов резко контрастировали с нищетой и убожеством обстановки. Император был раздражен, метался из угла в угол, сбрасывая на пол немногочисленные попадавшиеся под руку предметы. Сброшенные, они тотчас растаптывались ногами.

— Казаки сожгли заживо четырех моих офицеров, — Наполеон называл казаками всех вооруженных людей, не принадлежавших к регулярной армии, хотя, судя по образу действий, тут, скорее всего, злодействовали крестьяне — партизаны. Жатто уже слышал об этой истории. Эскадрон польских гусар из войск генерала Себастиани занял деревню, четверо младших офицеров расположились в избе на отшибе, охранения не выставили. Ночью партизаны обложили избу соломой, облили чем-то горючим и подожгли. Мальчишки задохнулись прежде, чем сообразили, что произошло. Жатто было безумно жаль беззаботных гонористых храбрецов — шляхтичей, но это происходило сейчас повсюду. Наша армия привыкла рвать горло вооруженному врагу

* С военной точки зрения Бородинская битва была бессмысленна для русской армии. Кутузов это прекрасно понимал, но не мог отдать Москву без боя.

** Казаки в каждом сражении высматривали, здесь ли Мюрат. Театральной роскошью наряда и отчаянной храбростью он напоминал им легендарных запорожских атаманов. Между казаками был договор не убивать его, а взять в плен.

и побеждать на поле боя, но совсем не умеет себя охранять и видеть врага в каждом мужике.

— Они перехватывают мою почту и убивают курьеров, — кричал император. «Ну это и вправду казаки», — подумал Жатто. — Зверски убивают всех отставших, нападают из засады и уничтожают целые роты. Они берут пленных, только чтобы пытать их и потом казнить. Я сражаюсь с бандитами, палачами, стервятниками. Почему они воюют с такой жестокостью?

Жатто рассказал в ответ, как гайдамаки сожгли Умань в 1788 году и вырезали всех жителей — сначала евреев, потом поляков. Император содрогнулся при мысли о том, что их, может быть, ожидает.

— Только и мы не лучше, — добавил генерал. — Недалеко отсюда лежат несколько десятков русских, которым размозжили прикладом голову. Всем одинаково. Пленных охраняли испанцы и поляки.

— Я не приказывал этого, — мрачно ответил Наполеон. — Тут замкнутый круг: одно зверство рождает другое.

— Но мы оставляем на милость неприятеля наших раненых. Что с ними будет?

— Виновные наказаны. Что я еще могу сделать?

Император вздохнул и переменял тему.

— Для меня это только политическая война. Я никогда не собирался завоевывать Россию. Даже восстановление Польши не было моей настоящей целью. Александр мог остановить войну прежде, чем я перешел Неман. Я столько раз писал ему о мире. Ему стоило только начать переговоры. Вместо этого он опустошает свою страну, сжигает города, губит людей. Зачем? Какой в этом смысл?

— Ваше величество не думает, что император Александр просто мстит за свои унижения? Аустерлиц, Фридланд, Тильзит, наконец. Он не привык к этому. Для русской знати народ — быдло. Они положат сколько угодно мужиков, просто чтобы потешить тщеславие, тем более за свою ущемленную гордость. За одну только надежду, что они могут победить вас, Сир. Эти люди пережили унижения и страх, они стараются подражать вам как гению, но ненавидят как врага и хотят уничтожить во чтобы то ни стало. Именно так они понимают любовь к своей стране. И потом, их империя — военная. Русские всегда с кем-то воюют. У них даже женщины-императрицы носили мундиры гвардейских полков. Они не могут проигрывать войны. Тогда империя рухнет.

Раздражение императора прошло, он смотрел на Жатто спокойно и печально.

— Я думал об этом. Хм. Не знал, что русские императрицы носили военный мундир, Коленкур не рассказывал. Если империя военная, почему армия так плохо организована и генералы ни на что не годны?! Они умеют воевать только с дикарями. Им никогда не победить меня. Не ручаюсь за стихии, но в сражении я всегда разобью русских. Если только случайная пуля или удар сабли.

Жатто подавил вздох и это не ускользнуло от Наполеона. Он неожиданно больно дернул Жатто за ухо — обычный знак благоволения, но озорное мальчишеское движение, сопровождаемое улыбкой, резко контрастировало с печальным выражением лица.

— Вижу, вы любите меня, — император потрепал молодого генерала по щеке. — Не бойтесь, пуля для меня еще не отлита.

— Но я не могу больше рассчитывать на фортуна, — подумал Наполеон про себя. — В этой кампании все против меня.

Дело было в том, что пару дней назад казаки напали на эскорт императора, когда ранним утром он поехал взглянуть на передовые позиции русских у Малоярославца. Среди своей гвардии Наполеон передвигался почти без охраны — с ним были только Бертье, Коленкур, адъютанты, несколько офицеров для поручений и человек десять-двенадцать конных егерей. Конвой императора составляли три эскадрона, но они просто не успевали за его стремительными и всегда внезапными перемещениями.

Отряд казаков в две тысячи сабель в расположении гвардии то ли никем не был обнаружен, то ли на него в суматохе просто не обращали внимания. Это был один из обычных рейдов донцов по тылам. Они напали на гвардейский артиллерийский парк и отбили несколько орудий. В это время мимо проезжал Наполеон со своим небольшим эскортом. В темноте казаков вначале приняли за свою кавалерию. Только когда рядом раздалось громогласное «ура», генерал Рапп, ехавший впереди, подскакал к императору со словами:

— Остановитесь, государь, это казаки.

— Возьми егерей из конвоя и пробейся вперед, — ответил ему Наполеон.

Полувзвод гвардейской кавалерии вступил в неравный бой с неприятелем. Наполеон, Коленкур и Бертье обнажили шпаги. К счастью, в этот момент подоспел запоздавший конвой, за ним маршал

Бессьер с несколькими эскадронами. Захваченные пушки удалось вернуть. Увидев превосходящего противника, донцы рассыпались во все стороны. Регулярной кавалерии, сохранявшей боевой порядок, преследовать их было трудно.

После этого случая Наполеон потребовал у своего личного врача яду и всегда носил его при себе.

Тень неудачи уже легла на все решения императора в этом походе. На следующий день вместо марша на Калугу он приказал отступать по разоренной войной старой смоленской дороге. И отступление стало гибелью.

* * *

Жатто храбро воевал еще два года, но звезда Наполеона закатывалась так же стремительно, как когда-то восходила. После первого отречения он не стал присягать Бурбонам, а уехал в поместье, которое получил вместе с титулом графа империи и званием дивизионного генерала за непревзойденное командование кавалерией в битвах при Шампобере, Монмирале, Шато-Тьерри и Вошане, блистательных, как в Итальянской кампании, но уже бесполезных.

Последний раз Жатто служил под знаменами императора при Ватерлоо. Почти вся его кавалерия была истреблена в тот день в безумных атаках Нея, сокрушивших в конце концов английские каре, хотя было слишком поздно. Бурбоны не простили участия генерала в «Ста днях», во время «белого террора» он попал в проскрипционные списки Фуше и вынужден был уехать с семьей в Америку. Он сдержал слово, данное когда-то императору, и после его падения никогда больше не обнажал шпаги.

ДОЛГ

р а с с к а з

Приказы были отданы самые ясные, только никто не понимал, что будет дальше. Офицеры перешептывались, солдаты радовались открыто, и чувствовалось по всему, что пойдет все совсем не так, как приказано.

Слухи ходили разные. Говорили, что Австрия заключит союз с Наполеоном, что царю надоели Бурбоны и Россия больше не будет воевать с Францией, что император пошлет своих дипломатов на Венский конгресс. Все как-то разом встрепенулись, загалдели, — в основном, конечно, армейские. Словно не было десяти лет непрерывной войны и тяжелых поражений. Удивительная вещь — слава. А еще говорили, что Ней обещал королю привезти Наполеона в железной клетке. Глупость, конечно, но очень похоже на «храбрейшего из храбрых».

На сабле египетского паши, которую ему когда-то подарил первый консул в самом начале знакомства, было выгравировано арабской вязью: «Кто думает о последствиях, тот никогда не бывает смелым». Пламенный маршал особенно и не думал, его дело было водить в атаку батальоны, прорывать вражеские каре. Думал за него император. Он вообще за всех думал. И получалось так здорово, что дух захватывало, — пока императору везло. А когда перестало, пламенный маршал сам попробовал думать. Нда-а. Кончилось это хуже некуда. Хотя сказать он и не такое мог в экстазе. Только никто все равно не верил, что князь Москворецкий пойдет против императора. Рыжий полнеющий герой, увешанный орденами так, что не видно было, какого цвета под ними мундир, что он значил без Наполеона?! Его подвиги, титулы, слава, самый звук его воинственного имени принадлежат Империи. А с кем идти? Разве хоть один солдат или капрал поднимет оружие против Него?! Так что какая разница, что он там кому сказал.

Под Греноблем полк Анри перешел на сторону императора. Ну, так говорилось. Пустая фраза. На какой еще стороне мог быть полк, драв-

пшийся под Маренго, Аустерлицем и Фридландом, пробившийся с Неем сквозь русские снега и казацьи сабли в отчаянном гибельном ледовом походе от Смоленска до Орши?! Полк, который Он сам водил под Люценном в атаку.

Просто император вернулся. И можно тут же забыть о жирном короле, его глупом братце и этих странных десяти месяцах. Будто и не было их никогда.

Впрочем, офицерам с белыми лилиями дали уйти — не 93-й. Даже если бы кому-то и захотелось вскинуть вслед карабин, — ясно было, что Он не одобрит. Все возбужденно и радостно нашивали трехцветные кокарды и присматривались заново к начальникам. Предали-то они, а не лилии. Не было в армии никаких других полков, кроме его собственных!

Они торопились встретиться с ним, как не торопились к своим матерям, возлюбленным. Старались догнать его, одновременно с ним войти в город. Но где там! Кто мог сравниться с ним в скорости! Они подходили к Греноблю, а он был на два перехода впереди, они снова без устали мчались вперед, а он уже входил в Лион. Страна забурлила, пришла в движение, батальоны маршировали через всю страну, чтобы только увидеть его.

Заголовки газет не успевали меняться:

«Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жуан.»

«Людоед идет к Грассу.»

«Узурпатор вошел в Гренобль.»

«Бонапарт занял Лион.»

«Наполеон приближается к Фонтенбло.»

«Его императорское величество ожидается сегодня в своем верном Париже.»

Пожалуй, Наполеону было за что презирать газетчиков.

На цоколе Вандомской колонны появился большой рукописный плакат: «Наполеон — Людовику XVIII. Король, брат мой, не посылайте мне больше солдат, их у меня достаточно».

Власть Бурбонов рухнула.

В 9 часов вечера 20 марта 1815 года император вступил в Париж.

Никогда город не встречал его так. Несметная толпа с оглушительными воплями бежала за каретой. Другая ждала у дворца. Карета остановилась. Под ликующие крики императора по главной лестнице внесли на второй этаж. Счастливые парижане оставались в Тюильри почти всю ночь. После самых фантастических побед и невероятных походов

Париж не удостаивал его такого триумфа. Но победы, может быть, не такие громкие, одерживали и другие, однако никогда и нигде не случилось, чтобы безоружный человек, за 19 дней пройдя от бухты Жуан до Парижа, без всякой борьбы завоевал страну. Этот новый Наполеон хотел только мира, но все понимали, что принес он войну.

Полковник Анри де Труа был в кавалерийском эскорте, который император взял с собой, и теперь искал во дворце какое-нибудь место, чтобы немного поспать. От Лиона они шли почти без передышки. Даже его привыкшее к походам худое жилистое тело требовало отдыха. Только императору он был не нужен — на своей половине дворца Наполеон уже формировал правительство и диктовал новые законы. Правда, позаботился и об офицерах — адъютант Его величества быстро и умело распределял комнаты, оставленные восторженными парижанами, — благо, помещение было знакомым.

Анри растянулся на постели в одной из маленьких боковых комнат — в Тюильри в них жила прислуга — и мгновенно заснул. Был он чуть выше среднего роста, по-прежнему силен, гибок и строен, несмотря на сорок с небольшим, и серые глаза с длинными ресницами смотрели спокойно и внимательно из-под гривы когда-то темных, а теперь уже полуседых волос. В движениях не казался быстрым, зато они были скупы и точны. Он был ленив ленью человека бывалого: жизнь научила делать только то, чего нельзя не сделать. Анри служил, скорее, по многовековой семейной инерции, чем по призванию. Оттого, наверное, и оставался полковником; у Наполеона маршалами становились в тридцать пять. Бурбонам присягнул потому, что обещали уволить в отставку с полным пенсионом после полугодовой службы. Иначе платили только половину прежнего жалованья, Анри же, несмотря на почти тысячелетнее дворянство, был небогат, и золотой дождь императорских милостей тоже обошел его стороной. Наконец все формальности были соблюдены, отставка принята — и тут вернулся император.

Воевал Анри непрерывно с восьмьсот пятого года, был в русском походе, и войны ему было достаточно. До сих пор не мог понять, как не замерз под Смоленском, тихо засыпая у костра возле своей палатки. Ему снилось что-то нежное, ласковое, — Ив, он гладит ее темные волнистые волосы, шелковые пряди рассыпаются под его ладонью. Разбудил адъютант маршала Нея с приказом немедленно поднять полк: они уходили от русских. Анри командовал полком улан — блестящей праздничной кавалерией, любимцев императора, пронесившихся от победы к победе

по европейским полям. Под Бородином именно они заставили отступить левый фланг врага — им командовал героический Багратион. Сейчас у него в полку не было ни одной лошади. Некоторые сохраняли седла, как хранят вещи умерших детей, — чтобы лелеять горести, а не надежду. Они шли, обросшие бородами, замотанные в какое-то трепье, голодные и растерянные, и от цыганского табора, помимо отсутствия предприимчивой жезнерадостности, отличались только недавно приобретенным умением строиться в каре, отражая атаки вражеской кавалерии. Сами они кавалерией больше не были.

— Мы пришли сюда всех победить, как всегда, — говорил он другу Бертрану, командиру первого эскадрона. Да какие там эскадроны, они бы не потянули и на пехотную роту. — Посмотри на нас.

— Если мы каким-то чудом отсюда выберемся, — вторил ему Бертран, громогласный рыжий великан из Прованса, — император уже не сможет на нас рассчитывать, мы больше не пушечное мясо.

Почему-то им было очень весело от этой мысли.

Сын богатого вино торговца, от природы веселый, отважный и беспечный, Бертран стал в этом походе угрюмым и раздражительным. Он по-прежнему бросался в каждую схватку, но вместо веселого молодечества глаза его сверкали злобной яростью. Эта ярость их и спасла.

У моста через Березину сбилось множество повозок, экипажей, солдат разных частей. Пробриться сквозь них не было никакой возможности, а проклятые казаки уже гарцевали на берегу. Вдруг брошенная кем-то из врагов граната пробила дорогу среди приникшей к земле толпы. Анри с Бертраном и еще несколько человек из бывших улан, перешагивая через лежащих, стали пробираться к мосту, но столкнулись с десятком таких же пеших вюртембергских гусар. Оборванные голодные гусары, видимо, пытались удержать подступ к мосту в ожидании своих товарищей, которые волокли издалека какую-то еду. Может, они и пропустили бы улан, но шедший впереди Бертран не собирался вступать в переговоры. Великан просто подхватил под мышки двоих, отшвырнул в разные стороны, грудью сбил третьего, и в образовавшийся проход цепочкой двинулись Анри и горстка его солдат.

Они перешли последними; от летавших вокруг гранат мост вспыхнул и вскоре обрушился. С другого берега Анри видел, как казаки или калмыки (такая же сволочь) рубили несчастных гусар, пытавшихся сдаться в плен. Казаки пленных не брали. И он не испытал тогда никакого стыда — только радость, что они с Бертраном не были на их месте.

В смертельной опасности, увы, нет сочувствия к ближнему. Они выжили в русском походе! Под Дрезденом Бертрана разорвало ядром. А он теперь во сне и наяву видел тот мост и гусар, погибающих под казацкими саблями.

Анри де Труа был потомком рода куда более древнего и знаменитого, чем род французских королей. Среди его предков были трубадуры, рыцари, владетельные князья и даже знаменитый Блондель де Нель, менестрель Ричарда Львиное Сердце. Одна из правнучек де Неля вышла замуж за маркиза де Труа. Поскольку род де Нелей пресекся в мужском потомстве, де Труа испросили у короля разрешение добавить их имя к своему родовому имени, а заодно и арфа с башмаками перекочевали с герба де Нелей на герб маркизов де Труа. Арфа напоминала, что менестрель нашел короля Ричарда, томившегося в германском плену, по сирвенте, которую они когда-то вместе сочинили. А башмаки — о том, что де Нель два года ходил по Германии в поисках Львиного Сердца. Анри с детства привык сверять с Блонделем свои поступки. Никто не знал, как выглядел де Нель, поэтому маленький Анри воображал себя на него похожим. Нет, Блондель точно не одобрил бы того, как обошлись они с вюртембергскими гусарами, несмотря на весь ужас русского похода.

«Бывало и Наполеон приказывал расстреливать пленных в Египте, — думал Анри, ворочаясь как-то бессонной ночью в своей палатке. После гибели Бертрана ему часто снилось бог знает что, просыпался в холодном поту и больше не мог заснуть. — Вспоминал ли когда-нибудь об этом? Терзался ли? Вряд ли. Он бы сказал что-нибудь вроде: „На войне доблесть — лучшая из добродетелей”, — и навсегда забыл.» Анри представил себе довольного этой пышной фразой императора, невесело усмехнулся. Да, вполне в его духе. И ведь не поспоришь.

Бертран ошибся. Пришлось воевать еще два года, до полного разгрома, только уже в пехоте. Императору нужны были опытные офицеры, но лошадей осталось мало, а вырастить новых — куда дольше, чем набрать новых солдат. Лучшие конские заводы были в Пруссии, они их потеряли почти сразу, собственно, вместе с самой Пруссией. Французы принесли в Германию дух свободы, и немцы, едва вкусив его, тут же восстали против освободителей. Что, конечно, не бывает иначе.

Разгром и крушение империи оглушили Анри, как и всех, но, кажется, впервые у него были дом и семья. Ив была рядом, маленькая, нежная и страстная; искорки в ее черных, с загибающимися бархатными ресницами, блестящих и влажных глазах вспыхивали, как звездочки на

небе, а от поцелуев на его губах долго потом блуждала дурацкая счастливая улыбка. И дети, которых он почти не видел среди непрерывных походов, десятилетний крепыш Андре и крошечная Луиза, теперь с радостными криками бросались к нему каждый вечер. Анри не любил Людовика XVIII, он был неумным, недалеким и справиться со случайно свалившимся наследством никак не мог. Но король сделал для него то, чего не мог великий и всемогущий император, — вернул свободу. И вот теперь события последних 19-ти дней грозили перевернуть его жизнь.

Что же делать? Остаться в полку, подать теперь уже Наполеону прошение об отставке, пока война еще не началась? В том, что она начнется со дня на день, нет никаких сомнений. Дальше ничего хорошего уже не будет, все хорошее только что произошло, остались кровь и беда, чем бы ни кончилось.

Анри, как тигр, метался по маленькому кабинету — два шага от кресла к столу, три от стола к стене и назад. Очень хотелось что-нибудь швырнуть на пол, разбить вдребезги, но ничего не было подходящего. Не было и гнева, только мучительная невозможность сделать выбор. Анри был тем, кто зовется «человек чести», он точно знал, что следует делать согласно неписаному кодексу рыцарства, и поступал именно так, как полагалось.

Сейчас впервые живое чувство жизни и властный зов долга разошлись в нем, а привычка слепо повиноваться долгу мешала вырваться из клетки, в которую сам себя загнал.

«Почему нужно снова идти воевать?! Сколько можно войны? На нас никто не нападал, пока не вернулся император. Союзники угрожают только ему. Какое мне до этого дело?.. Но я связал себя с этим человеком, связал чем-то, что сильнее законов. Чем? Да, узами долга. Они священны. Всегда долг! А что такое честь? Почему долг только перед Наполеоном, — а как же Ив, дети, я сам, наконец? Разве нет у человека долга перед собой?!

Но ведь это позор, что хочется просто остаться дома! Как может быть, что Ив и семейный уют важнее чести?! Не слишком ли дорого ценю я свою жизнь?

Де Нель тоже был в Крестовом походе. И он, наверное, тоже устал воевать. Да, но он не воевал 10 лет без передышки. А может, дело просто в том, что де Нель любил Ричарда? А я? Мои предки девятьсот лет служили королям. Они не думали о том, что такое долг. Они знали. Что сказал бы Нель о моих терзаниях? Да он бы просто счел меня трусом.

Нет, я, пожалуй, все еще храбрый человек. Это легко проверить. И даже, думаю, честный. Но какой смысл лгать себе? Я не воин, не великий маршал Ней, от подвигов давно устал и не алчу военной славы. Хлебнул ее досыта. И ведь, в сущности, ничего не изменится, останется ли император или вернется толстый нелепый Людовик. Тем, кто скупал церковные земли, может и не повезти, но у нас ничего нет, кроме полковничьего жалованья. Ив тоже никогда не была богата. С императором не придет ни покой, ни процветанье, хотя ему искренне кажется иначе. Одна нескончаемая война. Правда, там он творит чудеса...»

Переворот 18 брюмера был избавлением. После полной безнадеги Директории, бессмысленных решений, жлобства, тупости и воровства блистательный Первый консул, овеянный славой итальянских побед, правительство из одних талантов (как же быстро они его покидают!), кодекс Наполеона, Маренго и долгожданный мир — что могло быть желанней и лучше! Он пошел служить гражданину Бонапарту со всей душой. Так хотелось поверить в Новый Рим, Царство разума, доблести и чести! А слава ведь была самая настоящая!

Первый консул был античным героем, они все болели Наполеоном. Империю перенесли легко. Пусть Бонапарт будет, кем хочет, если ему так нужно. Тем более, что англичане снова начали войну. И грянул Аустерлиц! Как же было тогда не служить! И кому служить, если не этому великому воину! В кампанию восемьсот первого года был в армии Моро, а в следующую в корпусе Сульта штурмовал Праценские высоты. Кто бы мог подумать тогда, что эти бегущие русские толпы устроят им потом двенадцатый год!

Когда же это кончилось? Наверное, в ту австрийскую кампанию восемьсот девятого. Тогда тоже была победа, только уже не такая. Но дело не в этом. Что-то надломилось. Люди не верили, как раньше. И это не только усталость от бесконечных походов, хоть и она тоже, конечно. Наполеон больше не был прежним. С гвардейцами он еще оставался маленьким капралом, «стригунком», как они его ласково звали, потому что был коротко стрижен. Для всех остальных — непогрешимый и непобедимый Император, памятник собственному величию. И все вокруг изменилось. Слишком много полицейских, фискалов, приказов, врагов. Поражения в Испании. Нет больше ни газет, ни салонов, ни шуток над властью. И никто не верил, что война когда-нибудь кончится.

Когда настал 14-й год, все стало даже проще. Нужно было драться за себя и страну. Армия сражалась, император продолжал побеждать, но

что-то случилось с генералами, с новым имперским дворянством. Измена стала эпидемией, она была повсюду. Предавали маршалы, депутаты, слуги. Верный мамелюк Рустам, спавший под дверью императорской спальни с египетского похода, говорят, просто ушел и не вернулся. Так же поступил маршал Бертье. Сановники хотели наслаждаться богатством и миром. Наполеон им мешал.

Сейчас все иначе. Все дышит Наполеоном. И он безумно торопится — новая конституция, новые назначения, — а люди те же. Оборона у императора всегда одна — нападение. Армия вся, как натянутая струна. Она больше не потерпит измены. Император не принял даже Мюрата. Он, конечно, предатель, но воин, и ему нет равных, когда нужно прорвать вражеское каре. Армия одобрила, а Наполеон, наверное, потому и прогнал зятя, что не хотел ропота своих «ворчунов». С армией они всегда чувствовали друг друга так, как редкий мужчина чувствует любовницу.

Анри продолжал метаться.

Де Нель погиб через несколько лет после Ричарда, сражаясь за Ионна Безземельного, неблагодарное жестокое чудовище, а он был просто вассалом. Не любил его и не уважал, — никто не любил и не уважал Иоанна, — и ничем не был ему лично обязан. Не жизнь, а детская игра в «классики» с клетками из чести и долга.

Блондель не мог помочь своему потомку. Его считали павшим при штурме Шато-Гайара.

Полковник де Труа был, конечно, прав. Не было больше нужды в Империи. Наполеон — титан, создатель нового мира, но сам он в этом мире оказался лишним. Время подвигов прошло, пришло время обычных людей.

Через два дня Анри был неожиданно, без всяких с его стороны просьб переведен тем же чином в гвардию. Этой чести обычно добивались годами. Полковник был польщен и тронут. Нельзя сказать, чтобы сомнения оставили его, но он выступил в поход.

* * *

Блондель с Изабеллой уже четвертый год жили в небольшом замке Горд, подаренном королем Ричардом. Укутанный в облака, он стоял на отвесном уступе кривой рыжей скалы, издалека почти незаметном, и ка-

зался парящим в воздухе. Вокруг красные и жирно-коричневые пальцы скал вминались в густую голубизну неба. Сам замок был сложен из такого же охристого камня, другого не было в округе, и окружен черным сосновым бором, кое-где с неожиданно яркими зелеными пятнами елей и залысинами угловатых камней. Он состоял из крепостной стены с четырьмя башнями и донжоном внутри, построенными и укрепленными по последнему слову военной техники XII века. Единственная тропинка, извиваясь вдоль скалы, вела к замковым воротам. По ней мог шагом проехать один всадник или телега с провизией. Замок был абсолютно неприступен. Небольшой отряд мог обороняться в нем от целой неприятельской армии, и едва ли что-нибудь, кроме голода, было способно принудить защитников сдаться. Вид с замковой площадки открывался торжественный и остраненно инопланетный: повсюду глаз утыкался в кричащую охру, а плотный густой воздух был застенчиво-розового цвета.

Еще удивительней были хозяева замка. Придворная и светская, всегда в шуршащих новомодных платьях, грациозная быстроглазая Изабелла могла с одинаковой легкостью быть звездой большого шумного двора и хозяйкой маленького замка, где все общество состояло из мужа, двух старых друзей-труверов и десятка лучников. Это ее совершенно не тяготило, она с удовольствием играла роль госпожи в своем маленьком мире. Что касается в одночасье поседевшего Блонделя, то после гибели Львиного Сердца он заперся в этом замке и не хотел показываться не только при дворе короля Иоанна, но и при веселом когда-то дворе вдовствующей королевы и Аквитанской герцогини Алиеноры. Правда теперь этот двор погрузился в несвойственный ему траур, поговаривали даже, что королева собирается провести остаток дней в монастыре. Это казалось невероятным всем, кто хоть чуть-чуть знал Алиенору, но было правдой. И дело вовсе не в том, что ей уже 78. После смерти любимого сына королева потеряла всякую волю к жизни.

В карете, меняя лошадей, где только удавалось, бывшая амазонка, проскакавшая когда-то с голой грудью пол-Палестины, домчалась до Лиможа. Король умер у нее на руках. Она вернулась к себе в Пуатье и больше ничего уже не хотела. Жизнь еще длилась, но вся была в прошлом.

Алиенора и в старости оставалась красавицей, лицо ее не увяло, а колдовского озорного шарма стало еще больше. Когда-то смех юной королевы рассыпался по всему дворцу мелкими колокольчиками, зарази-

тельный настолько, что начинали хохотать все вокруг, включая слуг и стражу. Теперь — тонкая всепонимающая улыбка из одних уголков губ, лучистый взгляд бездонных синих глаз, обволакивающий пленительный голос. Природная властность и приобретенная с годами привычка повелевать только усиливали магнетическое обаяние. Казалось, возраст не имеет к ней отношения.

Она побывала королевой Франции и Англии, пережила двух мужей-королей и двух сыновей-королей, теперь настало время третьего, единственного из ее детей, кого она не хотела бы видеть королем никогда. Иоанн не был воином, ему не досталось ни разума, ни доблести, которых с избытком было у Ричарда, но, что еще хуже, он был при этом хитрым, бессмысленно-жестоким и совершенно бесчестным. Алиенора видела все это очень ясно и слишком хорошо понимала, к каким последствиям могут привести столь восхитительные качества, если их не контролирует ум. Мать дрожала за сына, а многоопытная правительница чувствовала, что он погубит их славную Анжуйскую империю. То, что с легкостью могли нести Генрих, Ричард или она сама, непосильно для Иоанна. Больше всех на свете она любила Ричарда, наверное потому, что узнавала в нем себя, только в мужском обличии. Господь судил ей его хоронить, его пережить, она не возроптала, хоть это и выше человеческих сил, но видеть на троне Иоанна после такого короля! В своей маленькой келье она как последней милости молила Его скорее прислать за ней смерть, чтобы хоть не застать крушение того, на что ушла ее жизнь.

* * *

Блондель вырос при Пуатинском дворе, самом блестящем в тогдашней Европе. Нигде не было таких настоящих дам, рыцарей, знаменитых ученостью, а не одной только храбростью, и удивительного созвездия трубадуров. Турниры, состязания поэтов и музыкантов, теологические диспуты и всамделишные войны составляли жизнь этого двора, и все сколько-нибудь заметное в тогдашнем христианском мире стремилось попасть туда. Там Блондель познакомился с юным Ричардом.

Когда в замковую залу неудержимо стремительной властной походкой вошел огромный, перепоисанный мечом человек лет двадцати, нетерпеливыми движениями плеч на ходу сбрасывая плащ, Блондель не сомневался, что это и есть аквитанский герцог. Плащ мчались подхва-

тить на лету двое слуг, но он не обратил на это внимания. Зато заметил Блонделя. Поскольку арфа у ног не оставляла сомнения в занятых молодого человека, герцог сразу обратился к нему:

— Как тебя зовут?

— Блондель.

— Ты приехал с де Борном?

— Да.

Ричард поморщился:

— Слишком своеволен твой Борн. Но он друг мне. Сколько тебе лет?

— Восемнадцать.

— Мечом владеешь или только арфой?

— Я был при осаде Лиможа и Экса. Спросите у де Борна, как я себя вел, да хоть у короля, Вашего отца, он посвятил меня в рыцари, — Блондель поклонился и тут же выпрямился, с юношеским вызовом глянув герцогу в глаза.

Ричард ответил веселым смехом. Он был влюблен в войну.

— Ну вот и славно, что приехал. Сегодня вечером покажешь мне свое искусство. Я тоже спою что-нибудь.

Пели они вечер и ночь напролет и следующий вечер и следующую ночь. Дружба началась внезапно и захватила обоих без остатка, как бывает только в юности. Ричард поселил Блонделя рядом со своими покоями. Новые друзья без конца разговаривали, пили вино и очень быстро стали сочинять вместе. Блондель подбирал мелодию, Ричард набрасывал слова, Блондель добавлял что-то свое, и сирвента рождалась на глазах:

Повсюду мир — а все ж со мною

Еще немножечко войны.

Тот да ослепнет, чьей виною

Мы будем с ней разлучены!*

Ричард Львиное Сердце был, наверное, идеальным рыцарем. Он обладал высшими доблестями рыцаря, всеми добродетелями рыцаря и всеми недостатками рыцаря. Голубоглазый блондин почти двухме-

* Сирвента Бертрана де Борна, перевод К.Иванова, см. историко-искусствоведческий веб-портал «Монсальват»: monsalvatworld.narod.ru.

тровою роста в век коренастых кряжистых людей, способный кулаком свалить быка и усмирить готовых к мятежу баронов, галантный на балу и свирепый в сражении, один из знаменитых трубадуров эпохи, он был не просто рожден на троне, но и создан для трона. Хотя король любил войну куда больше, чем дела правления. И она вполне отвечала взаимностью. В борьбе с отцом и братьями он приобрел боевой опыт, так что трон не достался даром. Но в полную силу военный талант раскрылся в Крестовом походе. Каждый раз выходя из боя осыпанный стрелами, как еж, Ричард не проиграл ни одного сражения. В тот век не было равного ему полководца. Короля любили за великодушные и отвагу и служили как никому другому. Однако от зависти и подлости не застрахован никто.

После Крестового похода Ричарда захватил в плен Австрийский герцог. Долго никто не знал, где он. Почти два года Блондель бродил в поисках друга по всей Германии. И неизвестно, что бы вышло, если бы не сирвента. Пленный король пел на стене Дюрренштейнского замка:

*Повсюду мир — а все ж со мною
Еще немножечко войны.
Тот да ослепнет, чьей виною
Мы будем с ней разлучены!*

*Их мир — не для меня,
С войной в союзе я,
Ей верю потому,
А больше — ничему.*

Это была их сирвента, и, конечно, Блондель узнал голос Ричарда, а потом увидел его самого. Когда де Нель вернулся в Аквитанию с письмом от короля, Алиенора отправилась к императору. Она снова была той самой королевой, которая скакала верхом по пустыням Святой земли и держала баронов Аквитании и Англии в восхищении и страхе. Ричард вернулся — и оказался хорошим королем. Всего за четыре года Англия стала еще могущественней, чем при Генрихе. А сколько бы он мог успеть, если бы не злополучный арбалетный болт при осаде Шалю-Шаброля.

Надрывный рев гарольда слышен был во всей округе. Мост опустили. Королевский посланник въехал в замок.

— Вам надлежит в течение недели прибыть под стены Шато-Гайара, который Его величеству угодно было осадить три дня назад, — скучным надменным голосом объявил королевский посол.

Блондель не помнил, чтобы с ним так говорили. Правда, после смерти своего короля он редко выезжал из замка. Не был и на коронации Иоанна, отговорившись болезнью. И тот, видимо, сомневался в верности друга своего брата. Оттого посланцу и было сказано говорить таким тоном, словно де Нель уже чем-то провинился перед ним. Разодетый в пышные перья и позолоченные латы спесивый юнец раздражал Блонделя. В его время так не одевались и себя не вели, даже если было приказано. Он уже был наслышан о первых подвигах нового короля, как тот перерезал горло пятнадцатилетнему племяннику — сыну погибшего брата Джеффри, силой увез невесту у Лузиньяка, верного до тех пор вассала короны, — и не потому, что влюбился, а оттого, что захотел ее приданое. И ехать никуда не собирался.

Де Нель был хотя и пониже покойного короля, но на голову выше Иоаннова посланца и с удовольствием смотрел на него сверху вниз. Он был в свои сорок грозным воином, сильным и гибким, как хищный зверь. В серых, с длинными ресницами, внезапно темневших его глазах сейчас читалась откровенная угроза. Небольшие холеные руки, привыкшие перебирать струны и ласкать нежную женскую кожу, отлично умели обращаться с мечом. Но ему не за что и незачем было воевать.

— Передай королю Иоанну, — сказал Блондель, медленно произнося слова, так что каждое из них звучало отдельно и долго еще звенело, как монета, отскакивая от пола и стен большой замковой залы, — что я верно служил королю Генриху, его отцу, он был славным королем и посвятил меня в рыцари; я служил Ричарду Львиное Сердце, который удостоил меня своей дружбой, он стал бы великим королем, если бы не случайная смерть. Однако никогда не было на свете рыцаря благороднее, даже своего несчастного убийцу король велел отпустить. Но Иоанну, уже запятнавшему себя злодеяниями, я не приносил оммажа и служить не стану.

— Понимаешь ли ты, что говоришь, рыцарь?! — воскликнул посланник. — Ты вассал и должен служить сюзерену, несмотря ни на что. Не твое дело судить королей. Твой двоюродный брат Гийом де Нель уже стоит под Шато-Гайаром со своим отрядом, и другие французские рыца-

ри тоже. Король расправится с врагами, придет сюда и срет твой замок! Опомнись и вспомни свой долг!

— Я все сказал тебе. Брат мой волен поступать по своей воле, а я по своей. Я не боюсь Иоанна. Ты видел этот замок. Как думаешь, скоро ли королевские войска возьмут его штурмом? Запасов продовольствия у меня на полгода, и я могу их еще увеличить. За это время не одна Нормандия, а Пуату, Прованс, Овернь и Лимузен загорятся войной против вас. Да и английские бароны долго ли будут верны Иоанну?! Не уверен. Теперь ступай и не трать лишних слов. В моем замке нет для тебя ни еды, ни ночлега.

Шато-Гайяр так и не был взят войсками Иоанна. Гийом де Нель погиб при штурме крепости, но поскольку путаница при описании битв и других важных событий неизбежна, в хронике похода было записано, что погиб Блондель. Король Иоанн вскоре потерял большую часть французских владений, оставленных ему предками, и английские бароны отказались последовать за ним на континент, чтобы вернуть их. Зато заставили короля подписать Великую хартию вольностей, но это совсем другая история. Вскоре король умер, и по мнению многих, это было лучшее, что он сделал для страны. Ни английские, ни французские короли больше никогда не называли своих детей Иоаннами.

* * *

Битва при Ватерлоо не начиналась долго, до полудня. Словно шла какая-то возня, суэта в канцелярии вечности, что-то решалось, согласовывалось, пересылались с этажа на этаж бумаги, сновали озабоченные клерки, в папки подшивались последние листки. А сам Сценарист все еще размышлял, стоит ли вмешиваться в постановку великой драмы.

Полк Анри стоял в резерве. Мрачные, недовольные бездействием гвардейцы видели первую атаку французской пехоты на Угумон и контратаку британских кирасир, мимо них проскакали бригады Фарине и Тревера, которые Наполеон бросил на англичан.

Время тянулось невыносимо, изматываяюще медленно. Анри стоял в группе генералов, Лефевр-Денуэтт показывал куда-то за холм — там видна была колонна в темных мундирах, только никак не получалось разглядеть, были они черные — прусские, или фран-

цузские — синие. Но она еще далеко. В любом случае пара часов у императора есть.

И вот он — миг. Сигнал к атаке. Впереди Ней с перекошенным лицом. Потом он уходит куда-то вбок, его сменяет Мийо. Анри вел свой полк. Они шли медленной рысью, словно не было английской батареи. Обернулся к своим, искры засверкали в серых глазах, его уже захватила придурковатая лихость атаки: «Выше головы, картечь — не дерьмо!» Слева на рыжей лошади скачет полковой адъютант Жерар, добродушный хвостун, он чем-то напоминает ему Бертрана, сзади на серой пожилой ветеран — майор гвардии, кажется, все повидавший на своем веку. Вечером они разговорились об Испании — Анри там не был, а гвардеец не был в России. Он угрюмо вспоминал про Сьерра-Леоне, Анри молча слушал. Пожалуй, одно другого стоило. Но сейчас там, за английскими каре, была победа! Уже галопом они взлетели на холм, готовые обрушиться на англичан всей накопленной яростью, — это был пик атаки. Виват император!

Вдруг на полном скаку лошадь Анри сорвалась в овраг — перед сражением его не заметили. Он стал могилой не только полка Анри, а всей бригады. Эскадрон за эскадроном, овраг наполнялся телами людей и лошадей, пока оставшиеся не перешли его по трупам. Они доскакали до английских каре и были встречены пушечным и ружейным огнем. Мощь атаки иссякла в овраге. Эскадроны потеснили врага, но не прорвали каре. И вторая атака захлебнулась, как первая.

Анри не видел этого. Он только видел, как огромное серое лошадиное брюхо, заканчивающееся гвардейским майором, рушится на него, почувствовал резкую боль и уже отстраненно заметил, как неестественно выгибается собственное тело. Какое-то время он видел вокруг темноту, пока кровь не хлынула изо рта. Дети, Ив, император — ничего этого он не вспомнил. Оторванная нога Бертрана медленно проплывала перед глазами. Потом ничего не было.

МОЙ НАПОЛЕОН

(записки)

Наполеон вышел в поисках справедливости, а нашел могущество
И. В. Гете

Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...
А. С. Пушкин

Правил тиран, но произвола было мало
Стендаль

1

Прямо никто не говорил, но все знали, что любить его нельзя. У взрослых не спросишь, почему. Вернее, спросить-то можно, но ответят такое, что лучше не спрашивать. И окажется, что сам глупый, а не они. Поэтому все послушные дети и так понимали, что он плохой. На всякий случай. Армию в Египте забыл, старушку зарубил топором. Раскольников зарубил? Да какая разница. И ведь не сам же Родион до такого додумался? Куда ему, вечному студенту. Ясно, что без этого страшного в треуголке не обошлось. И в романе написано. Только как можно забыть целую армию? Вот бы кто объяснил. А то забыл и забыл — будто кошелку в магазине. С продуктами там или с водкой. Хотя нет, с водкой наш человек не забудет, разбить может, не донести, но не забыть. Но он-то не наш. Может, за подмогой поехал? Хорошо бы у него самого спросить. Столицу нашу сжег. С самого детства слышишь — Москва, спаленная пожаром. А кто еще мог ее спалить? Правильно. И зачем он вообще в Россию полез?! Кто к нам с мечом придет, мы того век не забудем. Не забудем, не простим.

Вот только все равно нравился. Мальчишкам нужны герои. Они сразу понимают, кто герой, а кто так, нарисованный. Но и герой должен быть, чтобы дух захватывало. Не одноразовый. На амбразуру бросился или в танке сгорел — герой, конечно, хотя такого надолго не хватит. А вот куда деться от слов Маренго, Аустерлиц, Бородино, поступи Старой гвардии и медленной смерти на Святой Елене? От серого плаща с треуголкой и ослепительной славы? Только раз прочтешь «На острове том есть могила, а в ней император зарыт...» — и всё, пропал. Ведь начинается всегда со стихов. И слова вроде самые простые:

*Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок...**

Никто этого императора не хвалит и толком не знаешь, что он там сделал, а влюбляешься сразу, с первой строчки, и стихи уже навсегда с тобой. Вроде влюбляешься в стихи, а в то же время в него, в серый плащ, в треуголку. Только когда жизнь начнет клониться к закату и станешь придирчиво отбирать нужное среди скопившегося наносного хлама, поймешь, что всю ее прожил с этими стихами и с их героем. Но в пятнадцать лет просто хочется как-то поцарапать Земной шар. А уж лучше него в этом никто не знал толк.

Потому что он весь загадка и слава. И похоже, нет на свете славы надежней. Двух слов не скажут, а сразу машинально добавляют «великий». Великий полководец, великий завоеватель. Как в фольклоре — молодец добрый, а девица красна. Конечно, с одной стороны, завоеватели — так себе люди, а с другой, очень хочется что-нибудь завоевать. Пусть не страну — хотя бы уважение. Зато открыватели вроде хорошие. Только если вдруг откроешь где-нибудь новую землю, ведь придется ее тут же завоевывать. Иначе открытие не засчитают. Получается, одного без другого не бывает? Спросить бы кого. А он никого не спрашивал, просто делал что хотел, — по своей воле, и это в нем завораживает больше всего. Еще велел убрать слово «невозможно» из французских словарей. По своей воле водил полки, крушил тысячелетние империи, перекраивал страны, писал законы. До сих пор ненавидят и ругают, восхищаются и боготворят. И помнят, потому что не могут забыть. Потому что такого больше нет.

* Воздушный корабль (из Зейдлица). М.Ю.Лермонтов, Собрание сочинений в 4-х томах, Издательство Пушкинского Дома, Санкт-Петербург, 2014, с. 314

Он был самым поразительным из всех героев — никем не придуманный, но настолько невероятный, что выдумать такую судьбу никому не под силу. «Какой роман моя жизнь!» — говорил Наполеон. Вечером на пустой кухне, сбежав от взрослых, я погружался в этот роман — строил полки, водил в атаку, отдавал приказы, стоял как он, на высотах Аустерлица и на Поклонной горе. Я был не только Наполеоном, а всеми — Ланном, Неем, целым батальоном гренадеров, царем Александром, любим, кто вдруг возникал в воображении, которое было тогда неистовым как атака польских гусар под Сомосьеррой. Об этих играх никто не знал — они были моей маленькой тайной.

Но интересней всего оказались даже не игры, а его мысли и разговоры. Гипнотизировали отдельные фразы, доходившие до меня в обложках чужих случайных текстов. Два афоризма обнаружились, например, в собрании сочинений В.И. Ленина. Первый, сбывшееся пророчество «Пушка убила феодализм, чернила убьют следующий общественный строй», он законспектировал со ссылкой на источник, а второй присвоил. Так что я уважал Ленина за бессмертную фразу «надо ввязаться — там будет видно», пока не узнал автора. Что бы этот автор ни писал, поражает поэтическая точность формулировок. Кажется, он бережет слова как хороший командир солдат в бою, поэтому использует только самые необходимые.

У Наполеона была возможность осмыслить свою жизнь. Он ее не упустил, хотя в отличие от юноши-ботаника, сочинившего к двадцати шести годам роман, бывший властелин мира в сорок шесть сам писать уже не хотел — больше диктовал. Стоит чуть-чуть настроить ухо, как сразу слышу их беседы с Лас-Казом во время диктовки — кое-что записал тут вперемешку с собственными мыслями. В этих разговорах то, что не вошло в мемуары, — неприглаженная откровенность. А мемуары, которых, как выяснилось, все только и ждали, стали самой знаменитой книгой XIX-го века. Лас-Каз, незаметный во время Империи и почти неизвестный Наполеону до изгнания, нужен был именно для этой роли. Не громогласные сорвиголовы-генералы, а скромный книжный человек с огромными глазами, за которыми не видно лица, стал полномочным послом воинственного Наполеона в нашей Ойкумене.

2

Лас-Каз поклонился: «Сир, мы будем сегодня учить английский язык?» — Давайте попробуем, Лас-Каз. Хотя зачем? Оссиана мы все когда-то прочли в переводе, а что говорит губернатор, мне совершен-

но все равно. Когда я слышу этот язык, кажется, что говорят на сильно испорченном французском.

— Однако у них есть Шекспир, Сир, неплох и кое-кто из современных поэтов. Все они пишут или будут писать о Вас.

— Вот что мне совершенно неинтересно, так это читать о себе. Шекспир, гм. Стоит ли из-за одного старого Барда учить их исковерканный язык?

— Как насчет того, что нужно знать язык врага, Сир?

— У нас больше нет врагов, Лас-Каз, только тюремщики.

— Разве тюремщики друзья?

— Нет, но в имени врага слишком много чести для маленького губернатора Лоу. А вот, кстати, и он. Закройте ставни, мы не намерены его принимать ни сегодня, ни завтра, ни когда-либо еще.

— Если Вы хотите заниматься английским, Сир, то сегодня у нас глаголы. В этом языке очень простая система времен и совсем немного исключений.

— Нет-нет, дорогой Лас-Каз. Я передумал. Языки мне не даются. У меня нет к ним способностей. Давайте поговорим об истории.

— Тогда могу я задать Вашему величеству несколько вопросов о Вашем царствовании, которые, может быть, заинтересуют потомков даже больше, чем нас, современников?

— Спрашивайте, спрашивайте. — Наполеон был в добром и несколько размягченном состоянии духа. Не было ни шпаги, ни плаща, ни треуголки — или двууголки, черт ее разберет. Император сидел в потертом мундире полковника конных егерей и кутался в старый плед — в построенном на скорую руку доме дуло из всех щелей. — Уж потомки-то сунут нос везде, не думаю, что найдется мелочь, которую бы они обошли вниманием.

— Тогда, Сир, расскажите про Египетскую кампанию. Только давайте начнем с конца. Ваш внезапный отъезд породил лавину слухов, предположений и сплетен. Вы, правда, ехали завоевывать Францию?

— Ну да, можно и так сказать. Если убрать всю шумиху, египетская кампания была окончена. Я завоевал страну, устроил там образцовую колонию, в армии был отличный командующий. Кто мог знать, что Клебера убьют и все развалится?

— А что было с пленными в Акре? Эти три тысячи человек, о которых так много писали англичане.

— Я не брал их в плен и тем более не давал никаких гарантий. Инициатива принадлежала моим адъютантам. Но офицеры ничего не значат, когда не

имеют полномочий. Судьбу пленных решал военный совет. Кормить их было нечем, а если бы их отпустили, то уже завтра они бы воевали против нас. Мамелюки не европейцы, которых отпускали под честное слово больше не участвовать в кампании. Мы пробовали, но на Востоке нет слова. — Наполеон усмехнулся. — Англичане еще писали, что я приказал отравить солдат, больных чумой. Признаюсь, я предпочел бы покончить собой, чем попасть в пыточную к варварам. Но у нас все равно не было морфия, да и врачи никогда бы не согласились. Так что их газеты врал.

— Вы говорили, что собирались отправиться в Индию на манер Александра.

— Индия бессмысленна без Франции. Сначала нужно было прекратить анархию и создать французское государство. Мне больше нечего было делать в Египте. Управлять им мог любой дельный администратор, отбиваться от мамелюков — любой способный генерал. Клебер был тем и другим.

— Т.е. Вы уехали потому, что Египет был завоеван, а Франция нуждалась в Вас. Вы уже тогда понимали, кем станете?

— И да и нет. Франции нужен был диктатор, но я понятия не имел, что будет дальше. Не пишите этого, Лас-Каз. После побед при Маренго и Гогенлиндене Австрия была выбита из войны и Англии ничего не оставалось, как заключить мир. Амьенский договор был хорош для всех. Все, что я собирался сделать, — обуздать анархию и дать Франции то, что должна была дать Революция, но не дала. Однако меня снова заставили воевать. Мысль объединить Европу возникла гораздо позже. Генерал Бонапарт образца 1799-го года был неисправимым мечтателем.

— А Империя — тоже романтика?

— Конечно. Она пришла напрямиком из Рима вместе с римским правом и доблестью. Честь, которую мы воспитали во французской нации, — это римская добродетель, а орден Почетного Легиона — квинтэссенция римского духа. Из людей, после десятилетия Революции переставших различать добро и зло, мы создали общество, достойное Цезаря.

— Но ведь Рим долгое время был республикой, Сир.

— Римская империя выросла из республики так же, как и французская. Цезарю ничего не оставалось, кроме как стать диктатором, чтобы спасти погибающую страну, Август вместо неустойчивой диктатуры учредил регулярную монархию. То же было и у нас, только мы прошли этот путь быстрее. Мне пришлось сперва стать Цезарем, потом Октавианом. Но Вы сами все видели, Лас-Каз.

3

Чем была для Наполеона честь? Военным кодексом поведения, римской доблестью, гражданской добродетелью? Наверное, всем сразу. Но больше всего совестью и достоинством. Вокруг нее строилась личность.

Вот маленький Наполеон в Бриеннской школе. Разъяренный учитель спрашивает: «Да кто вы такой, что обсуждаете приказы вместо того, чтобы слепо повиноваться?»

— Я — человек.

Наполеоновская армия, наверное, единственная в мире, где разумная инициатива ценилась выше субординации и подчинения, не говоря о бездумном исполнении приказов. Его интересовала только победа.

Но и на Святой Елене император мог бы повторить слова десятилетнего ученика кадетской школы. В борьбе с губернатором Лоу он вел себя точно так же — честь превыше всего.

Для Наполеона-правителя честь — еще и средство возродить мораль в развращенном и униженном обществе, обезумевшем от крови, коррупции и нищеты. Что делают с людьми годы революции, лучше всего знают те, кто в революционном или послереволюционном обществе жил. Его обращение к суровым римским добродетелям и к военной чести как общественному идеалу кажется слишком романтическим и отдает манипуляцией, но ведь сработало. Общество Империи было не в пример человечней и честнее революционного. Доносы, воровство, предательство перестали быть нормой жизни. Их место прочно заняли уважение к закону и к заслугам. Что до манипуляций, то имен политиков, которые к ним никогда не прибегали, мы не знаем. Не потому, что таких нет, а потому, что они ничего не совершили. Наполеону удалась еще одна невероятная вещь — возвращение большей части эмигрантов и примирение вчерашних врагов. Многие стали товарищами по оружию, другие просто согражданами. К сожалению, ничего подобного ни в советском, ни в постсоветском обществе не произошло. Ложь никуда не делась, а неразличение добра и зла, чести и бесчестия стали своего рода основой общественной жизни.

Странные сопоставления возникают иногда в голове.

Перед демонстрацией ко мне вдруг подошел комсомольский секретарь.

— Вот транспарант, — сказал секретарь, важно выговорив это слово. Развернешь его ближе к трибунам, чтобы ткань не попортилась. Я тебе сейчас еще кого-нибудь приведу. Но отвечаешь за него ты, учти.

— С флагом не хожу, — сказал я, пожав плечами.

— Что? — спросил секретарь.

— Ну не хожу я с флагом. Смотри, сколько людей вокруг ходят с флагом, а я не хожу, — объяснил, как бы оправдываясь и убирая руки за спину.

— Что? — повторил секретарь. Он не знал, как на это реагировать. Вокруг собиралась небольшая толпа. Сквозь толпу к секретарю подошел Борис — красавец, отличник и плейбой.

— Чего пристал к человеку? Он же сказал, что с флагом не ходит.

— Что? — снова спросил секретарь. И тут же вышел из положения. — Тогда ты неси.

— Гы, — сказал Борис и внимательно посмотрел на секретаря. Он был выше на голову, но секретарь шире в плечах. — А в рыло? — спросил Боря ласково.

Тут уже секретарь посмотрел на Бориса и сразу понял, что получить в рыло не проблема, проблема как раз не получить. Транспарант — дело, конечно, важное, но рыло-то свое, не казенное, его жалко. Секретарь колебался и в задумчивости выпустил транспарант. Тот упал.

Генерал Бонапарт ходил с флагом, скорее даже со знаменем. Под его знамена собирались сотни тысяч. И он их вел к победам, которые восхищали и ужасали тогдашний мир. Представить Наполеона среди тоскливой советской пошлости примерно так же легко, как седло на корове или Вандомскую колонну на колхозном поле. Поэтому то, что писали о нем советские авторы, по большей части не имеет смысла — он был сделан из неведомого им инопланетного материала, их изумление, праведный гнев, ругань относятся к какому-то другому, придуманному персонажу.

Честь нынче вывернулась наизнанку, но от этого ничуть не изменилась. Она не параграф в военном уставе, не римская доблесть, а просто совесть и достоинство. Но для возрождения общества уже не подходит — все слишком запущено.

Мне сказали, что на транспаранте было написано «Слава КПСС!». Мстислав Растропович, говорят, когда бывал в духе, гордо рассказывал по Москве и кивал одобрительно: — Хорошо, везде пишут «Слава, Слава». Приятно. Жаль только, фамилию путают.

Потом исключали из комсомола Катю — маленькую, серьезную, в коричневом платье с большими карманами. Она уезжала с родителями в Израиль. Перед собранием я подошел к секретарю

и осторожно спросил: «Мы ведь живем по уставу?» «Конечно», — уверенно ответил тот.

«Тогда найди мне, где тут написано, что мы должны исключить человека из комсомола за то, что он переезжает в другую страну», — сказал я, протягивая ему маленькую красную книжечку, на которой белыми буквами значилось — «Устав ВЛКСМ». Секретарь книжечку брать не стал. Из разных углов комнаты на него начали с интересом оглядываться. Секретарь как бык помотал башкой и вдруг молодой газелью вылетел из комнаты под несмелые еще смешки. Минут через десять в комнату, по-медвежьи переваливаясь, входил секретарь парткома, а наш комсомольский вожак, искательно забегая вперед и услужливо извиваясь немаленьким телом, открывал перед ним дверь. За Катинo исключение проголосовали все, кроме меня.

Антисоветчина становилась все махровее, раскаянием не пахло, так что на последнем году учебы из коммунистического союза молодежи решили изгнать и вашего покорного слугу. Секретарь, уже с приличным брюшком ответработника, отечески журил: «Не по-комсомольски ты мыслишь, не по-нашему. Вот у меня мирово-зззрение», — слово было трудное и он осилил его с третьего раза, «советское, коммунистическое. Прикажет мне партия нести транспарант — понесу, прикажет в персональном деле разобраться, разберусь, понима-ишь, принципиально, по-партийному. И у меня ни одного взыскания, а у тебя выговор, потом с занесением, еще выговор, а сегодня вообще стоит вопрос об исключении. Не по-нашему ты мыслишь. Гнилые у тебя какие-то мыслишки-то, антисоветские». Последнее слово было ключевым, оно подводило итог и подразумевало немедленную расправу.

Комитет комсомола, видимо, в целях повышения культурного уровня актива, был украшен изречениями знаменитых философов, правда, авторов не указывали. То ли после курса молодого бойца имена классиков вместе с цитатами и так должны были отскакивать от зубов, то ли в комсомольской среде авторство как таковое считалось нескромным и даже вредным для неокрепших душ молодых строителей коммунизма. Я сидел как раз под безымянным высказыванием «Образ мысли неподсуден».

Наверное, мне полагалось испуганно умолять и каяться. Ребята из кожи вон лезли, чтоб их принимали всерьез, в июльский день сидели в добротных костюмах с комсомольскими значками, на одинаковых

фанерных мордах с узкими прорезями для глаз выражение строгости. В общем, косили под больших. Вместо этого я только кивнул головой на лозунг — вожак, однако, и глазом не моргнул, и ухом не повел.

И тут меня начало трясти, но не от страха — от ярости. Это упоительное чувство, только никак нельзя было дать ему волю, потому что первым делом я бы заехал в свежее, как попа младенца, секретарское рыло, потом перевернул бы стол, за которым сидели заслуженные комсомольцы, обрушил бы со стены книжную полку — надеялся, что на кого-нибудь она бы упала, и длинным карнизом, сиротливо прислоненным к стене, ведь шторы вешать — не царское дело, стал бы гонять комитетчиков по комнате. Как было бы славно! Но что-то во мне не одобряло буйства.

Литературные герои подобны перевязи Портоса — с одной стороны живые, зато со всех остальных поди знай — ведь про них известно только то, что написано. Поэтому я не слишком их жаловал. А тут реальный человек и по всему — герой. «Для чести французской нации нет ничего важнее чести французской пехоты» — так он напутствовал солдат перед аустерлицким сражением. «Спасайте только честь», — говорил Лористону, отправляя его на переговоры с Александром.

И этот помешанный на чести подсказал, как себя вести. Я вдруг оказался далеко от стола с салтыковскими рожами, от комнаты, где меня судили, а когда вернулся, чувствовал только брезгливое презрение. Скорее всего, именно так смотрел Наполеон на Фуше, Талейрана или губернатора Лоу. Не вступая в дискуссию, просто вытащил из кармана комсомольский билет, кистью левой руки, как камешек по волнам, запустил его вдоль длинного дубового стола и молча вышел из комнаты.

4

Узкая, прижавшаяся к горе тропинка, в темноте была еле заметна. Солдаты двигались осторожно по двое, стараясь не приближаться к обрыву. Наполеон шел, опираясь на длинный ружейный ствол как на палку. Неутомимый Рапп декламировал Корнеля:

*«Вот так со смертными судьба порой играет:
То вознесет их вверх, то в пропасть низвергает.»*

*И так устроен мир, что в счастье иногда
Уже заключена великая беда*.»*

— Очень может быть, что он прав, — пробормотал император про себя. Как любой мистик, Наполеон ценил пророчества, но вслух сказал: — Если бы Корнель жил в наше время, я дал бы ему княжеский титул.

Вдруг они услышали сзади разговор двух солдат:

— А вот слабо тебе сейчас вскинуть ружье? Видишь его спину — тут не промахнешься, и все наши мучения разом закончатся. Кто стрелял, не дознаются, — темень хоть глаз выколи.

Второй в ответ промычал что-то одобрительное.

Наполеон с силой сжал руку адъютанта:

— Не оборачивайся.

— Почему, сир?

— Если обернешься, запомнишь их и потом накажешь.

— Сир, а Вы не боитесь, что он правда выстрелит?

— Да нет, конечно, они просто устали, вот и несут невесть что.

После перехода в тридцать миль все и так валяется с ног, а солдаты еще идут с полной выкладкой.

В своем кухонном театре я с удовольствием разыгрывал эту сценку. Она казалась диалогом из какой-то забытой пьесы, хотя была чистой правдой, — генералы Рапп и Коленкур, оба писавшие о том переходе в горах Гвадаррамы, способны были возглавить самую отчаянную атаку, но не способны на вымысел.

Кто скажет, чего тут больше — знания людей, смелости или великодушия? Или ни того, ни другого, ни третьего — он просто пришел сделать мир лучше, а мир не узнал его, как и того, первого, встретил войной и вдребезги разбил его корону? Не то, все уже было, — и про мессию и про корону. Но кто же он и в чем его величие — в ужасах войны или в стремлении вершить добро**? Сколько людей за прошедшие два с половиной века задавали себе и другим этот вопрос?! И давали противоположные ответы.

* Пьер Корнель. Иллюзия, перевод М. Кудинова, Пьер Корнель, Пьесы. М., Московский рабочий, 1984.

** Тут не оговорка — он не служил добру, а именно вершил.

Критики тут же возразят — а кто же, как не он, и начал испанскую бойню? И вообще какое может быть великодушие среди всеобщего озверения народной войны? Ведь народ сам восстал против французов. Не станем сейчас разбираться, что такое народ, оставим священных коров в покое до другого раза. Наверное, и это верно, только по-моему, великодушие и милосердие существуют везде. И в буквальном и в переносном смысле у них нет границ. В том и ценность морали, что она важнее взглядов и даже действий. Взгляды человек может изменить, сделанное иногда можно исправить, а вот подлец всегда останется подлецом.

Что до войны — да, воевал, война его и вознесла и погубила, подозреваю, что остановиться было невозможно, и это, наверное, самая серьезная ошибка. Но не преступление, как сказали бы сейчас. И дело даже не в том, что Наполеон, хотя войны не боялся, не начал ни одной, кроме злополучной испанской. О русской речь впереди. Дело в том, как люди того века относились к войне. От добрейшего, как говорили сослуживцы, генерала Кульнева потомству осталась такая фраза: «Матушка Россия тем хороша, что хоть в одном углу ее да дерутся». Не меньше четырех тысяч лет война была самым прославляемым из человеческих институтов. На самом деле, конечно, больше, но у нас мало письменных источников. Военная доблесть возводилась в ранг добродетели. Молодежь из высших сословий учили в основном тому, что могло пригодиться в сражении, потому что настоящей жизнью была война. Наполеоновская эпопея пришлось как раз на смену эпох — новый жизненный уклад еще не успел вытеснить старый, а краеугольное для дворянской морали понятие чести пока не подвергалось сомнению никакими умниками. В то время война считалась славным делом, была привычным способом решения проблем и почти единственным достойным занятием для мужчины — и самые блестящие люди и те, кто похуже, носили военный мундир. Однако эпоха, которую армии Наполеона несли на штыках, изменила отношение к войне — из любимой игрушки человечества она стала проклятием. Хотя воевать не перестали. А потомство, как водится, принялось порицать императора за собственные грехи.

В какой-то миг я понял, что он весь — миф, легенда. В его жизни не осталось ничего, что давно не стало бы частью мифа, черного или золотого. Кажется, что в мире одновременно действовал десяток императоров, гениальных и откровенно глупых, великодушных

и жестоких, добрых и злых — тут есть работа для историка, но романисту делать уже нечего.

К Наполеону не подойдешь просто так, не похлопаешь по плечу. Даже голый в ванне он окутан магнетическим ореолом величия. Непонятно, мог ли такой человек вообще существовать, а если все-таки существовал, то каким был, как себя вел? Темпераментный, страстный, обычно откровенный даже с дипломатами — ложь ему претила, привыкший не командовать — повелевать, видимо, в жизни он был резче, грубее, но и благороднее, чем в большинстве мемуаров. Императора рано стали донимать хвори и боли. Солдаты слышали, что из его шатра доносилась мучительная брань всякий раз, когда Наполеон мочился. Мюрат рассказывал, как перед Бородинским сражением повелитель Европы прижимался животом к пушечному лафету, корчась в судорогах. Лафет был холодный и твердый — это немного облегчало страдания.

Мандельштам в «Четвертой прозе вспоминает есенинскую строчку «Не расстреливал несчастных по темницам». Нет заслуги важнее. Особенно, когда начнешь перебирать властителей и поймешь, как мало среди них таких, кто совсем не был склонен к палачеству. Наполеон не остановил террор, тот затих раньше, зато сделал его невозможным, во всяком случае, пока оставался у власти.

Наверное, главное в нем — милосердие. Правда, если необходимость диктовала иное, практичность правителя и полководца могла взять верх над порывами души. Но после битвы не было ни своих, ни врагов — французские врачи одинаково лечили всех. Какой все же контраст и со свирепыми предками, протыкавшими пленников штыками, положив по несколько в ряд как дрова, и с озверевшими потомками — изобретателями концлагерей. Не говоря о современных дикарях-изуверах, снимающих собственные преступления — пытки, изнасилования, убийства, на новейшие нательные камеры прямо в процессе совершения. Хотя в бою, не колеблясь, тысячами посылал людей на смерть — о цене победы судят потом, в сражении же единственная задача — вырвать ее у врага. Знаменитая фраза о пушечном мясе — слова не циника, а практика войны. Ведь и сам был таким же мясом — не только под Арколем, но и гораздо позже, например, в 1813-м году под Люценом и Бауценом, водил в атаку солдат. А в кампании 1814-го года — постоянно. Однако не из молодечества — он так обучал пополнение. Выжившие всю жизнь помнили его ни на что не похожую науку побеждать.

Никогда не забывал добра — за любое платил сторицей: деньгами, титулами, землями, иногда просто словом, правда, сказанным так, что для награжденного оно часто становилось пропуском в бессмертие.

Трудно сказать, ненавидел ли кого-то, но точно никогда никому не мстил. Не раз бывал обманут и предан, но не предавал сам. Легко прощал, причем даже таких негодяев, как Талейран и Фуше, во время Ста дней принимал услуги людей, которые в прежние годы причинили столько зла, сколько смогли. Критерий был простой и честный — не преданность Наполеону, а полезность стране. Правда, перед Ватерлоо отказался взять на службу Мюрата, но скорее не потому, что сам не смог простить предательства, а потому, что армия не приняла бы беглого маршала.

Зато в русском сознании Наполеон до сих пор враг человеческого рода, хотя война с ним была больше двухсот лет назад и продлилась всего четыре месяца. Правда, благодаря этой непроходящей ненависти его помнят в России куда лучше собственных императоров. Ненависть — очень живое чувство. Но важнее всего, наверное, что диалог с ним продолжается и вряд ли когда-нибудь закончится.

Юноша, беззаветно влюбленный в Наполеона, давно повзрослел. Кухонные игры и комсомольские игрища закончились. Другой век — императорская свобода действия обернулась свободой мысли, и за нее тоже приходится платить. В творчестве экспансия неизбежна, хотя не связана с насилием, поэтому, в общем, безобидна. Наполеоновский подход из оружия становится методом. Но остается загадка личности, любимая игрушка биографов, психологов, философов. Парадокс Наполеона в том, что в хитросплетениях добра и зла ему удалось пройти по самой грани. Однако можно, не пытаясь разгадать загадку этого вечного сфинкса, просто следовать за его мыслью, цепляясь за нее собственной.

5

— Сир, в последние годы все как-то выдохлись, особенно военные. Кажется, это началось после Ваграма. Все внезапно устали от войны. Французы слишком легкомысленны и влюблены в жизнь, чтобы так долго подвергать себя лишениям.

Наполеон наблюдал за полетом маленькой серой птички. Она уселась на ветке точно напротив окна, и казалось, тоже смотрела на императора. Лас-Каз удивился, насколько был похож у обоих этот остановившийся немигающий взгляд. Наполеон изменился за последние месяцы. От

легендарной быстроты и стремительности не осталось следа. Он больше не засыпал собеседника вопросами, речь и движения стали плавными и какими-то степенными. Для людей, давно его знавших, это был совершенно другой человек. Только властная манера и скорость мысли выдавали прежнего императора.

Лас-Каз уже пожалел о своей рискованной реплике. Но новый медлительный Наполеон и не думал гневаться.

— Да, Массена ни на что не был годен после Эсслинга. Ней так и не оправился от ледяного отступления в двенадцатом году. Но что было делать? Война продолжалась. Проблема не в усталости, а в том, что мы стали проигрывать.

— Сир, а Вы когда-нибудь боялись войны?

— Не пишите этого, но не было человека трусливее меня перед первой Итальянской кампанией. Правда, только в кабинете, когда мы с Карно ее готовили. Я всегда боюсь предстоящей войны. Хотя в последние годы все легче и легче преодолевал страх. Война стала рутиной.

— А не стала ли она ловушкой?

Вполне возможно, что Лас-Каз никогда не позволял себе такого, как в нашем разговоре, но с другой стороны, ведь никто не знает, что из их бесед осталось за пределами «Мемориала Святой Елены».

— Ловушкой? Что значит ловушкой? Я не был рожден для войны. Я мог доказывать теоремы или сочинять романы. Геометрия интересовала меня не меньше, чем стратегия. Но пришлось стать военным — и не то чтобы я жалею об этом. Черт возьми, если ты уверен в своей силе, гораздо проще использовать ее в споре, чем искать понастоящему разумное и справедливое решение. Во всяком случае, не знаю никого, кто не поддался бы искушению.

— Сир, но разве Вы начали хоть одну войну?

— Испания, мой милый Лас-Каз. Хотя я хотел всего лишь рокировки на троне. В XVIII-м веке и раньше они проходили без всяких народных волнений — народ не спрашивали, а ему не приходило в голову возражать. Я виноват в том, что не предусмотрел восстания. Его бы, скорее всего, не было, если бы Мюрат действовал согласно инструкциям, но я должен был предвидеть, что Мюрат — это Мюрат, т.е. лучший в мире кавалерист, однако, на этом его достоинства заканчиваются.

— Сир, похоже, что даже Господь не в силах предусмотреть всего, слишком многое в мире происходит его попущением.

— Бог не монарх, Лас-Каз. Его пути неисповедимы, а монархии должны быть предсказуемы. Испания была моей ошибкой. С Россией иначе — там я дал втянуть себя в войну, которой хотели англичане, а также Александр и его окружение. Здесь я не начинал первым — просто с какого-то момента дело шло к войне. Я ее не остановил, потому что был уверен в победе. Вот Россия действительно была ловушкой.

— Когда две армии несколько месяцев стоят друг против друга, кто-то должен напасть — это неизбежно.

— Да, именно так. Такова логика войны.

— Получается, что войны было слишком много, Сир?

— Пожалуй, Лас-Каз. Правда, если бы мы выиграла, ужасы войны быстро забылись бы, потому что в Европе наступили бы мир и благоденствие. Я всегда поощрял конкуренцию — она основной двигатель развития и в науке и в промышленности, а Гражданский кодекс обеспечивает для всех равные возможности. Никогда не стремился к войне, но мир должен быть достойным лучшего в человеке. Мне хотелось создать общество заслуг, причем отнюдь не только военных — орден Почетного Легиона получали химики, инженеры, писатели, хотя офицеры, конечно, чаще. За кровь надо платить. В бароны я, бывало, жаловал из капралов.

6

Когда в 1802-м году Наполеон придумал орден Почетного Легиона, все вокруг недоумевали: «Кому нужен этот маленький кусочек желтого металла?» Он отвечал: «Вы ничего не понимаете. Подождите, люди будут умирать за него». И точно. Люди Первой империи готовы были на что угодно, чтобы стать его кавалерами. Буквально все хотели его получить. И сегодня этот орден, наверное, не только самый известный в мире, но и самый желанный. Между тем он еле прошел утверждение в Законодательном корпусе — 116 голосов «за» и 110 — «против».

Наполеон знал цену себе и, наверное, поэтому с такой щедростью награждал других. Его ветераны говорили перед учреждением Империи: «Никто так не заслуживает императорских почестей как наш маленький капрал».

Кажется, это первая реальная попытка создать общество меритократии. Сразу после феодализма, общественного строя, когда потолок возможностей человека определялся уже при рождении,

построить общество, в котором сыновья крестьян и трактирщиков становились маршалами Франции — можно ли было вообразить что-то более невероятное? Революция отменила потолок, а заодно разрушила пол, так что можно было с равной вероятностью и воспарить, сделав фантастическую карьеру, и рухнуть в преисподнюю, лишившись жизни, причем часто вначале первое и потом сразу же второе. Наполеон восстановил пол, т.е. никто больше не опасался внезапного ареста и казни, законодательно закрепил неограниченные новые возможности и создал поколение отчаянных честолюбцев, готовых на все ради славы.

Надежды на новый сладостный мир разрушила нескончаемая война. Вначале она, как изобретенный чуть позже паровоз, тянула общество за собой, оглушая фанфарами побед, слепя блеском славы и подменяя гражданские добродетели простой солдатской честью. Однако слишком большие армии, огромные битвы и небывалое число жертв ужаснули французов, особенно когда привычные победы стали чередоваться с поражениями. Но можем ли мы сейчас, вооруженные сомнительным опытом следующих двухсот пятидесяти лет, построить общество заслуг? Давным-давно снесли классовые преграды и тут же, не задумываясь, возвели новые.

Привычно ругаем Наполеона за автократию, хотя очевидно, что она была переходной, построенное им государство легко преобразовалось из либеральной империи в республику, заменить нужно было только верхний слой. После почти двух тысяч лет ленивой монархии и десяти лет кровавой революции Франция не готова была сразу стать устойчивой демократией. Для этого понадобилось еще почти столетие. Архитекторам американских Соединенных штатов в этом смысле было проще — они строили с нуля. Сегодня мы, кажется, снова ощутили себя в истории и перестали думать, что либеральная демократия навсегда избавляет от социальных проблем. А раз мы больше не считаем, что достигли политического совершенства, то пора обрести способность честно сравнивать свою систему с другими. Совершенных государств не бывает, и если наши подходят для нынешнего времени, то наполеоновское годилось для своего. Со способностью к критическому анализу тесно связана и способность заимствовать из прошлого разумные принципы. Мне кажется, что соблюдение принципа меритократии сегодня так же насущно, как и взгляд на социальные проблемы с точки зрения прав человека, а не государства.

С другой стороны, если бы Империя стала конституционной монархией не в 1815-м, а скажем, в 1807-м году, то с большой вероятностью можно было избежать катастроф 1814-го и 15-го. Мы видим,

насколько успешным этот путь оказался для тех европейских государств, которые его выбрали. Наполеон бы слышал голос общества — не потому, что оно достойный собеседник, но потому, что имеет безусловное право голоса, а общество бы училось парламентаризму. Такая связка кажется прочнее, хотя уже не проверишь. Революция быстро выродилась в манипулятивную охлократию, «анархию», как говорил Наполеон. Она стоила слишком многих жизней и, если говорить о Директории, не обещала ничего впереди. Причем, видимо, никому, даже самим директорам, во всяком случае, судя по тому, как легко они ушли от опасной кормушки. Анархию, безусловно, нужно было остановить. Дальше начинался длинный путь проб и ошибок. И сегодня у нас нет оснований считать, что он пройден. Наполеон выбрал молниеносный бросок к успеху, успех был феноменальным, это логика полководца в сражении — он и был в первую очередь полководцем, уже потом оказалось, что на этом пути его подстерегала имперская ловушка, которой не избегла ни одна из военных империй, — наивное стремление силой решать социальные и экономические проблемы. Он усвоил урок — Вторая империя была другой, однако слишком мало оказалось отпущено времени, окно возможностей схлопнулось быстрее, чем император и депутаты освоились с новой реальностью. После Ватерлоо счет шел на часы. Начинать нужно было раньше. Но, к сожалению, в разработанной им системе не оказалось механизма автокоррекции.

7

— Монархия прекрасно сочетается с либерализмом, дорогой Лас-Каз. Не бывает никакой абсолютной власти, это выдумки теоретиков, которые в жизни ничем не управляли. Власть — инструмент, им нужно уметь пользоваться и ее должно быть ровно столько, сколько нужно, чтобы решить проблему. Мне нужны были расторопные исполнители, способные справиться с любой задачей. Поэтому я сделал префектов императорами в миниатюре.

— Сир, правильно ли я понимаю Ваше отношение к власти? Она нужна для чего-то, для конкретной цели, правитель жестко ограничен этими целями и не может проливать кровь подданных только для того, чтобы ее удержать?

— Именно так. Иначе он становится тираном. Видит бог, я умею пользоваться властью, вряд ли на свете есть другой человек, который

бы владел этим инструментом лучше меня, но когда интриги Фуше и Ла Файета стали угрожать созданному мной государству, я отрекся за полтора дня. Я стремился к власти так же как к командованию армией — потому что умею это делать лучше всех. Но власть сама по себе бессмысленна, проливать чужую кровь просто ради обладания ей преступно.

— Что вы думаете об общественном договоре Руссо, Сир?

— Плебисцит — это и был наш общественный договор с нацией. Народ дважды избирал меня императором. Однако такой договор не заключается навсегда. Он может меняться и пересматриваться. Никакая форма власти не вечна, включая империю. Когда Франция будет готова снова стать республикой, она станет ей. Просто первый опыт оказался неудачным. Но все видят только форму власти и никто не интересуется тем, что мы сделали. За четыре года я провел больше реформ, чем за предыдущую тысячу лет. Справился с деревенским бандитизмом, разделил страну на департаменты и префектуры, открыл лицеи — в поколении двадцатилетних уже нет неграмотных, подписал Конкордат с церковью, вернул дворянство и добился общественного примирения, учредил Французский банк, серебряный франк и золотой наполеондор. За три месяца с Камбасересом и другими юристами мы написали Гражданский кодекс, еще четыре месяца публично его обсуждали и потом приняли. А к десятому году кодифицировали коммерческое и уголовное законодательство. И разве какие-нибудь решения принимались мной единолично, без детального обсуждения в Госсовете? Как член Совета, вы были свидетелем и участником. Правда, чтобы я ни делал, меня все равно называли Аттилой и варваром.

— Сир, Ваша либеральная империя, безусловно, лучшее из того, что было возможно.

8

Наполеоновская империя была именно той просвещенной монархией, о которой грезили энциклопедисты. Послереволюционное французское общество, по горло сытое как старым королевским режимом, так и кровавой республикой, с готовностью приняло либеральную монархию. Невыработанный ресурс Просвещения, прерванного Революцией, реализовывался уже при Империи.

О Наполеоне обычно любят рассуждать в категориях типичности: империй, диктатур, деспотизма. Но дело в том, что и он сам и его

империя совершенно уникальны и никакой типологии не поддаются. Причем не только из-за личности императора, но и оттого, что у него перед глазами не было никакого примера, все было впервые — создавался новый тип государства. Самая близкая по духу и устройству страна, Американские Соединенные Штаты, существовала только четверть века и шла своим путем, хотя Наполеон всегда считал Америку союзником, — отнюдь не только потому, что у них был общий враг. Отсюда и неслыханная щедрость при так называемой продаже Луизианы, когда американцы приобрели 15 штатов, почти треть современной страны, за 15 миллионов долларов, сущие копейки даже по меркам XIX-го века. Территория в два раза превосходила тогдашние США. Многие из внешнеполитических наполеоновских придумок используются до сих пор. Например, американские попытки экспорта демократии, в его случае либерализма, или экономические санкции. Последние, конечно, применялись и раньше, но не в таком объеме как при Континентальной блокаде. Наверное, если бы у Наполеона были специалисты, умеющие определять слабые места экономики противника так же, как он умел определять слабые места неприятельских армий, такое неподъемное предприятие не понадобилось бы. Но тогда их не было как нет и сейчас. Экспорт более продвинутой государственной системы, санкции — всего лишь инструменты, успех зависит и от того, насколько они годятся для решения поставленной задачи, и от того, насколько умело используются.

История государств состоит преимущественно из ловушек. Причем вопрос не столько в том, угодил ли ты в ловушку — избежать их почти невозможно, сколько в том, сумел ли выбраться. Как я уже писал здесь, Наполеон попал в имперскую ловушку — несоответствие между стоявшими перед страной проблемами и способами их решения. Проблемы были разнообразные, а решения чем дальше, тем больше оказывались, в основном, военными. В результате империя погибла. Но потенциал ее развития не то что не был исчерпан — его мощи хватило еще на несколько столетий. Исторические процессы, которые за последние двести лет привели к целому ряду грандиозных изменений на карте мира, были запущены именно тогда. Сам император отлично понимал, что пробудил национальное сознание европейцев, которое для самого Наполеона, человека Просвещения, было неразрывно связано с либерализмом. Он привел в движение могучие силы, работающие по сей день, хотя нынче

им пора бы уже и приостановиться — в современном мире технологий и либеральной демократии права человека гораздо важнее прав наций.

Однако Наполеон оставался сыном своего века — права наций значили для него больше индивидуальных прав. Правда, был один народ, с которым дело обстояло иначе. Восстановить еврейское государство в фантазмагорическом Египетском походе не получилось, тогда он созвал Синедрион, упраздненный еще Титом после разрушения второго Храма, и завершил начатую революцией эмансипацию иудеев. Как нация они не получили ничего, зато как люди — все.

Изменение отношения к евреям — один из главных признаков Нового времени. Впервые за полторы тысячи лет лучшие европейские умы задумались о свободе вероисповедания и антисемитизм перестал быть единственно приемлемой нормой поведения. Правда, большинство аристократов, а это был самый просвещенный класс тогдашней Европы, не спешили отказаться от любимой привычки. Австрийская императрица Мария-Терезия, например, общалась со своим банкиром через занавеску, потому что не могла выносить зрелище еврея.

Франция была первой европейской страной, в которой евреи получили те же права, что и остальные граждане, но если Революция дала им права де-юре, то де-факто это сделал уже Наполеон. И заодно распространил равноправие на всю Европу, потому что вместе с французской армией туда пришел Гражданский кодекс. Даже после падения Империи в большинстве западноевропейских стран повернуть этот фарш назад оказалось уже невозможным.

Численность ашкеназских евреев взлетела от полутора миллионов в конце XVIII-го века до семи с половиной в начале XX-го — в 5 раз. Ничего подобного в еврейской демографии не случалось ни раньше, ни позже. А сама цифра — посмертный привет от императора, потому что пятерка — его число. Родился 15-го августа, умер 5-го мая, один из величайших триумфов — аустерлицкое сражение, было в 1805-м году. Наполеон — стихийный мистик, причем его мистицизм ближе всего именно еврейскому. Так что он вряд ли был бы удивлен. Задумывался ли сам император о столь отдаленных последствиях своих действий? Бог весть. Однако, независимо от того, что он сам думал и чего хотел, у этого чуда только одно имя — Наполеон. Благословен муж, которого Провидение выбирает своим орудием.

— Сир, обычно поверженные империи не оставляют после себя ничего, кроме смуты и хаоса. Ваша — исключение. Кодекс Наполеона оказался сильнее французских армий. Союзники, даже вернув себе власть, не смогли изгнать его из Европы. Начатое Вами продолжат следующие поколения. А что думаете Вы сами?

— Предсказывать будущее — занятие ненадежное, дорогой Лас-Каз, ведь ваш вопрос именно о будущем, верно?

— Конечно, Сир.

— Хотя кое-что очевидно. Мы вывели на историческую сцену нечто новое — нации, и вдохнули в народы силу осознать себя ими. Нация — больше идея, чем родство по крови, объединение людей, чувствующих принадлежность к ней. Мы показали, что такое французская нация, и это послужит примером.

— Вы думаете, что народы, осознав себя нациями, станут создавать новые государства?

— Несомненно, причем повсюду, где для этого есть основания. Национальная идея будет разрушать империи и создавать новые.

— Можете ли Вы угадать, откуда начнется?

— Конечно, с Германии. Я заменил тысячелетнюю Священную Римскую империю Рейнским союзом. Мои противники его уничтожили. Нынешний новый Союз — следующая ступенька к созданию единого немецкого государства. Австрийская империя дряхлеет, ей все труднее удерживать провинции, так что Германию, скорее всего, подомнет под себя Пруссия как самая агрессивная.

— Сир, но если Германия объединится, то что же Италия?

— Она тоже будет единой — мы многое для этого сделали. Национальные движения начались и там и там. От Австрийской империи в конце концов останется одна Австрия. — Император усмехнулся не без злорадства. — Потом придет черед народов, населяющих Оттоманскую Порту. Испанские и португальские колонии в Новом свете благодаря нашим войнам слишком долго были предоставлены сами себе. Вряд ли они захотят снова отправлять налоги в метрополию и принимать назначенных в Мадриде губернаторов. Думаю, скоро в Южной и Центральной Америке возникнет много независимых государств.

— Это удивительные пророчества, Сир. Мы уже не увидим, как они сбудутся, зато потомки оценят. А Польша, из-за которой было столько войн?

— Польша получит независимость только после того, как рухнет Россия. Тут придется подождать. Но не хотел бы я стать свидетелем — слишком много будет дикости, крови, бессмысленных зверств. Брр — кто был в русском походе, вряд ли забудет мороз, казаков и партизан.

— И все это благодаря импульсу, который Вы придали истории. Будут ли эти страны монархиями или республиками?

— Они могут быть и тем и другим, формы правления меняются, пока не установится подходящая, одно несомненно — в основе права новых государств будет лежать Гражданский кодекс. Однако мы забыли один народ. Национального возрождения он пока не пережил, но я хотя бы дал им те же гражданские права, что и у остальных подданных моей империи.

— Люблю этот народ, Сир.

— Когда я впервые увидел их в Анконе с желтыми звездами на одежде, тут же велел открыть ворота гетто и отменил средневековые австрийские законы. Потом вошел в синагогу и спросил, о чем они так страстно молятся. Мне ответили, что они молятся о восстановлении Храма, разрушенного полторы тысячи лет назад. Тогда я сказал себе, что народ, который помнит свою историю за полторы тысячи лет, достоин собственной страны. В Египетском походе хотел восстановить их государство со столицей в древнем Иерусалиме — помешали англичане. Мне тогда пришлось вернуться. Правда, потом созвал Синедрион, но о государстве уже не было речи. — Император вдруг помрачнел.

— Как возмущался Александр, сколько писал мне гневных писем. В русских церквях меня называли антихристом и врагом бога. Евреи волновали его куда больше собственных подданных. Он всячески интриговал, чтобы я снова ввел антисемитские законы, действовавшие при прежних королях, как будто ему самому была бы от этого какая-то польза. — Наполеон прошелся по комнате и остановился перед Лас-Казом, привычным жестом скрестив на груди руки.

— Я хочу, чтобы к евреям относились как к братьям, словно мы все иудеи. Если бы не мое падение, большинство европейских евреев переселилось бы во Францию. Это было бы выгодно для Франции, ведь они умны, трудолюбивы, богаты. А у нас их ждали бы свобода и равенство.

10

С кем же его сравнить? Среди современников точно не с кем. А потомки? Собратья правители или военные — как они мелки на его фоне! Все диктаторы до последнего держатся за власть, за полтора века ни один не ушел, не залил страну кровью. Этот ушел за полтора дня, не выговорив себе никаких условий. Раздвинул пределы славы и создал государство, где впервые в истории каждый мог достичь всего, что ему по силам. Принес французские законы в Европу — и они остались там до сих пор. Современные диктаторы приходят к власти отнюдь не сами, но с помощью организаций типа ордена меченосцев, мимикрирующих под политические партии. Убивают или загоняют в лагеря несогласных, потом независимых, в конце концов просто случайных людей, и мешают жить всем, кроме горстки уродов, выводимых по правилам специального отбора, главные из которых, — подлость и безжалостность. Они превращают целые народы в послушных режиму марионеток, тогда как он нес просвещение и свободу. Ну какой он к черту диктатор?!

С годами его военный гений ничуть не потускнел. И под Ватерлоо Наполеон действовал так же как и всегда — ни лучше, ни хуже. Однако он сам всегда говорил, что миром правит случай. И не в последнюю очередь имел в виду себя, потому что его жизненное везение и боевое счастье были беспримерны. Казалось, они неотделимы от его личности и военного таланта. Он сделал удачу одним из главных критериев при отборе чиновников и высших офицеров. Назначая кого-то на должность, всегда спрашивал: «Везет ли ему?» В конце концов, как и положено в порядочной пьесе, где все ружья, с первого акта висащие на сцене, в последнем стреляют, случай сыграл злую шутку с ним самим.

Правда, другие скажут, что в кампании 1815-го года не было вдохновения. Пятнадцать лет назад он бы не задумался продолжить игру и после Ватерлоо. Но тогда не существовало созданного им государства и нечего было терять. Его звезда восходила. Современники всегда знают, когда начинается и заканчивается эпоха.

Споры, кто же он — полубог или полудьявол, гений — провидец или авантюрист, случайно совпавший со временем, не утихают уже больше двух столетий. Думаю, все это не имеет к нему никакого отношения. Наполеон — зеркало. Каждый видит в нем себя, каким бы он был, если бы вдруг стал им.

Он дивной силы мечтатель, но мечтатель действия. Фантазер, умеющий реализовать фантазии. Однако на Земле нельзя построить

ничего идеального. Попытка в любом случае плохо закончится. Видимо, как только понял это, перестал противиться судьбе.

Не только сделанное им, но может быть, больше всего сама его судьба важна для мира. Она противоречива и ровно это противоречие как главный вывод осталось нам в наследство. С одной стороны, при наличии гения и удачи самая дерзкая мечта осуществима, а с другой, удача никому не служит вечно. Для людей дюжинных он извечный источник опасности — да и как не испугаться непонятного и чудесного?! Этот пострел вечно замахивался на великое, сметал все запреты, и не задумываясь, делал то, чего нельзя.

Он изменил мир. Не мысли о мире, не сознание, а именно материальный мир, но тем самым, конечно, и сознание и мысли. Много ли мы знаем людей, сделавших что-то подобное? Наверное, Александр, но это было слишком давно — тот мир уже изгладился из памяти, осталось только имя. И он изменил человека, раздвинув пределы его возможностей, его веры в себя, показав, чем человек может стать, но и какую цену должен заплатить. Видимо, он последний, кто смог воспользоваться силой закона и оружия для модернистского изменения мира. Дальше это будут делать только технологии.

Любить его или ненавидеть — больше зависит от генома, чем от сознания. Это часть естественного отбора. Наполеон настолько вошел в плоть и кровь цивилизации, что стал поведенческим архетипом. Вернее, архетипов два. Один адлеровский — маленький человек с комплексом неполноценности и огромными амбициями. Второй — тот, о котором писали Гете, Гейне, Байрон, Пушкин, Лермонтов, Цветаева, список так длинен, что едва ли прочтешь до середины. Романтический герой, обронивший однажды: «Для меня не существует невозможного». В мире, где бездарность, невежество, нерешительность выбранных нами на свою голову управляющих стали привычным делом, этот человек делает честь самому институту государства.

К счастью, у нас больше нет на все готовых оценок. Никто не протоптал впереди путь и правильное решение знает один всевышний. Но он редко подсказывает, причем только тем, кого любит. Думать, действовать и рисковать — наша новая парадигма. Здесь без его опыта никак, потому что больше не было такого мастера молниеносного разумного действия.

Наполеон верил в суд истории, хотя отлично знал, что ее пишут победители. И что они беспощадны, это часть победы. Правда, пишут

торопливо, небрежно, боясь не успеть. Ведь ни одна победа не вечна, и под славословия сегодняшнему триумфатору его гробовщик идет в детский сад, а то и в школу. Но побежденный не меняется местами с победителем, мир не возвращается в прошлое, он принадлежит потомкам, которые смотрят со своей колокольни, ожидать от них беспристрастности, тем более справедливости, так же нелепо, как и от современников. А где нет справедливого суда, есть или бездумное поклонение или такое же бессмысленное осуждение.

Поверженный император без устали творил новое победоносное оружие — собственный миф. С его помощью обычно выигрываются все проигранные битвы. В человеческом сознании нет ничего устойчивее мифа — представления о прошлом меняются, а он остается. Ирония истории, однако, заключалась в том, что ему как раз миф был не нужен. Какой миф выдержит сравнение с той пьесой, которую «наплела судьба сама». Какое мифическое величие в его случае сравнится с подлинным?! Люди давно простили великому человеку мелкое тщеславие. А судить оказалось не за что — нет преступлений. Чаша весов, на которую давно положено и доброе и злое, совершенное им, с течением времени склонилась в сторону добра. Французам осталось государство, с которого сдувает мелкие пылинки уже пятая республика, а всем остальным — мысли, невероятная судьба, уроки милосердия и бессмертная слава.

СТАТЬИ

ТЕОРЕМА НАПОЛЕОНА И ЕГО ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ

Эта статья — гипотеза. Прошу так к ней и относиться. Доказать ее строго вряд ли возможно. Поэтому моя задача скромнее — достаточно убедительно ее обосновать.

Начнем с истории вопроса. В XVIII-м веке Евклидова геометрия активно развивалась, в частности, были популярны задачи о треугольниках. Одна из них приписывается Наполеону. Поскольку задача была опубликована Вильямом Резерфордом только в 1825-м году без упоминания имени покойного императора, сомнения в его авторстве, видимо, останутся навсегда, хотя известный историк математики Кристоф Скриба (Christoph J. Scriba) [1] считает весьма вероятным, что молодой Бонапарт сформулировал и доказал эту теорему. То, что публикация случилась через много лет после того, как работа была выполнена, вполне в обычаях того времени — это не наш век, когда все научные результаты публикуются немедленно. Тогда наука развивалась неспешно, ученых было мало и они более — менее представляли себе, что делают коллеги, и без журнальных статей. С другой стороны, в 1825-м году имя Наполеона было во Франции под полным запретом. Он распространялся и на научную печать. Поэтому ни поздняя публикация, ни отсутствие фамилии Бонапарта, в принципе, ни о чем не говорят, хотя и не способствуют признанию его авторства. Но для наших целей, собственно, не так важно, был ли он автором задачи, достаточно того, что он был с ней знаком.

Наполеон, судя по аттестатам Бриеннской и Парижской военных школ и отзывам современников, был очень способен к математике, причем особый интерес проявлял к геометрии. После завершения Итальянской кампании и заключения Кампо-Формийского мира (17 октября 1797-го года) он возвращается в Париж и 10 декабря в присутствии Лагранжа и Лапласа делает доклад о геометрии круга [1]. Примерно в это же время обсуждает с ними задачу о треугольниках, о которой и пойдет речь (там же). Кста-

ти, поскольку 27-го декабря Наполеон был избран в члены Французского Института по классу физики и математики, вполне возможно, что это был неформальный предвыборный доклад. Не знаю, как было в XVIII-м веке во Франции, но во многих современных академиях такие выступления приняты. Кстати, его можно было избрать и по литературе — к тому времени Наполеон был автором романа *Clisson et Eugénie* (Клиссон и Евгения), знаменитого памфлета «Ужин в Бокере» и еще нескольких сочинений. Избрание по математике и физике предполагает какие-то заслуги в данной области (тем более, что был и другой вариант), а других, даже предполагаемых, математических работ Бонапарта мы не знаем. Так что скорее всего это была именно задача о треугольниках.

Как видно из предыдущего абзаца, даже если он не был автором теоремы, то, безусловно, ее знал. Суть же дела в том, что это не просто теорема, увиденная и доказанная им из любви к геометрии. В данной работе я постараюсь показать, что военная стратегия императора выросла именно из этой задачи. Ключевой элемент его стратегии, знаменитое «центральное положение», впервые возникло как раз в задаче о треугольниках. Кстати, замечу, что такое немедленное использование научных результатов характерно для XVIII-го века с его верой в непосредственную пользу науки.

Обратимся к теореме Наполеона. Она формулируется так: если на каждой стороне произвольного треугольника построить по равносоставленному треугольнику, то треугольник с вершинами в центрах равносоставленных треугольников — также равносоставленный*. Треугольники могут быть построены и внутрь — утверждение сохранит силу. В данном случае достаточно одного примера и я выбираю внешнее построение. Полученный таким образом треугольник называется треугольником Наполеона (см. Рис. 1).

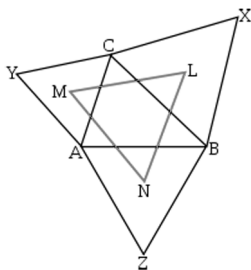
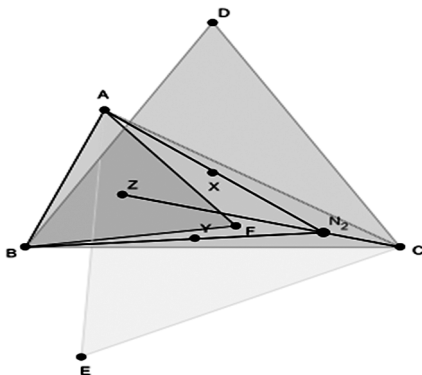

Рис. 1

* Формулировка теоремы дается по Википедии.

Доказательство теоремы не входит в наши задачи, но запомним само построение — у нас есть внешний многоугольник $AUCXBZ$ и внутренние треугольники ABC и MLN , причем MLN находится в центре многоугольника. Собственно, многоугольник легко аппроксимируется треугольником XYZ и для простоты можно его так и называть — мне в данном случае важна не геометрическая точность, а возможное развитие мысли. Опираясь на только что сделанное построение, сделаем еще одно. Обозначим теперь получившийся внутренний равносторонний треугольник точками XYZ . Проведем из каждой его вершины (они соответственно являются центрами равносторонних треугольников, построенных на сторонах треугольника ABC) линию к противоположной вершине нашего исходного треугольника. Все эти линии пересекутся в одной точке. Она называется первой точкой Наполеона — N_1 *

* Вторая точка получится в результате точно такого же построения, если строить равносторонние треугольники не наружу, а внутрь исходного. В данном случае для наших целей вполне достаточно одного примера, но для полноты картины нужно просто упомянуть и о второй возможности. Вот это построение:

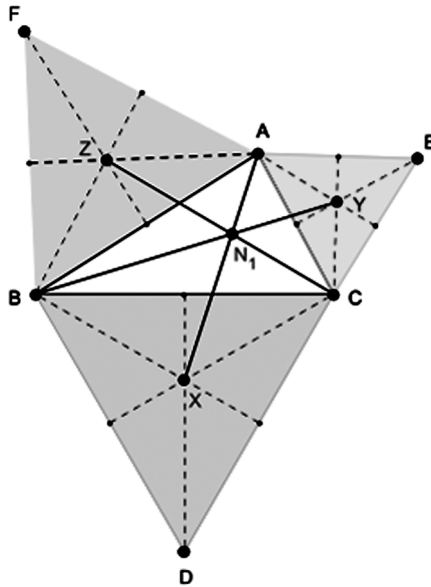

Рис. 2

На Рис. 2 отлично видно, что расстояние от точки N_1 до точек X , Y и Z кратчайшее. Если мы захотим достичь их из любой другой точки, оно будет намного больше. Мысль эта совершенно тривиальная, но она перестанет быть таковой, если мы представим себе, что это не лист бумаги с геометрическими построениями, а карта местности, на которой идет война, или план конкретного сражения. В этом случае длина коммуникаций, называемых на военном языке внутренними коммуникационными линиями, имеет первостепенное значение для исхода боя. А мысль, что можно действовать на внутренних коммуникациях, а не на внешних, уже совсем не тривиальна. Если вообразить, что перед тобой две неприятельские армии, находящиеся в точках E и F , а твоя армия наступает из точки D , то для того, чтобы действовать на внутренних коммуникациях, нужно оказаться в точке N_1 . Или, на языке Наполеона, завоевать центральное положение. Здесь сходятся геометрия и военное искусство. Наполеон, впрочем, настаивал, что война — это наука. Он пишет в «Максимах» о великих полководцах древности: «Они сделали

войну наукой и в этом смысле образцы для нас. Только подражая им, можно соперничать с ними» [2].

Во всяком случае, мы видим, что точка Наполеона и есть знаменитое «центральное положение» — важнейший элемент его стратегии*. Посмотрим теперь уже на военную схему центрального положения, восстановленную Дэвидом Чандлером по кампаниям императора (Рис. 3).

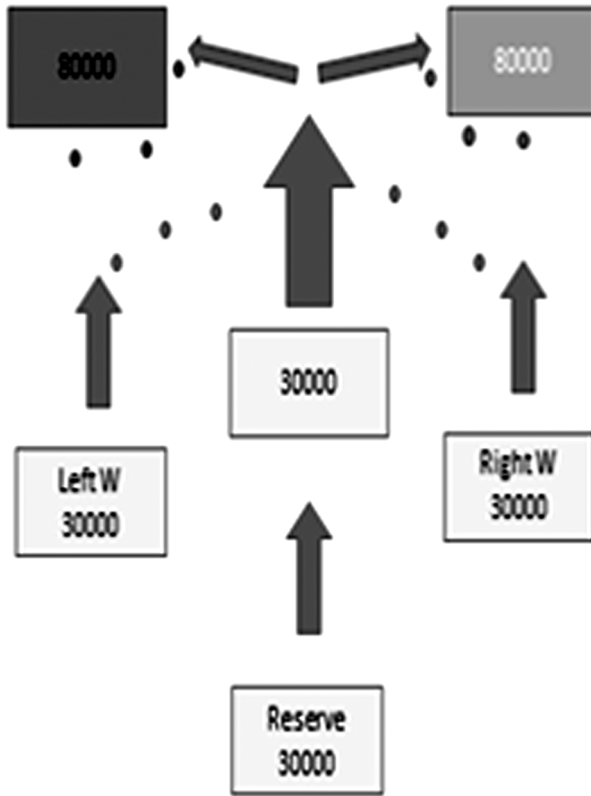

Рис. 3

* Конечно, ЦП — только фрагмент стратегии, но фрагмент необходимый. Полное изложение военной стратегии Наполеона не входит в задачи настоящей статьи.

По сути дела, это большой треугольник FED или XYZ на нашей первоначальной картинке. Армия Наполеона тремя условными колоннами Левый фланг, Резерв и Правый фланг (Left W, Reserve and Right W) движется из точки D в точку N1, чтобы овладеть центральным положением. Если она сумеет им овладеть, дальше все линии будут кратчайшими, а скорость передвижения по ним компенсирует меньшую численность, поскольку можно перебрасывать войска с одного места на другое куда быстрее неприятеля — он-то может действовать только на внешних линиях. Т.е. как мы видим на схеме (Рис. 3), армия в 90 тыс. вполне может побить две армии по 80 тысяч каждая, действуя последовательно сначала против одной, а потом против другой. Как это происходило в действительности, видно на Рис. 4. (взято из работы [3]).

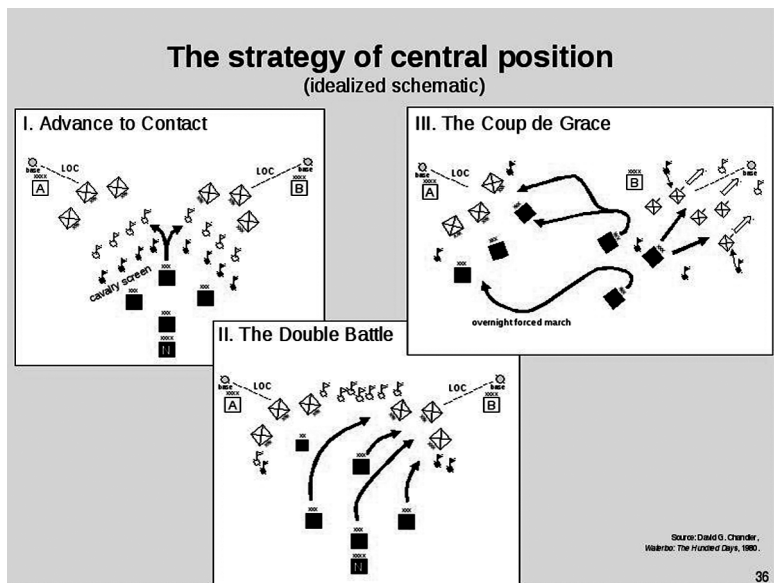

Рис. 4

На первой схеме (Рис. 4) наступающая армия завоевывает центральное положение. Это первая фаза. На второй один из корпусов сдерживает армию слева, а второй атакует армию справа. Это вторая фаза. На третьей схеме видно, что один корпус (легкая кавалерия) преследует разбитую армию, которая была справа, в то время как остальные войска перестроились и атакуют армию слева — третья, заключительная, фаза.

Все это достигается за счет того, что армия действует на внутренних коммуникациях — в целом уступая противнику по численности, Наполеон перемещает войска гораздо быстрее, поэтому на каждом конкретном участке боя оказывается сильнее.

Примеров этой стратегии в его кампаниях немало. Особенно часто Бонапарт использовал ее в первой Итальянской кампании, когда французские войска обычно уступали по численности австрийцам. Ситуация, сложившаяся в ноябре 1796-го года, располагала именно к такому маневру. Чтобы снять осаду с Мантуи, австрийское правительство направило две армии — генерала Давидовича и ветерана еще Семилетней войны, генерала Альвинци. Наполеон располагался как раз между ними. Для сдерживания Давидовича он посылает дивизию Вобуа, а сам с войсками Массены и Ожеро стремительно атакует Альвинци. Будучи отбитым во фронтальной атаке у Кальдьеро, отступает к своей базе в Вероне, пополняет запасы и совершает знаменитый впоследствии охватывающий фланговый маневр вдоль по реке Адидже к Арколю. Он не вполне удался из-за ожесточенной обороны Аркольского моста и началось трехдневное сражение, в котором после первых двух дней боев Наполеон вынужден был оставить завоеванный большой кровью Арколь и отступить на правый берег Адидже, чтобы иметь возможность прийти на помощь Вобуа, если его атакует намного превосходящий по численности Давидович. Только на третий день после того, как французы получили известие, что Давидович не двигается с места, они снова перешли на другой берег реки, атаковали австрийцев и в тяжелом бою прорвали их оборонительную линию. Альвинци был разбит и Бонапарт даже успел перебросить две дивизии в помощь Вобуа. Давидович, которого слева обошла дивизия Ожеро, отступил под угрозой окружения, потеряв почти 2000 человек. В данном случае использование маневра «центрального положения» не привело к полному уничтожению австрийских армий, но тем не менее войска Альвинци были деморализованы и бежали с поля боя, Давидович потерпел поражение и в результате австрийцам не удалось снять осаду с Мантуи.

В качестве примера успешного сражения можно привести Аустерлиц, где Наполеон вначале завоевывает центральное положение, захватив Праценские высоты (прежде он сам отдал их русским в качестве приманки — нужно было, чтобы союзники атаковали французов и увели свои войска в долину), затем, сдерживая правый фланг неприятеля, уничтожает его левый фланг — он действует на внутренних коммуникациях, а русская и австрийская армии принуждены действовать на внеш-

них, поэтому меньшая численность его армии совершенно не мешает ей везде оказываться сильнее врага. Третья фаза оказывается как бы излишней, поскольку неприятельская армия разбита наголову и бежит.

Еще один не менее яркий пример — кампания, которая окончилась несчастной битвой под Ватерлоо. Наполеон вполне удачно завоевывает центральное положение, разделив армии Веллингтона и Блюхера в результате маневра у Шарлеруа. Затем корпус маршала Нея вступает в сражение с Веллингтоном у Катр-Бра, а сам Наполеон обрушивается на Блюхера при Линьи, правда, не наносит ему сокрушительного поражения, а только отбрасывает. В третьей фазе он должен был уничтожить Веллингтона, но судьба решила иначе. Кстати, неудачная попытка Груши сковать Блюхера боем у Вавра — часть той же стратегии. По сути, это было двойным сражением, так же как и Линьи-Катр-Бра, и должно бы называться Ватерлоо — Вавр. На этих примерах видно, что использование любой стратегии может быть удачным и неудачным, поскольку успех зависит от множества факторов. Это не компрометирует саму стратегию — маневр при Шарлеруа был блистательным, но ошибки и несчастливое стечение обстоятельств могут погубить любой замысел.

В XVIII-м веке бал правило искусство, современная наука только зарождалась. Расцвет ее был впереди, о технологиях никто не помышлял. Прусская муштра больше всего напоминает грубый механический балет, где каждое движение тщательно рассчитано, отрепетировано бесчисленное число раз и вбито в головы солдат капральской палкой. Наполеон с его чутким вниманием к науке и здесь оказался чуть впереди века, увлекая век за собой.

Очевидно, что математическая и военная мысль императора была единой. Это как бы одно целое. Только в одном случае получается теорема, а в другом военные победы. Я попытался показать, как решение геометрической задачи повлияло на создание военной стратегии. Однако, невозможно с уверенностью судить о том, как человек думает, где причина, а где следствие, поэтому, как и было сказано вначале, эта статья — всего лишь гипотеза.

1. *Christoph J Scriba. Wie kommt 'Napoleons Satz' zu seinem namen? // Historia Mathematica. — 1981. — Т. 8, вын. 4. С. 458–459*
2. *Napoleon, Correspondance, Vol. I, № 75, p. 95*
3. *David Chandler, Waterloo. The Handred Days, Osprey Publishing, 1980, p. 75*

ВОЕННАЯ ИМПЕРИЯ КАК ЛОВУШКА

(на примере анализа кампании 1812-го года)

Эта концепция сложилась в результате исследований, размышлений и осмысления европейской истории конца XVIII-го — начала XIX-го веков, в особенности истории наполеоновского времени.

Сразу скажу, что империя как способ государственного устройства не кажется мне ни плохим, ни хорошим. Как, впрочем, и почти любой тип государственного устройства, кроме отдельных тоталитарных и человеконенавистнических режимов, которыми особенно прославился XX-й век. В новое время оппозицией империи является национальное государство. Последние часто грешат национализмом и это оказывается, пожалуй, большей проблемой, чем имперскость. К тому же слово империя как государство* употребляется как минимум в двух разных значениях. Первое значение — это государство, существующее в режиме постоянной экспансии, военной и дипломатической. Следует сразу оговориться, что почти все современные государства образовались в результате военных захватов и неравных дипломатических союзов, но с течением времени их устройство могло меняться. Второе значение — это государство, в котором сосуществуют разные этнические, культурные и / или религиозные группы. Обычно, если к государству применимо первое значение, то применимо и второе, хотя обратное совершенно не обязательно. Многие современные государства являются империями во втором значении, хотя они могут сами себя так не определять. Но если говорить о первом значении, то важно отчетливо понимать, что государ-

* Слово «империя» не обязательно связывается с территорией и тем самым с государством. Империи бывают финансовые, промышленные, литературные, да какие угодно. Разумеется, это всякий раз отчасти метафора, но существенно, что главным компонентом в значении слова оказывается экспансия как таковая, а не применение ее к какому-либо объекту.

ственное устройство должно соответствовать духу времени, а в нашем мире, в котором если не уровень насилия, то роль насилия неуклонно снижается, время экспансионистских империй давно прошло.

Бросим краткий взгляд на карту Европы начала XIX-го века. Почти все государства, кроме, может быть, скандинавских, называются империями или подходят под определение империи в первом значении слова. Наиболее влиятельных империй четыре: Британская, Священная Римская (впоследствии Австрийская), Российская и Французская*. Они образуют так называемый концерт великих держав. По степени влияния на европейские дела к ним приближается Пруссия, быстро растущая территориально и экономически. Она очень похожа на империю, хотя и называется королевством. До создания германского рейха** остается чуть меньше 70-ти лет. Мир в Европе держится на согласии великих держав. Пока им удастся как-то договариваться друг с другом, большая война Старому свету не грозит.

Государства эти очень разные как по способу образования, так и по внутреннему устройству. Британская империя прежде всего колониальная, а по способу управления она к тому времени уже эволюционировала в парламентскую республику, хотя и с королем во главе. Священная Римская империя — государство с номинально избираемым императором***, объединяющая германские, австрийские, итальянские, венгерские, нидерландские, чешские, словацкие, польские и некоторые другие земли. Власть императоров во многом держится на умелом сохранении баланса элит, поэтому, несмотря на формальный абсолютизм в Австрийской монархии, их властные возможности существенно ограничены. После битвы при Аустерлице Священная Римская империя распалась — от нее откололась Германия, оставшаяся часть стала называться Австрийской империей, но проблемы и способ устройства этой империи не измени-

* До 1807-го года Франция официально именовалась республикой, хотя Наполеон был избран императором в 1804-м, но для простоты изложения будем называть Францию империей, поскольку это название вернее отражает способ управления французским государством в те годы.

** Объединение Германии стало возможным благодаря крушению Священной Римской империи, т. е. без Наполеона не обошлось. Но ведь Германия могла объединиться и без прусского милитаризма, по наполеоновским лекалам, что, возможно, избавило бы нас от двух мировых войн.

*** К тому времени уже несколько столетий императорами Священной Римской империи были австрийские эрцгерцоги.

лись. Российская империя в силу огромной территории, слабой бюрократии и впитанной при образовании московского государства монгольской властной традиции отличалась несопоставимой ни с какой другой европейской страной централизацией власти, но также веротерпимостью и толерантностью к нравам и обычаям населяющих ее народов*. Российская империя отчасти занималась колонизацией покоренных территорий, но поскольку они по большей части не были отделены от метрополии морями или какими-то другими природными преградами, то включались в состав империи на равных правах с остальными. Британская империя была вполне буржуазной, а две последние оставались полуфеодальными. Наконец, Французская империя была буржуазным и самым либеральным государством тогдашнего мира. Территория самой Франции немногим отличалась от современной, а то, что обычно понимают под наполеоновской империей, было скорее прообразом современного европейского союза, во главе которого стоял французский император. При этом и Французская и Австрийская и Российская империи были военными, т.е. военная служба считалась самой престижной, армия была важнейшей частью государственного механизма, а в России она была еще и отдельным сословием. Солдат в Российской империи переставал быть крепостным, но не был и вольным, во всяком случае, на время службы, которая эволюционировала от пожизненной в начале XVIII-го века до пятнадцатилетней к концу XIX-го**. В еще большей степени была милитаризирована Пруссия. Королевство было провозглашено только в 1701-м году Бранденбургским кур-

* Веротерпимость отнюдь не означает конфессионального равенства, да и рецидивов было более, чем достаточно, но в отличие от унитарных государств, в России не было религиозных войн, инквизиции или тотального уничтожения еретиков. К сожалению, за исключением короткого «потемкинского» периода в XVIII-м веке, веротерпимость не распространялась на евреев.

** Срок срочной службы несколько раз менялся в сторону сокращения, так что ко времени опубликования в 1874-м году указа о всеобщей воинской повинности он составлял 7 лет для нижних чинов, после чего следовало увольнение во временный отпуск на 3 года, затем в бессрочный отпуск — обычно на 5 лет, а дальше уже человек отправлялся в «чистую» отставку. Бессрочный отпуск — форма, практиковавшаяся в русской армии с 30-х годов XIX-го века. В военное время она позволяла развертывать армию нужной численности без дополнительных расходов. В бессрочный отпуск могли уходить и офицеры. По сути дела это было увольнение в «запас».

фюрстом Фридрихом III-м и с тех пор расширение территории являлось основной задачей Бранденбургского дома.

Кроме того, была еще огромная Османская империя — тогдашний «большой человек Европы», Испанская империя с огромными американскими колониями, Португалия с Бразилией, Генуэзская и Венецианская республики, правда, уже растерявшие к тому времени большую часть своих владений.

Даже из этого краткого экскурса видно, что в довольно однородном тогдашнем мире выбор империи как государственного устройства был достаточно естественным и в определенном смысле удобным. А французская империя несла на своих штыках отнюдь не угнетение и рабство, а равенство всех перед законом, отмену отжившей феодальной системы управления, лучшее на тот момент гражданское законодательство и мощнейший потенциал развития. Все это выглядело вполне разумным и для Франции и для остальной Европы. Поэтому я не рискну сказать, что империя была ошибкой, но она стала ловушкой.

Почему ловушкой? Потому что, если большую часть властных государственных структур возглавляют военные, сами структуры основаны на единоначалии и накопленный опыт решения международных проблем преимущественно силовой*, то любой чиновник, не исключая и самого императора, оказывается в западне — если он захочет действовать иначе, у него просто не будет инструментов. И при этом даже не важно, архаичная это империя или модернистская, отвечает ли она духу времени или безнадежно от него отстала, каковы ее законы, сословное деление, устройство исполнительной и судебной властей, эффективность чиновничества и т. д. «Имперская» или «военная» ловушка — это несоответствие между стоящими перед страной задачами и существующими методами их решения. Кроме того, милитаристской империи обычно сопутствует миф о непобедимости ее армии и непогрешимости лидера**. Эта неременная составляющая имперского величия призвана

* Я говорю в данном случае не о наполеоновской империи, в которой это не всегда было так, но о типичном «имперском» способе действия.

** Миф не означает, что это непременно неправда: армия может быть прекрасно обучена и доблестна, а командующий ей генерал изумительно талантлив, но он означает отрыв от реальности. Не все в человеческой власти — существуют ситуации, когда самая лучшая армия во главе с гениальным полководцем может потерпеть поражение, не зря же наряду с военным искусством говорят о военном счастье. Об одном таком случае и рассказываю. А ошибки совершают все, какими бы талантами и проницательностью ни были взысканы.

воздействовать на сознание и не дать свернуть с избранного пути, т.е. вырваться из ловушки. Такой своеобразный механизм автокоррекции. Если правители следуют имперской логике, она в конечном итоге почти неминуемо приведёт к войне*, которая может оказаться бесполезной, а в случае поражения еще и опасной для нападающей стороны. Собственно, эссе как раз и посвящено иллюстрации этого утверждения.

После крушения Амьенской мирной системы мысль завоевать Англию была очень популярна среди французской элиты. Задача выглядела сложной, но для наполеоновского гения казалась вполне разрешимой, во всяком случае, при благоприятных обстоятельствах. Впрочем, тогда никто не думал, что для него вообще существуют преграды. Но Господь, действительно, хранил Англию. В дальнейшем, отказавшись от прямого вторжения, Наполеон затеял экономическую блокаду. Поскольку это были, судя по всему, первые экономические санкции такого масштаба, он не мог знать, каков может быть их эффект. Вокруг него не было хороших экономистов, которые могли бы построить какие-то модели, поскольку тогда вообще не было ни того, ни другого, и он преувеличивал возможности блокады. Все это вполне естественно и вряд ли можно его упрекнуть за это. Проблема была в том, что в поддержании санкций против Англии он рассчитывал преимущественно на силу и шел на неоправданные риски, не пытаясь создать другие, помимо военных, рычаги воздействия на континентальные страны. Такое поведение полностью соответствовало военно-романтическому духу эпохи и Наполеон вел себя как человек своего времени, но от гения ждешь, что он всегда остается равным себе, а не эпохе.

Разумеется, на военную силу ставил не только Наполеон, его конкурентов и противников можно обвинять в этом с гораздо большим основанием, потому что из всех войн, в которых участвовал император Наполеон, только две из них начал он сам — в Испании и в России. При этом считать русскую кампанию вероломным нападением, как было принято писать в историографии советского периода, можно довольно условно: с одной стороны, это была рассчитанная провокация Александра, а с другой, дело шло к разрыву примерно с 1810-го года и обе страны активно готовились к войне, причем две русских армии были развернуты на границе и теоретически любая сторона могла начать первой.

* Разумеется, не каждая война является имперской ловушкой. В каких-то случаях война может быть оправданной, но сейчас речь не о них.

Однако империи его соперников складывались веками и оттого были по большей части, за исключением обветшавшей за тысячу лет Священной Римской, более устойчивы: за столетия сложилось множество разнообразных политических и экономических связей, горизонтальных и вертикальных. А его империя, которую правильно, конечно, называть Европейским содружеством наций с Францией во главе*, только что возникла, новые связи не успели сложиться, а разрыв старых ощущался очень болезненно. Скажем, Германия с большим трудом преодолевала экономические и политические проблемы, возникшие в результате падения Священной Римской империи. Поэтому наполеоновская империя была куда более уязвима, чем «старые» европейские державы, и любое серьезное потрясение легко могло ее уничтожить именно в силу того, что здание было еще очень неустойчиво, не говоря о личной ненависти, которую питали к «высочке» Наполеону феодальные европейские монархи.

На этом фоне русский или, говоря языком наполеоновских военных планов, польский поход стал той ловушкой, о которой шла речь выше, а привела императора в ловушку имперская логика.

Империя Александра Первого демонстративно нарушала блокаду.

«Россия упорно действовала против правил, чему достаточно представить только одно доказательство, — писал Наполеон царю Александру 4 ноября 1810 года, — а именно: колониальные товары, появившиеся на последней Лейпцигской ярмарке, были доставлены туда на семистах возах, пришедших из России... в настоящее время вся торговля этими товарами производится через Россию. Наконец, тысяча двести кораблей, которые англичане конвоировали на двенадцати военных судах и которые скрывались под шведскими, португальскими, испанскими и американскими флагами, свезли часть своих грузов на берег в России»**.

Далее в письме содержится просьба Наполеона конфисковать «все ввезенные англичанами товары».

Хотя блокаду нарушали все, а доля России в английском торговом обороте составляла всего от 3-х до 8-ми процентов в разные годы***, т. е.

* Думаю, что наполеоновскую Европу следует считать прямой предшественницей современного Евросоюза.

** ed. Bingham, Selection III p.69, перевод Н. Кладо

*** Автор благодарит за предоставление этих данных известного исследователя экономики Франции начала XIX-го века Йохана Джюра (Johan Joor) (из частной переписки).

была относительно невелика по сравнению, скажем, с долей Пиренейского полуострова, которая не опускалась ниже 19%*, именно то, что Россия нарушала ее демонстративно, без всякой опаски и как бы дразня императора, требовало с его точки зрения специальных мер воздействия. Не последнюю роль в сознании Наполеона играла и царская ложь: на встречах в Тильзите и в Эрфурте Александр клятвенно обещал соблюдать блокаду. Наказать Россию, действуя в логике империи, можно было только военным путем. Если не действовали дипломатические демарши, дружеские или враждебные, то других рычагов воздействия практически не было. Поскольку речь шла о поддержании статуса, с имперской точки зрения военный поход был естествен, хотя он не только не мог привести к победе над Англией, даже если бы был успешен, но был попросту вреден, поскольку отвлекал огромное количество ресурсов от непосредственного противостояния с ней. Можно довольно уверенно утверждать, и здесь со мной согласен такой уважаемый современный историк как Эндрю Робертс**, что в условиях полной французской гегемонии на континенте никто не посмел бы последовать дерзкому примеру России, т.е. эта демонстрация ничем не грозила Наполеону. Но тем не менее милитаристская имперская логика толкала его к войне. Здесь интересно отметить, что даже такой близкий к императору человек как Коленкур, бывший в предвоенные годы послом в России, не понимал причин войны. Просто он не мыслил в категориях империи.

Поддерживали это направление мысли и два субъективных фактора, о которых я уже упоминал:

1) Различное понимание положения наполеоновской империи французским императором и европейскими монархами.

2) Переоценка возможностей экономической блокады.

Оба они действовали против Наполеона.

Начнем с первого. Он пытался встроить свое государство в европейскую монархическую систему, разумеется как доминирующую часть, они же готовы были его признавать только потому, что до поры до времени не могли уничтожить. Это очень наглядно скажется в кампаниях 1813-го — 14-го годов и еще ярче в кампании 1815-го года. То, что Наполеон объявил свое государство наследственной монархией, никого не могло обмануть: Франция продолжала оставаться либераль-

* Fain, Manuscrit de 1812 I pp. 3-4

** A. Roberts. Napoleon: A Life, Penguin books, New York, NY, 2014 p.578

ной империей (а до 1807-го года вообще была республикой, возглавляемой императором), сохранила все завоевания революции и несла в Европу новые принципы, законы и права собственности. Все это было неприемлемо для старых феодальных монархий. Хотя французский император, по его любимому выражению, «сохранил их троны и алтари», он их всех победил и тем самым унизил, они вынуждены были искать его милости — простить этого гордые феодальные монархи не могли. Все они, так или иначе, жаждали реванша, вынашивали планы мести и ждали только удобного случая. Власть в Европе к тому времени на протяжении нескольких столетий основывалась на балансе интересов. В XVIII-м веке сложился концерт 4-х великих держав: Англии, Франции, Австрии и Пруссии, к концу века к ним добавилась Россия. Ни одна из этих держав ни за что не хотела допустить доминирования другой, на этом держалась относительная политическая устойчивость второй половины XVIII-го века. Наполеон разрушил этот баланс и Европа мечтала вернуться к прежнему равновесию. Отсюда можно сделать вывод, что его собственные риски были гораздо выше, чем у других монархов и он их явно недооценивал. Н-р, после женитьбы на австрийской эрцгерцогине французский император был вполне уверен в лояльности Австрии, но тесть Франц предал его, как только почувствовал, что могущество Франции пошатнулось. Кстати, Александр несколько в этом не сомневался, поскольку совершенно не обманывался относительно крепости родственных связей, когда дело доходило до сущности монархизма. У этой медали есть и другая сторона: прежде чем посвататься к австрийской эрцгерцогине, Наполеон просил руки одной из сестер Александра. Как известно, русский император ему отказал. Не вдаваясь здесь в подробности причин отказа, можно сказать с уверенностью, что если бы Александр действительно хотел мира, он мог бы гарантировать его этим браком, поскольку для Наполеона родственные узы были святы.

Теперь рассмотрим второй фактор — потенциал экономических санкций. Данный инструмент никогда прежде не использовался в таких масштабах, поэтому не было возможности судить о его слабых сторонах. У историка есть по крайней мере одно преимущество по сравнению с современниками — осведомленность. Воспользуемся им:

1) Блокада постоянно нарушалась всеми участниками, потому что, хотя в конечном счете она должна была привести к победе Империи, но практически была всем в тягость, поскольку несла убытки и людям

и коммерческим предприятиям и целым странам. Н-р, брат Наполеона Люсьен, став королем Голландии, тут же начал разными способами уклоняться от блокады, потому что Голландии она была невыгодна. Наполеон вынужден был сместить его и присоединить Голландию к Империи. Так что эффективность блокады сильно ограничивалась уровнем ее соблюдения / несоблюдения.

2) Англия научилась торговать со своими колониями. Часть товаров, прежде импортировавшихся из Европы, стала производиться в других странах.

3) Наполеон был последователем Кольбера, не поддерживал новую тогда идею свободного рынка и его протекционистская политика в некоторых случаях прямо препятствовала экономическому развитию континентальных стран.

4) В 1811-м году начался общеевропейский экономический кризис, на который мало обращали внимания: он не учитывался ни в политических, ни тем более, в военных планах.

Подытоживая, можно сказать, что Наполеон — полководец победил Наполеона — государственного деятеля и законодателя. Однако, война не обязательно является последним способом решения проблемы — бывает, что у проблемы просто нет решения.

Кратко рассмотрим политические процессы, которые привели к войне 1812-го года. Отсчет здесь, видимо, нужно начинать с Тильзита, потому что именно крушение тильзитской системы привело к новой войне с Россией. В Тильзите Наполеон находился на вершине могущества: после роспуска Священной Римской империи германские княжества образовали Рейнский союз под протекторатом французского императора, Пруссия была повержена в одновременном сражении под Йеной и Ауэрштедтом, русская армия разбита дважды — под Аустерлицем и под Фридландом. О сокрушительности последнего разгрома говорит, н-р, фраза Великого князя Константина, командира гвардейского корпуса, сказанная его августейшему брату: «Ваше величество может дать еще одно сражение или просто дать каждому солдату пистолет и велеть застрелиться — результат будет тот же». В таких условиях Александр подписал бы любой мирный договор, продиктованный Наполеоном. Вспомним Пушкина:

*Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара*

*Орла двуглавого щипали
У Бонапартова костра*.*

Однако, Наполеон считал, что с Россией нужен не просто мир, но союз. Это единственная могущественная европейская держава, с которой у него нет ни экономического соперничества, ни пограничных споров, а уроков Аустерлица и Фридланда вполне достаточно и можно забыть недавнюю вражду. Всего несколько лет назад, при императоре Павле, Франция и Россия заключили союз, почему бы не возобновить его теперь? Разве что-то изменилось? Наполеону нужен долговременный союз, основанный на разделе сфер влияния. Тогда в Европе наступит долгожданный мир, у Британии больше не будет союзников, она вынуждена будет смириться с потерей статуса первой экономики мира и подпишет тот мирный договор, который продиктует ей Наполеон. Но Александр понимает ситуацию совсем иначе. Ни днем, ни ночью он не забывает, как погибли его отец и дед**. Он и сам участвовал в заговоре против отца или по крайней мере знал о нем. Поэтому больше всего он боится вызвать неудовольствие какой-то активной группы придворных. Царь точно знает: когда убийцы-заговорщики приходят в спальню, защиты нет. И здесь дело даже не в том, что большая часть русских аристократов, восхищаясь Наполеоном как гением, ненавидит его как врага. Все куда приземленнее. Французский император прельщает разнообразными выгодами от торговли с Францией и ее союзниками, не возражает против присоединения к России Финляндии и Молдавии, но взамен требует соблюдения Континентальной блокады. Однако, торговля с Англией выгодна в первую очередь русской знати, потому что пшеница и строевой лес поступают на английский рынок из ее латифундий. И если политические разногласия вряд ли приведут к заговору, то убытки и угроза разорения вполне могут.

Также Наполеон не понимает психологии своего противника. После разгрома под Фридландом вместо унижительного мирного договора он заключил с русским императором почти равный взаимовыгодный союз и рассчитывает на человеческую благодарность, какую испытывал бы сам. Тем более, что тот вел себя как его восторженный друг. Однако, не тут-то было. Трудно сказать, способен ли Александр испытывать бла-

* Пушкин А.С., «Евгений Онегин», Глава X, ПСС, Л., Наука, 1978, С. 180

** Петр III и Павел I погибли в результате придворных переворотов.

годарность, но нет никаких сомнений, что он остро чувствует горечь поражения и мечтает о реванше, причем разделяет эти чувства со всей русской армией, привыкшей за прошлый век исключительно к победам.

Наконец, Александр сам мечтает стать Наполеоном, а место занято. Его душит неукротимая зависть, ненависть не дает покоя. Они не могут быть союзниками, потому что Наполеон — соперник, они не могут царствовать одновременно — один из них должен пасть. Поэтому для него Тильзит — это не долговременный союз, а вынужденная и по возможности короткая тактическая передышка. Соответственно для Наполеона было бы разумнее не заключать союза, а подписать жесткий мирный договор из числа тех, которые подписывают с разгромленным врагом, т. е. максимально ослаблявший Россию. Хотя объективно долговременный союз был бы выгоден обеим державам, в данном случае субъективные факторы пересиливают.

Следующий за Тильзитом важнейший эпизод в противостоянии двух императоров — Эрфуртское свидание. Видимо, главное его событие — измена Талейрана. Александр был шокирован тем, что один из главнейших сановников империи предает Наполеона. Он понял, что его империя не прочна. Талейран утром советовал Наполеону, а вечером рассказывал Александру, как противостоять этим советам, поэтому его рекомендации были очень точны. Противоречия тем самым становились все более неразрешимыми, а значит, дело шло к войне.

В следующие годы Россия провоцирует нападение Наполеона всеми возможными способами, кроме прямой агрессии. Только один пример: как союзник Франции в кампании 1809-го года, в течение которой наполеоновская армия несколько раз оказывалась в очень тяжелой ситуации, Россия обязана была оказывать французам помощь против австрийцев, но не сделала ничего.

Однако, самое важное — Континентальная блокада. Ее так или иначе нарушают все, даже французский император тайком от самого себя ввозит кофе, без которого не может жить, но только Россия делает это открыто, презируя договоренности. Александр отлично понимает, что если все время обострять ситуацию, Франция в конце концов начнет войну, потому что такова сама имперская логика. Однако, память об Аустерлицком унижении, зависть к похитителю Европы и жажда занять его место настолько сильнее всякого благоразумия, что противостояние с Наполеоном постепенно становится его главной жизненной задачей. Александр планирует новую войну с Францией. Военный министр Барклай де Толли,

советник генерал Эрнст фон Пфуль, граф д'Аллонвиль, генерал-адъютант граф Людвиг фон Вольцоген с октября 1810 года представляют царю подробные планы военных действий, в которых рассматриваются возможные ситуации при наступлении и обороне. В начале декабря Барклай де Толли составил план оборонительного сражения по обеим сторонам от Припятских болот (юг современной Беларуси и север Украины) после молниеносного превентивного удара по базам Наполеона в Польше*.

Перейдем теперь к анализу военных действий. Главное здесь, что сама природа войны 1812-го года для французов и русских совершенно различны. В первом случае это война до победы, во втором — война на уничтожение. Для французов это был самый обычный военный поход, один из многих, хотя, наверное, самый имперский из всех, для русских национальная освободительная война, которая ведется с одной целью — изгнать неприятеля из России и разгромить его армию. Для этого хороши все средства и никакая жертва не кажется слишком большой.

Ловушка, расставленная русскими, оказалась двойной: первая относилась к разряду действий слабого против сильного и была логистической, вторая использовала сложившийся к тому времени у Наполеона стереотип военной кампании и была психологической.

Первая ловушка — заманивание неприятеля или скифская война. Она, несомненно, была придумана заранее. Французская армия превосходила русскую и по численности и по уровню подготовки командного состава, не говоря о том, что ее возглавлял гениальный полководец. Противопоставить этому можно было только два фактора: территорию и климат. Отступление вглубь своей территории не только ослабляло армию неприятеля (при Бородине силы противников примерно сравнялись, хотя наполеоновская армия вторжения не менее, чем в два раза превосходила русскую армию**), но и невероятно растягивало его коммуника-

* A. Roberts. Napoleon: A Life, Penguin books, New York, NY, 2014 p. 575

** Робертс в цитированной выше книге пишет (р. 607–608), что одним из важнейших факторов, ослаблявшим наполеоновскую армию, были болезни, преимущественно сыпной тиф. От болезней в первые полтора месяца войны умерли 140000 человек. Но этот фактор должен был примерно в равной степени действовать на обе армии, хотя данных по русской армии, насколько мне известно, не существует. Предполагаю, что сильно ослабляло ее и массовое дезертирство. Французская армия была многонациональной, причем большую ее часть составляли вчерашние противники, у которых не было никакого стимула воевать за французов.

ционную линию, подставляя ее под удары казаков и партизан. А до зимы оставалось меньше времени, чем казалось: она настигла французов уже в начале отступления.

Вторая ловушка — генеральное сражение и оставление Москвы.

У Наполеона к тому времени сложился имперский стереотип войны, успешно опробованный в трёх кампаниях. Это была связка: разгром врага в генеральном сражении — занятие его столицы — подписание мирного договора. Компоненты могли меняться местами, но обычно присутствовали все три. Я называю такой способ ведения войны имперским не потому, что он был основан на численном превосходстве — так бывало не всегда, а потому, что предполагал полное сокрушение и деморализацию противника: когда после сокрушительного разгрома враг занимает твою столицу, живет в твоём доме и предлагает условия мира из твоего собственного кабинета, сидя за твоим рабочим столом, то это не мир, а капитуляция. И в реальности ровно так и было. А в русском походе все оказалось не так. Победа в генеральном сражении, если и была, то чисто формальной: как писал его участник генерал Алексей Ермолов, «французская армия расшиблась о русскую». А последовавшее за ним оставление без боя второй столицы было еще одной ловушкой, причем эта ловушка, скорее всего, не планировалась задолго, просто так вышло. Французская армия разлагалась в Москве и сама деморализовывалась вместо того, чтобы деморализовывать противника. Не Александр умолял Наполеона о мире, а Наполеон предлагал Александру самый умеренный договор, но все предложения остались без ответа. Не буду пересказывать общеизвестную историю московского пожара и обсуждать его различные версии, в данном случае это неважно. Важно, что и генеральное сражение и занятие вражеской столицы оказались не победой, а ее имитацией, и стали началом гибели французской армии.

Русская стратегия была настолько же простой, насколько выигрышной: заманивая Наполеона вглубь своей территории и растягивая его коммуникационную линию, разработчики кампании антагонисты Барклай и Кутузов отлично понимали, что он не сможет надолго остаться в их стране, поскольку ему нужно управлять собственной Империей. Поэтому главное просто не заключать мир — как только он уйдет, они автоматически станут победителями. Александр говорил, что готов отступать хоть до Камчатки. Но благодаря стойкости русской армии и партизанской войне достаточным оказалось отступить до Москвы.

Подводя итог, можно сказать, что ловушкой стала сама Империя:

1. Фантастические военные успехи создавали иллюзию, что силой можно решить любую проблему и для императора нет ничего невозможного, в то время как в реальности военная французская империя проигрывала коммерческой британской.

2. Наполеон оказывался в плену собственной императорской легенды, собственного успеха — раз до сих пор получалось, надо так же и продолжать, и отчасти собственного гения.

3. В силу своей природы Наполеон должен был решать только нерешаемые задачи*, но политика по определению искусство возможного, поэтому закономерно, что в результате он проиграл как практический политик, зато остался в благодарной памяти народов как философ, законодатель, создатель французского государства и военный гений.

Вполне возможно, что если бы удача послужила Наполеону немного дольше, он бы осознал происходящее и преобразовал военную империю в другой тип государства. Во всяком случае, Коленкур в мемуарах пишет об этом, впрочем, довольно туманно. Но в реальности империя сама поймала его в капкан. Собственно, единственная настоящая ошибка Наполеона в том, что нельзя было столько воевать.

А вот если на секунду представить себе, что наполеоновская империя не погибла, история не только XIX-го, а главным образом XX — го и всю начавшегося XXI-го веков пошла бы совсем другим путём. Европа уже была бы объединена и разнообразные экономические и социальные цели достигались бы в результате спокойного эволюционного развития, поэтому мы избежали бы двух мировых войн, многих революций и последовавших кровавых режимов, десятки миллионов не погибли бы мучительной смертью, а главное, мы жили бы сейчас совсем в другом мире.

* Судя по всему, Континентальная блокада была одной из них.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

ТЕАТР АУСТЕРЛИЦА	5
Ловушка	5
Разговор с Карно	7
Итальянская кампания.....	10
Саварí	12
Александр	13
Вишау	16
Приманка	16
Переговоры	19
Роковая ошибка	22
Иллюминация: «Виват император!».....	23
ОТРЕЧЕНИЕ	30
Разгром.....	30
Спасти империю.....	33
Совет министров	36
Французский парламентаризм в 1815-м	40
«...приношу себя в жертву...».....	43
На пути в изгнание.....	45
Послесловие о последствиях	48
ЖАТТО.....	50
АРМИЯ ОБРЕЧЕННЫХ	57
ДОЛГ	65
МОЙ НАПОЛЕОН.....	80

СТАТЬИ

Теорема Наполеона и его военная стратегия.....	107
Военная империя как ловушка	115

Літературно-художнє видання

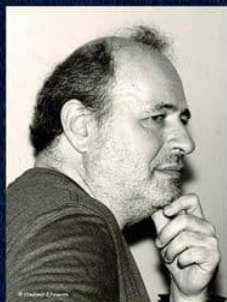
Євген Брейдо
Мой Наполеон
(російською мовою)

Фото автора на обкладинці Володимир Ефроїмсон
Макет обкладинки і верстка Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60 x 84 1/16. Наклад 200 прим. Зам. № 5718
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 7,67
Гарнітура «Times New Roman».
Підписано до друку 07.05.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/с 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

Евгений Брейдо — прозаик, филолог, историк, программист. В прошлом — научный сотрудник Института русского языка им. Виноградова РАН и преподаватель МГУ. Автор диссертации, монографии и ряда статей по теории стиха. Член Международного Наполеоновского общества, специалист по наполеоновской эпохе. Также занимается вычислительной лингвистикой и автоматическим анализом текста. Живет в Нью-Йорке.

Первая книга прозы «Эмигрант» в 2017-м году вышла в московском издательстве «Время». Вторая книга — «Театр Аустерлица», опубликована в 2021-м году издательством «Русский Гулливер». Проза и эссеистика также печаталась в «Новом журнале», НЛО, «Дружбе народов», «Литературе», «Этажах», «Новом свете», «Вестнике пушкинского общества», «Семи искусствах», «Гостиной», «Слове-Word» и др., переводилась на немецкий и французский.

История обретает человеческое лицо в искусстве, в частности, в литературе. В ином случае это чередование войн, революций и убийств, которые не оставляют живых следов по определению. Между тем, есть в ней то, что берут на вооружение не её вдохновенные и жестокие воины, но художники: невозмутимость — ведь История вся в прошлом и её невозможно изменить, — и её, связанная с невозмутимостью, податливость — переписывайте как хотите. В этой превосходной прозе есть аристократическое спокойствие изложения и вольное обращение со временем, которое течёт в обе стороны: автор свободно перемещается в прошлое и пишет под его диктовку настоящее, и настоящим здесь является не только время, но и само искусство письма.

Владимир Гандельман

Часто говорят, что о Наполеоне написано больше книг, чем о ком-либо еще. Он может вызывать любовь или ненависть, но никого не оставляет равнодушным. Однако, может быть, еще важнее, что его образ меняется со временем и каждая эпоха привносит что-то свое. В новой книге писателя, историка, члена Международного наполеоновского общества Евгения Брейдо совмещается художественный и научный взгляд на историю, что придает ее восприятию особую яркость и многогранность. А совершенно живой император к тому же невероятно привлекателен! От души рекомендую эту отличную прозу!

Дэвид Маркхэм,

Президент Международного наполеоновского общества,

Кавалер Ордена французских академических пальм

ДРУКАРЕВСКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ОВДОРОВА